

**Министерство сельского хозяйства РФ
ФГОУ ВПО «Самарская государственная
сельскохозяйственная академия»**

Т. В. Филатов

**ГРЯДУЩИЙ
АПОКАЛИПСИС:
обзор основных сценариев
экзистенциального упразднения
человечества**

Самара 2008

ББК 87
Ф-51

Р е ц е н з е н т ы

Доктор философских наук, профессор, зав. кафедрой
философии естественных факультетов СГУ

А.А. Шестаков

Доктор философских наук, профессор кафедры философии
Поволжской государственной академии телекоммуникаций и
информатики

Н.В. Зайцева

Филатов Т.В.

Ф-51 Грядущий апокалипсис: обзор основных сценариев
экзистенциального упряднения человечества:
монография. – Самара: Изд-во Самарской
государственной сельскохозяйственной академии,
2008. – 159 с.

ISBN 978-5-88575-205-3

В монографии осуществляется сравнительный анализ основных экзистенциальных угроз, стоящих перед современным человечеством, что позволяет сформулировать научно обоснованный прогноз апокалиптического завершения человеческой истории в 21-22 столетиях.

Работа представляет интерес для философов, социологов, футурологов, а также для всех тех, кто интересуется проблемами онтологии, антропологии, эсхатологии и футурологии.

ISBN 978-5-88575-205-3

© Т.В. Филатов, 2008
© ФГУО ВПО СГСХА, 2008

1. ПИСЧЕБУМАЖНЫЙ ТРУП, ИЛИ ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

1.1. Мотивация литературного творчества. Постановка проблемы

Почему люди пишут книги? Казалось бы, очень простой вопрос. Чтобы заявить о себе, прославиться, поведать миру какие-то важные истины, исправить нравы, наконец. Мало ли какие мотивации могут быть у писателя, то есть весьма девиантного лица, которое, вместо того, чтобы существовать, ограничивается описанием своего внутреннего мира, тем самым в подавляющем большинстве случаев отказывая себе в реальном существовании.

Однако как нам представляется, все перечисленные выше мотивации социально ситуационны и потому вторичны, только скрывая собой истинную, первичную мотивацию, относительно которой сам пишущий может и не отдавать себе отчета. Означенная первичная мотивация обнажается лишь тогда, когда вторичные мотивации спадают с пишущего как изношенные одежды, оставляя его наедине с читающей публикой в перевозданной наготе.

Если литератор-беллетрист может быть обуреваем горячим желанием приобрести широкую публичную известность и прославиться, а ученый, как правило, жаждет поведать человечеству о своих великих открытиях, то философу то и другое абсолютно не к лицу. Ведь философом, по определению, именуется лишь тот, кто только ищет истину, следовательно, еще не нашел ее. А если истина не найдена, значит, поведать человечеству пока что нечего. Зачем же тогда писать книги? И о чем их писать?

Идеальный философ – Сократ – не писал философских трудов. Это – общее историко-философское место. Однако мало кто из философов задумывался о мотивации подобного воздержания от письма. Начнем с того, что лежит на поверхности. Истина рождается в споре, и потому Сократ активно полемизировал со своими коллегами-оппонентами, попутно вовлекая их в философствование. Отсюда можно прийти к выводу, что истина, как таковая, Сократа совсем не интересовала; просто

это был хороший повод увлечь окружающих, подтолкнуть их к философствованию. Именно в подобном ключе можно интерпретировать, например, некоторые высказывания Хайдеггера¹.

Другой вариант: Сократ не лукавил, он честно пытался найти истину, то есть, по греческим понятиям, стать мудрым и получить законное право на учительство, на монологическую проповедь, ставящую окружающих в позицию пассивно внимающих тебе в благоговейном молчании. Однако искомая истина так и не была найдена, вследствие чего Сократ до смертного своего часа оставался философом, искавшим мудрость, но не обретшим ее. Своим ученикам он мог заповедать только одно: «Искать!», что и было им сделано.

Конструкция эта вызывает только одно возражение. Ведь Сократ говорил, что «никто не мудр, один Бог», что человек может только стремиться к мудрости, никогда не обретая ее. Стать мудрым в сократической системе координат равносильно тому, чтобы стать Богом. А это невозможно. Следовательно, Сократ призывал своих учеников к недостижимому, к поискам того, чего обрести во всей полноте все равно нельзя. Но разве не превращаем мы нашу жизнь в бессмыслицу, ввязываясь в заранее проигранное сражение, растрачивая лучшие годы в погоне за недостижимым, столь же недоступным нам, как линия горизонта?

1.2. Экзистенциальная мотивация философствования

Здесь, однако, происходит смещение от мотивации письма к мотивации философствования, а это совершенно разные вещи. Одно ясно: если философ еще не обрел истину, находясь в движении к ней, ему не время писать книгу, потому что книга – это всегда остановка². Если же философ обрел истину, значит, он

¹ «... На чем же держится этот авторитет, с помощью которого мы молчаливо убеждаем? Не на том, что мы действуем по заданию некой высшей власти, и не на том, что мы мудрее и умнее других, но единственно на том, что нас не понимают. Лишь пока нас не понимают, этот сомнительный авторитет работает на нас». – Хайдеггер М. Основные понятия метафизики. – В кн.: Время и бытие. – М.: Республика, 1993. С. 336.

уже не философ, по своему определению. И, тем не менее, философы пишут, причем весьма интенсивно.

Вывод один: у философа другая мотивация письма, нежели учительство. Может быть, философом движет неудовлетворенное честолюбие, желание прославиться любой ценой? Увы, последнее по меньшей мере маловероятно, а то и просто глупо. Философские идеи чересчур медленно проникают в общественное сознание, да и круг внимающих им безнадежно узок. По этой причине максимальное, на что может рассчитывать добывающийся популярности философ – это повторить судьбу Шопенгауэра, подытожившего свою жизнь известным афоризмом: «Закат моей жизни стал восходом моей славы». Вообще, ближайший путь к известности в современном мире пролегает отнюдь не через философию, а через поп-культуру.

Итак, «умный» философ рано или поздно понимает, что, по большому счету, ему просто нечего сказать человечеству, поскольку Истина им так и не найдена, а создавать себе популярность посредством написания малопонятных широким массам философских трудов – занятие изначально провальное даже для гения. «Глупый» философ, возможно, всего этого не понимает, но можно ли вообще считать философом кого-то столь глупого и наивного? Это художник, по авторитетному свидетельству многих исследователей³, так и не вылезает из детства до самой старости, тогда как философ в каком-то смысле рождается стариком, подобно Лао-цзы – «Старому Сыну».

Художник творит, потому что он наивен, подобно малолетнему ребенку, а ученый творит от избытка сил, возникающих вследствие обладания истиной, что роднит ученого

² С этим, правда, не согласился бы Жиль Делез, который однажды заметил: «Как можно писать иначе, как не о том, чего не знаешь или плохо знаешь? Воображают, что именно об этом и есть, что сказать. Берутся писать лишь в той точке знания, его высшей точке, которая разделяет наше знание и наше невежество и *переводит одно в другое*. Только так и решаются писать». - Делез Ж. Различие и повторение. – СПб.: Петрополис, 1998. С. 11. Впрочем, переход от невежества к знанию – это уже наука, тогда как задача философии заключается лишь в поиске подобного перехода.

³ См., напр.: Чхартишвили Г.Ш. Писатель и самоубийство. – М.: Новое литературное обозрение, 2000. – 576с.

со зрелым мужем. Но философия, по меткому выражению Гуссерля, – это архонт человечества⁴, что делает философствующего подобным безумному старцу, сажающему деревья.⁵

Философ являет нам в своем творчестве некую мотивацию, настолько глубинную, что ее вполне можно отождествить с первичной и изначальной. Как мне представляется, для философа (и не только для него) писание книг есть способ преодоления собственной смертности. Говоря это, я, вроде бы, не говорю ничего нового. Но это не так, потому что под преодолением смерти здесь понимается вовсе не пресловутое вечное пребывание в памяти потомков, а нечто совсем другое, столь нелепое и иррациональное, что для его анализа целесообразно обратиться к очень отдаленному человеческому прошлому, в очередной раз осуществив перескок с одной темы на другую, ассоциативно и содержательно ей близкую.

1.3. Скрытая сущность кладбищенских монументов

Задумаемся, например, над тем, почему греки ваяли скульптуры умерших из бронзы и мрамора. Очевидный ответ аналогичен тому, который прозвучал чуть ранее: «Для того, чтобы навеки сохранить милые образы близких людей в памяти народной». Скажем, идет какой-то человек по кладбищу, взглянет на статую и узнает о существовании вашего родственника. Рассуждая подобным образом, мы вкладываем в сознание древних современные мыслительные конструкции, что совершенно некорректно.

Отсюда, правда, вовсе не следует, что первобытное мышление абсолютно недоступно нам. Подобно тому, как человеческий зародыш последовательно проходит все стадии биологического развития, в конце концов, приведшего к роду

⁴ Гуссерль Э. Кризис европейского человечества и философия. – В кн.: Философия как строгая наука. – Новочеркасск: Сагуна, 1994. С.118.

⁵ См.: Делез Ж. Различие и повторение. – СПб.: Петрополис, 1998. – 387 с.

человеческому⁶, человеческое сознание, формируясь, проходит именно те фазы, которые в свое время проходило сознание человеческого общества. Следовательно, для проникновения в структуры первобытного мышления необходимо всего лишь вспомнить свое детское мышление и через его призму подойти к решению соответствующих проблем.

Что чувствует ребенок при виде мертвого тела, если, конечно, в его сознание еще не внедрены теории взрослых о смерти и душе? Парадоксально, но он не чувствует почти ничего. Ведь в жизни человека наличествуют различные состояния, например, сон, обморок, паралич и безумие. В этом смысле смерть внешне отличается ото сна, пожалуй, только отсутствием дыхания и трупным окоченением. Грань здесь весьма тонка, о чем свидетельствуют многочисленные народные сказания о заживо погребенных⁷. И где уж ребенку разобраться во всех этих тонкостях.

Дети по своей природе наивные материалисты. Вообще, материализм – это детская философия; в ней много силы и свежести, но мало мысли. С другой стороны, идеализм – это философия стариков, величественная, но бессильная. С точки зрения ребенка человек есть определенное тело, и поскольку оно продолжает быть, продолжает быть и человек. Для ребенка мертвый есть, и потому он не мертв в нашем понимании этого слова. Он похож на сломанную игрушку, о которой повествуется в известном детском стихе: «Уронили мишку на пол, оторвали мишке лапу. Все равно его не брошу, потому что он хороший»!

Далее детская (материалистическая) логика должна работать приблизительно в следующем направлении. Пока мертвое тело сохраняется в узнаваемом состоянии, сохраняется и сам усопший. Он продолжает быть с нами, правда, неподвижно и бессловесно,

⁶ Об этом можно прочесть в захватывающей книге Мэтта Ридли «Геном» (Ридли М. Геном: автобиография вида в 23 главах. – М.: Эксмо, 2008. – 432 с).

⁷ Завещание Гоголя, опубликованное в прижизненном издании «Выбранных мест из переписки с друзьями», начиналось словами: «завещаю тела моего не погребать меня до тех пор, пока не покажутся явные признаки разложения». Примечательно, что великий русский писатель, как и многие его современники, панически боялся быть заживо погребенным. Отсюда и столь странное завещание.

как сломанная игрушка. Но это лучше, чем ничто. Следовательно, тривиальным способом преодоления смерти является сохранение физического тела человека после его смерти.

Здесь на ум приходят, прежде всего, египетские фараоны и «вечно живой» Ленин. Но это уже культура, то есть уход от первичной детскости человечества. Лично на меня гораздо большее впечатление произвела история китайской семьи, волею судеб оказавшейся в не столь отдаленном от нас Будапеште. После смерти любимой бабушки глава семейства наотрез отказался хоронить ее. Проведя бальзамирование по древнему рецепту, образцовый внук оставил бабушку «жить дома», где она «спит», неизменно присутствует на семейных трапезах и даже «смотрит» по телевизору свои любимые сериалы.

Не случайно подобная история произошла именно с бабушкой хозяина. Здесь мы наблюдаем своеобразное восстание детскости, хотя с точки зрения взрослого венгерского окружения это должно казаться форменной дикостью. Впрочем, детскость и дикость – это явления одного порядка.

Вернемся, однако, к древним грекам и к заявленному выше вопросу о глубинном смысле водружения кладбищенских монументов. Сохранение мертвого тела – весьма хлопотное и бесперспективное занятие. Рано или поздно оно все равно будет утрачено. К тому же времена меняются, и на смену образцовому внуку, по законам диалектики, рано или поздно должен прийти озабоченный чем-то другим правнук, совершенно не знающий соответствующей бабушки и потому не имеющий ни малейшего стимула изошренно заботиться о ее бранных останках.

В наивно материалистическом детском сознании неизбежно возникает мечта о теле, более совершенном, нежели наше собственное, которое могло бы автономно, без посторонних забот о нем, существовать сколь угодно долго, ничуть при этом не разрушаясь. А металл и мрамор, как известно, значительно прочнее брнной плоти. Почему бы тогда не заменить мертвое тело его более совершенным прототипом – памятником?

Примечательно, что надгробная тема время от времени прорывается в стихах даже самых талантливых поэтов. «Я памятник воздвиг себе нерукотворный...», «Мне наплевать на бронзы многопудье...», «Не поставят мне памятник в сквере...». Так дает знать о себе наивность гениев, которые в глубине души

все еще остаются детьми. Действительно, если я могу сшить новую одежду взамен старой и изношенной, то почему мне не по силам создать себе новое тело вместо ветхого и разрушающегося?

Наконец, главное. В функциональном отношении памятник ничем не отличается от мертвого тела: он так же холоден, бездыханен и неподвижен. Вместе с тем, в отличие от трупа он не разлагается; более того, он практически вечен. Тем самым, запечатлевая себя в мраморе и бронзе, мы пытаемся создать для себя некую идеальную форму, в которой неопределенно долго можно было бы продолжать свое посмертное существование. Это и есть основная мотивация монументовоздвижения, на которую впоследствии напластовались более взрослые и потому более отвлеченные идеи.

1.4. Материальность памятника как экзистенциальный минус

У памятника как формы реализации идеи личного бессмертия есть только один существенный недостаток, являющийся продолжением главных его достоинств. Памятник чересчур материален, что делает его явно внешним по отношению к моему телу, то есть к подлинному мне. Если сооружать себе монумент при жизни, то вполне можно заразиться известным комплексом Дориана Грея, когда твое грядущее загробное продолжение будет восприниматься как конкурент, вытесняющий тебя, подлинного, на периферию земного существования. При этом следует помнить о том, что во времена Оскара Уайльда кино еще только возникало на экзистенциальном горизонте. Но что чувствуют старые актеры, наблюдающие за созданными ими в молодости экранными персонажами, которые десятилетия спустя продолжают жить своей экранной жизнью?

Монументальное бессмертие недостаточно приватно, и потому оно не может удовлетворить детское «Я» думающего человека, интеллектуала. Последний более ценит внутреннюю жизнь, чем внешнюю, а у памятника таковой заведомо быть не может. Памятник не мыслит, но подлинное наше «Я» располагается не в плоскости телесности, а в плоскости мышления. Фиксируя свое старение, то есть телесное изменение,

например, по ходу рассматривания фотоальбомов, человек постепенно отстраняется от прежних своих образов, изумленно вопрошая: «А я ли это?»⁸. Наше тело всячески ограничивает нас своим несовершенством, уродством, и, наконец, болезнями. Никто не желает болеть и стареть, но наше тело болеет и стареет. Следовательно, мое тело не есть «Я». И потому воздействовать на него я могу только физически, аналогично воздействию на иные, заведомо «не мои» тела: лекарствами, физическими нагрузками, наконец, хирургическим ножом.

Когда христиане умерщвляли собственную плоть, они поступали по-детски рационально. Тело постоянно восстает против наших самых сокровенных желаний и по этой причине заслуживает сурового наказания, вплоть до полного уничтожения. Причем подобный акт возмездия по отношению к телу не есть акт самоуничтожения, потому что тело не есть «Я».

Человек продолжает быть до тех пор, пока он сохраняет свою душевную конституцию. «Я мыслю, следовательно, существую», - говорил Декарт. Значит, пока я мыслю, я продолжаю быть, потому что не существующее мыслить не может. Другое дело, что существующее может и не мыслить, но это существующее уже не будет иметь ко мне никакого действительного отношения, будь то памятник или даже мое безумное, маразмизирующее тело.

1.5. Экзистенциальная мотивация литературного творчества

Можно ли, однако, продлить до бесконечности процесс собственного мышления? Вот задача задач, решение которой приводит к индивидуальному бессмертию. Здесь может показаться, что мы окончательно сходим с твердой почвы материализма, устремляясь на крыльях беспредельной фантазии к высотам идеализма. Но это не так, потому что одним осознанием своей детскости мы вовсе не преодолеваем ее. Проявляется это в том, что идеалистическую по своей сути задачу мы пытаемся решать материалистическими средствами.

⁸ Неруда П. Всеобщая песнь: «Куда подевался мальчик, которым я был когда-то?» - Собр. соч. в 4-х т. Т. 3. - М.: Художественная литература, 1979. - 424 с.

Мысль физически эфемерна, причем в значительно большей степени, нежели тело. Если последнее есть сложная биоструктура, то мышление – всего лишь процесс, осуществляющийся в рамках означенной структуры. Мысль нельзя ни увидеть, ни осязать, ни даже обонять. Речь хотя бы звучит, но мышление лучше всего осуществляется в полном безмолвии. Чтобы спасти себя, нужно, очевидно, спасти свои мысли после физической гибели тела, а для этого их, как минимум, нужно попытаться извлечь из тела. Но как объективировать то, что по своей экзистенциальной хрупкости вплотную приближается к небытию?

Писание книг или литература в широком смысле и есть наиболее очевидная попытка подобной объективации. Закрепляя свои мысли на бумаге, я пытаюсь увековечивать свои мимолетные душевные состояния, которые, при естественном течении событий, немедленно переходят в небытие. В результате то, что должно было просуществовать всего лишь краткий миг, может быть практически вечно. Но душа, как таковая, есть совокупность подобного рода мимолетных мыслительных состояний. Последовательно закрепляя их материально, я, тем самым, структурирую все более и более адекватную копию подлинного себя, которая становится абсолютной, если творцу удастся вывернуть себя наизнанку, полностью выплеснув вовне все внутреннее богатство своей души. Лишь в этом случае мы по-настоящему обессмертим себя, потому что все, оставшееся в нас, должно будет умереть вместе с нами.

Такова, как мне представляется, глубинная мотивация писательского ремесла: не учительство, не слава, а маниакальная жажда бессмертия⁹. Писатель может не осознавать подобной мотивации, может даже восставать против нее, но именно она, в конечном счете, и будет приводить в движение его перо.

Два эпизода, иллюстрирующие подобный взгляд на писательство. Когда чекисты сожгли рукописи отца Павла

⁹ По мнению Б. Сарнова, «в этом, собственно, и состоит назначение искусства, его истинная цель. Конечный смысл всякого искусства есть борьба со смертью. Возможность создать произведение искусства – это возможность остановить мгновение, обмануть смерть, найти лазейку в бессмертии, «гленья убежать»» (Сарнов Б. Маяковский. Самоубийство. – М.: Эксмо, 2007. С. 95).

Флоренского, он якобы сказал: «Это хуже, чем смерть»¹⁰. Действительно, враги умертвили частицу души Флоренского, бытие которой он пытался продлить посредством творческой объективации. Что, однако, это за душа, которую, в принципе, можно убить? Ведь, согласно христианским представлениям, душа человеческая изначально бессмертна, и священник Флоренский должен был чувствовать это лучше кого бы то ни было.

С другой стороны, если занять подлинно христианскую позицию, то творчество вообще утрачивает свою глубинную мотивацию. К чему печься о бессмертии того, что и так бессмертно? Здесь художник Флоренский явственно вступает в конфликт с Флоренским священником.

И еще один эпизод. В романе Зиновьева «Зияющие высоты»¹¹ выведен персонаж, который случайно обнаруживает рукопись со своими старыми стихами, зачитывает их окружающим, а затем в сердцах рвет. Соответствующий отрывок оканчивается примечательными словами: «И никто не остановил его». Действительно, человек, уничтожающий свое творение, с точки зрения пишущего совершает нечто невообразимо страшное: умерщвляет частицу собственной души. Проще оторвать себе руку или ногу, которые через пару десятилетий все равно истлеют в сырой могиле. Но убить мысль, которая, возможно, могла бы жить еще многие столетия? Это действительно кажется несоизмеримым с любым физическим вредом.

Примечательно, что сам Зиновьев решил немедленно умереть, когда некий писатель убедил его в принципиальной невозможности творческой самореализации для советского человека¹². Реально, конечно, сделать писательскую карьеру, озвучивая заведомо чужое и даже тебе враждебное. Но таким способом можно добиться весьма странного результата, уступив свое место в пантеоне бессмертия некому фантомному существу, на самом деле вообще никогда не существовавшему. Уяснив

¹⁰ Об этом можно прочесть в художественном исследовании А.И. Солженицына «Архипелаг ГУЛАГ». – Солженицын А.И. Архипелаг ГУЛАГ, 1918-1956: опыт художественного исследования. [В 3 кн.]. Ч. I-II. – Екатеринбург: У-Фактория, 2007. – 552 с.

¹¹ Зиновьев А.А. Зияющие высоты. – М.: Эксмо, 2008. – 736 с.

¹² Об этом он пишет в автобиографии. – Зиновьев А.А. Русская судьба, исповедь отщепенца. – М.: ЗАО Изд-во Центрполиграф, 1999. – 506 с.

истинное положение дел, Зиновьев логично рассудил, что при таком раскладе жить вообще не имеет смысла, потому что лишь каждодневное преодоление смерти вносит в жизнь определенный смысл. Правда, впоследствии он несколько скорректировал свои выводы, приняв во внимание возможность творческой самореализации за пределами советской действительности.

1.6. Книга как труп души

Итак, для подлинного писателя его труд становится более важным, нежели сама жизнь. Подобно египетскому строителю пирамид он год за годом возводит здание собственного бессмертия. Говорят, что когда умирал Толстой, его рука инстинктивно скользила по одеялу, как будто что-то писала. Вот уж действительно – «жизнь, без остатка отданная творчеству».

Здесь в наше сознание закрадывается определенное сомнение. А не является ли писательская деятельность столь же бессмысленной, как и пирамидостроительство? Ведь египтяне таким образом стремились победить смерть, продлив свое существование далее, в загробное измерение. Это, очевидно, не удалось. Бессмысленным было и начинание греков, изготавливавших слепки собственных тел, чтобы через них быть в мире даже после полного разложения тел биологических. Чем, однако, отличается от всех этих начинаний писательство, сводящееся, в конечном счете, к непрерывной фабрикации слепков собственной души?

Конечно, путем материального закрепления мимолетных душевных состояний можно объективировать нечто, весьма напоминающее материализованную бессмертную душу, но это концептуальное образование будет иметь такое же отношение к нашей действительной душе как надгробная статуя к нашему физическому телу. Памятник, о котором маниакально мечтали многие поэты и писатели, есть, по сути дела, идеальный труп. Аналогичным образом всякая написанная нами книга есть труп нашей души.

Здесь вновь вспоминается парадоксалист Гоголь, привлечший внимание читающего общества к еретической двусмысленности выражения «мертвые души». Ведь душа не может быть мертвой, и, тем не менее, «души» умирают, так что их можно продать подобно

любому другому товару, выдавая, конечно, за «живые». С одной стороны, соответствующий роман можно интерпретировать буквально, то есть антикрепостнически: нехорошо, мол, продавать живых людей, поскольку у них тоже есть души. Возможно, однако, и другое прочтение. Люди способны продолжать свое бытие в этом мире и после своей телесной смерти, например, «в памяти народной». Но души их при этом качественно изменяются, превратившись из живых в мертвые.

В отличие от живого собеседника книга пассивна как труп. Ее можно открывать и закрывать, когда захочешь, но невозможно вступить с ней в дискуссии, потому что отвечать она заведомо не будет; это за нее должны сделать другие, еще не умершие окончательно существа. Да, книга существует веками, но это вечность бронзового памятника.

Бытие человека, то есть жизнь, есть открытость в небытие. Если бы мы обладали фиксированным набором душевных состояний, которые можно было бы воспроизводить в произвольной последовательности бесконечно долго, то мы уподобились бы некому суперкомпьютеру, или, используя архаическую образность, старой шарманке, объективирующей лишь то, что заведомо уже не раз существовало до акта означенной объективации. Все подлинно новое, творческое должно быть неповторимым, а все неповторимое должно быть заведомо конечным во времени. Именно смерть делает возможным развитие, а, значит, и творчество: ведь бессмертное должно изначально быть, причем, во всей своей полноте, никогда ничего не утрачивая из себя, но зато никогда ничего и не приобретая.

Беда книги в том, что она может только быть, либо только не быть; живое же должно одновременно сочетать в себе оба этих состояния. Всякая книга по своей изначальной природе мертва, а книжная духовность есть мертвая духовность. Не потому ли Сократ принципиально воздерживался от писания книг?

1.7. Книга как духовная пища

Итак, к каким выводам мы приходим? Писатель, как и все люди, противоборствует смерти, стремясь увековечить себя. Только для него речь идет не об увековечивании тела, а об увековечивании души. Книга, по изначальному замыслу писателя,

должна стать точной, но при этом неподвластной времени копией соответствующих душевных состояний пишущего, которые в нормальной ситуации либо умирают в нем, либо, в крайнем случае, умирают с ним. Соответственно писательское творчество в целом, если посредством этого творчества пишущему удастся до дна вычерпать свое душевное богатство, становится бессмертным аналогом писательской души, обеспечивая пишущему некую форму чисто духовного бытия и после смерти. Теперь мы выяснили, что означенное бытие есть бытие трупa, и потому в нашем понимании бытием не является. Выдавливая духовное из себя и закрепляя его на более прочных, нежели мозговые клетки, носителях, мы создаем нечто, не способное к спонтанному изменению в силу внутренних причин, что превращает это нечто не в копию нашей души, а в памятник ей, точнее, в материализованный ее труп.

Получается, что писатели всех времен и народов занимались бессмысленным делом? Вовсе нет, потому что их деятельность безусловно общественно необходима. Парадокс заключается в том, что под глубинной мотивацией, увязываемой с жадной бессмертия, скрывается мотивация еще более глубинная.

Дело в том, что аналогии, рассмотренные нами по ходу исследования, в достаточной степени цивилизационны: и мумия, и тем более памятник предполагают определенный уровень цивилизованности отрицающих смерть субъектов. В данной связи невольно задумываешься о тех средствах бессмертия, которые использовались человечеством ранее, задолго до мумий, монументов и книгописания. Свидетельство о существовании подобных средств можно найти даже в Евангелии, где наличествует загадочный в своей двусмысленности текст, смущавший умы не одного поколения комментаторов.

«Я есмь хлеб жизни. Отцы ваши ели манну в пустыне и умерли; хлеб же, сходящий с небес, таков, что ядущий его не умрет. Я – хлеб живой, сшедший с небес: ядущий хлеб сей будет жить вовек; хлеб же, который Я дам, есть Плоть Моя, которую Я отдам за жизнь мира... Если не будете есть Плоти Сына Человеческого и пить Крови Его, то не будете иметь в себе жизни; ядущий Мою Плоть и пьющий Мою Кровь имеет жизнь вечную, и Я воскрешу его в последний день; ибо Плоть Моя истинно есть пища, и Кровь Моя истинно есть питье; ядущий Мою Плоть и

пьющий Мою Кровь пребывает во Мне, и Я в нем; как послал Меня живой Отец, и Я живу Отцем, так и ядущий Меня жить будет Мною; сей-то есть хлеб, спешший с небес; не так, как отцы ваши ели манну и умерли: ядущий хлеб сей жить будет вовек» (Иоан., гл.6, ст.48-58).

Древние верили, что съеденная плоть продолжает жить в съевшем ее. «Ядущий Мою Плоть и пьющий Мою Кровь пребывает во Мне, и Я в нем...». Поедая плоть буйвола, мы приобщаемся к его силе; поедая плоть Бога, мы приобщаемся к его бессмертию. Конечно, у цивилизованных народов подобный ход мысли может вызвать лишь содрогание. Не случайно у Иоанна сказано далее: «Многие из учеников его, слыша то, говорили: какие странные слова! кто может это слушать?» (Иоан., гл.6, ст.60). Канныализм практически стерся из исторической памяти большинства цивилизованных народов, оставив следы лишь в страшных сказках про людоедов и в некоторых пищевых запретах, проистекающих из деления животных на чистых и нечистых. Например, отказ от употребления свинины явно связан с нежеланием уподобиться соответствующему животному, объединяя с ним свою плоть.

Попытаемся, однако, отнестись к вопросу о каннибализме с должным философским спокойствием, без привнесенной цивилизационной предвзятости. В жестокости дикой природы, несомненно, есть очевидная высшая целесообразность. Бытие природного существа осмысленно даже в гибели, поскольку плоть погибшего животного способствует поддержанию жизни животных, еще не погибших. Подобным соображением подспудно руководствуется опытный куровод, стремящийся оборвать нить жизни несушки до того, как ее мясо утратит соответствующие вкусовые качества.

Напротив, смерть старого животного, тело которого затем изолируется от возможных падальщиков, бессмысленна, прежде всего, потому, что никому не нужна. Однако именно к разряду подобных бессмысленно гибнущих животных и относится стареющий человек. Внешне трагедия старения выглядит как трагедия неостребованности в жизни. Но на самом деле это трагедия неостребованности в смерти.

Юношеская смерть всегда была окружена ореолом романтики, особенно если это смерть в борьбе, на поле боя. И дело

тут отнюдь не в некоем социальном заказе, цивилизационной культивации категории мучеников для решения особо важных государственных и военных задач. Смерть в бою есть наиболее точное в современных условиях воссоздание естественной смерти архаичного человека. Правда, вслед за этим, мертвое тело героя, как правило, поедалось, в том числе и врагами-победителями, которые, тем самым, снимали свою вину перед побежденным, возрождая его в себе.

Когда человек осознает неизбежность смерти, он начинает стремиться к смерти осмысленной. Осмысленна, однако, только та смерть, которая воспроизводит жизнь. Это лишь кажется, что детей рожают для того, чтобы паразитировать на их жизни в старости. На самом деле мы хотим, чтобы нашу жизнь съела другая жизнь.

1.8. Демон самопожертвования

Убивать или быть убитым; съесть или быть съеденным – таковы законы биологической жизни и одновременно координаты естественности. Неестественен лишь старческий самораспад, вопиющая бессмысленность которого бросает тень абсурда и на всю предшествующую жизнь человека. Когда человек ощущает, что его время пришло, им овладевает демон самопожертвования. Люди рожают детей, героически трудятся, воюют, безоглядно творят добрые дела, которые, как известно, не остаются безнаказанными, одним словом, ищут мученического венца.

Правда, означенный поиск амбивалентен, и в строгом соответствии с Хайдеггером¹³, а также с законами биологического бытия, происходит почти исключительно в форме уклонения от конечной цели. Человек хочет пожертвовать собой, но у него, что называется, не хватает духу. В конечном счете, существование становится все более и более бессмысленным, завершаясь апофеозом старческого маразма.

Примечательно, что у большинства людей крах жизни происходит уже на стадии осознания ее конечной цели; эти люди даже боятся себе помыслить, чего они на самом деле хотят. Христианские мученики, герои войны, пламенные

¹³ Хайдеггер М. Бытие и время. – М.: Ad Marginem, 1997. – 452 с.

революционеры, жертвы, принесенные на алтарь науки, – редкостное исключение в общей массе. Человек боится осознать, что жизнь его состоится, приобретя логическую завершенность и осмысленность, лишь в том случае, если ему выпадет шанс пожертвовать собой. Но высшая форма самопожертвования – стать для других пищей, дать себя съесть. «...Хлеб же, который Я дам, есть Плоть Моя, которую Я отдам за жизнь мира».

Возможно ли осуществить большее? В материально-биологическом плане, по-видимому, нет. Но в распоряжении человека еще остается сфера духовного. Здесь давно уже сложились довольно прозрачные аналогии, в которые люди по большей части не пытаются или боятся вникать. Книги издавна именуется духовной пищей; о человеке, интенсивно читающем, говорят, что он проглатывает книги; наконец, не в меру отчаявшиеся писатели иногда заявляют, что писали свои шедевры собственной кровью.

Между тем всякая биологическая пища есть умерщвленная плоть; соответственно представление о духовной пище предполагает умерщвленную душу. Творя, человек медленно убивает себя, истончая собственную душу, с тем, чтобы приготовить из объективированных, то есть отчужденных от нее элементов экзотические блюда духовной кухни. В конце концов, от человека должна остаться лишь пустая физическая оболочка; это и называется полной творческой самореализацией.

Итак, пишущий жаждет объективировать свою душу, обеспечив ей, тем самым, вечное земное существование; для этой цели он убивает свою душу, творчески перерабатывая ее в духовную пищу, необходимую для поддержания духовных сил окружающих, прежде всего тех, кто будет жить после него. И кто знает, может быть творящие достигают своего в безумном саморазрушительном стремлении? Во всяком случае, у меня гораздо больше оснований для предположения, что прочитанный, то есть «съеденный» мной писатель продолжает жить в моей душе, нежели их было у первобытного человека, ощущавшего в себе продолжение жизни съеденного им родителя.

1.9. Самопожертвование как глобальный экзистенциальный проект

Эта книга посвящена человеческим исканиям смерти. Из литературной и философской плоскости они естественным образом должны перейти в плоскость экзистенциальную, когда желание завершить свою жизнь героическим аккордом, вместо того, чтобы бессмысленно заживо разлагаться в старости, преодолевает все прочие псевдорациональные соображения.

Здесь на ум приходит, прежде всего, Юкио Мисима, сначала превративший свое хилое тело в «золотой храм»¹⁴ посредством упорных занятий культуризмом, а затем сжегший его, когда бессмысленная старость еще пребывала на весьма дальних подступах. Смерть осмысленна только тогда, когда она становится делом самого умирающего, его фундаментальным экзистенциальным проектом. С другой стороны, осмысленная жизнь не может быть завершаема бессмысленной или, так называемой, естественной смертью.

Не случайно древние германцы помещали погибших в бою воинов в Вальхаллу, где рекой льется вино и праздник длится вечно, тогда как умершие естественной смертью отправлялись в мрачный Хель, где холодно, безрадостно и одиноко. Но осмысленная смерть есть, по своему существу, самоубийство. Однако не всякое самоубийство есть осмысленная смерть.

Мистерия Мисимы с «попыткой военного переворота» более напоминала кукольный театр, нежели что-то действительно осмысленное и серьезное, подобное тому, что делали японские камикадзе во Вторую мировую войну, разбивая свои самолеты об американские военные корабли. Смерть только тогда осмысленна, когда она венчает некий глобальный проект, экзистенциально организующий предшествующую жизнь индивида. И чем масштабнее завершаемое смертью начинание, тем более осмысленна сама смерть.

В свою очередь, увеличение масштабов подобного рода проектов, приводит нас к экстремально масштабному, получившему адекватное выражение в одной из древнейших идей человечества – идее апокалипсиса, когда индивидуальная смерть

¹⁴ Мисима Ю. Золотой храм. – М.: Азбука-классика, 2007. – 352 с.

превращается в смерть всечеловеческую и даже вселенскую. Только апокалиптический проект придает человеческой жизни абсолютный смысл тотального завершения всего, что пугает личность и одновременно притягивает.

Апокалиптическим актом человек отрицает не только себя, но, прежде всего, свою конечность, что позволяет понять означенный акт как отрицание отрицания, снимающее гнет подавляющей индивида реальности, трансформируя рабскую необходимость в абсолютную, ничем не ограниченную свободу, посредством упразднения любых мыслимых материальных структур.

Не случайно религиозная традиция связывает грядущий конец света с последующим воскрешением из мертвых и страшным судом. Несвободная жизнь есть только видимость жизни, когда живое изображает из себя мертвое, чтобы мертвое могло быть живым. По этой причине не стихийные бедствия и инопланетяне являют собой наиболее вероятные причины грядущей гибели человечества. Они коренятся в простом человеческом желании жить, существовать свободно вопреки всему, даже вопреки несвободному существованию, апеллирующему к соображениям выгоды и разума.

Бесконечность – это пустая абстракция, подаренная человечеству эпохой Возрождения, оваянной «героическим энтузиазмом» Джордано Бруно¹⁵. Последний, как известно, проповедовал бесконечность Вселенной в пространстве и во времени, за что и был сожжен на костре по приговору инквизиции. Позднее здравомыслящий немецкий астроном Генрих Ольберс доказал, что такой объект как бесконечная Вселенная логически невозможен, поскольку в каждой точке подобной Вселенной должна концентрироваться бесконечная энергия излучения бесконечного числа звезд, то есть бесконечное пожирает само себя изнутри¹⁶.

По этой причине у человека, народа, культуры, человечества имеются только две одинаково безрадостных альтернативы: либо умереть вовремя, на вершине своего существования, и тогда

¹⁵ Бруно Д. О героическом энтузиазме. – Киев: Новый Акрополь, 1996. – 281 с.

¹⁶ См., напр.: Мартынов Д.Я. Курс общей астрофизики. – М.: Наука, 1988. – 640 с.

смерть определит предшествующее бытие как трагедию, либо умереть не вовремя, и тогда смерть деноминирует все предшествующее в комедию, причем, независимо от содержания последнего.

В этом отношении современная постмодернистская цивилизация явно перезрела, что позволяет определить ее как время шутов и комедиантов, независимо от того, в какой конкретно области они прилагают свои усилия. Но, следуя известной советской шутке, можно констатировать, что в любых условиях есть место подвигу. По этой причине и сегодня изредка встречаются трагические герои, правда, как рудиментарный, исчезающий тип.

Значительно больше героически ориентированных личностей, которые, по меткому выражению Марка Твена, старались, но у них ничего не получилось. В конце концов, классическая трагедия вырождается во вполне современную комедию с бессмысленным припевом: «И жили они долго и счастливо». Насчет «долго» особых сомнений не возникает, а вот насчет «счастливо»... Как заповедовал покончивший жизнь самоубийством Джек Лондон, «не следует оставаться наедине с собственным трупом»¹⁷.

Эта книга о тех, кто буквально следует евангельским заповедям и, будучи мертвым, сам погребает своих мертвецов.

¹⁷ Сравните: Маркес Г.Г. Третье смирение. – В кн. Другая сторона смерти. – М.: Азбука-классика, 2000. – 252 с.

2. БЫТИЕ К СМЕРТИ И НЕОБРАТИМОСТЬ ВРЕМЕНИ

2.1. Хайдеггер: экзистенция как бытие к смерти

Хайдеггер определил человеческое существование как бытие к смерти¹⁸. По его мнению, человек начинает умирать буквально с момента рождения: «Смерть – способ быть, который присутствие берет на себя, едва оно есть»¹⁹. Данная сентенция подкрепляется изречением из сборника «Богемский пахарь»: «Едва человек приходит в жизнь, он сразу же достаточно стар, чтобы умереть»²⁰.

«Не на живот рождаемся, а на смерть»²¹. Но люди ведут себя странно. Осознавая неизбежность смерти, мы, по существу, не принимаем ее в расчет в своем повседневном существовании. Мы живем так, как будто наша жизнь будет продолжаться вечно, живем вопреки общечеловеческой мудрости, постоянно воспроизводящей нам абсолютные истины типа: «день к вечеру – к смерти ближе», «смерть не за горами, а за плечами»²².

Именно отношение человека к смерти более всего прочего свидетельствует в пользу трактовки Камю, определившего человека не в качестве разумного, а в качестве абсурдного существа²³. Одно из двух: либо мы принимаем смерть, либо нет. Не принимая ее, мы должны думать о ней ежечасно, чтобы преодолеть ее. Мысль о том, что все наши начинания обесмысливаются смертью и потому не заслуживают осуществления, должна настолько захватить наше сознание, что

¹⁸ Хайдеггер М. Бытие и время. – М.: AD MARGINEM, 1997. – С.235-267; Хайдеггер М. Пролегомены к истории понятия времени. – Томск: Водолей, 1998. – С.323-336.

¹⁹ Хайдеггер М. Бытие и время. – М.: AD MARGINEM, 1997. – С.245.

²⁰ Там же.

²¹ Пословицы русского народа: сборник В. Даля. – М.: ГИХЛ, 1957. – С.281.

²² Пословицы русского народа: сборник В. Даля. – М.: ГИХЛ, 1957. – С.280, 282.

²³ Камю А. Миф о Сизифе. Эссе об абсурде. – В кн.: Сумерки богов. – М.: Политиздат, 1990. – С.236.

мы были бы не в состоянии длительно сосредотачивать свое внимание на чем-то другом, будучи постоянно озабоченными поисками путей выхода из сложившейся безвыходной ситуации. Например, можно уверовать в жизнь после смерти, поставив в качестве основополагающей жизненной задачи превращение себя в образцового верующего, подобного Аврааму²⁴; можно попытаться преодолеть смерть средствами науки, сформулировав для себя программу, подобную федоровской «философии общего дела»²⁵; можно, наконец, экзистенциально озаботиться реализацией фундаментального проекта Сартра, доказавшего, что человек обретает смысл жизни лишь становясь Богом²⁶. Однако подавляющее большинство людей в своей обыденной повседневности занимаются всем, чем угодно, но только не тем, что имеет отношение к смерти. Мы погружены в жизнь и думаем только о жизни, но не о смерти. Тем самым мы как бы примиряемся со смертью, принимаем ее. Но принятие это почему-то носит страдательно-пассивный, а не деятельностно-активный характер. Мы знаем, что смерть неизбежна, что любые экзистенциальные траектории рано или поздно приведут к ней. Но из всех возможных траекторий почему-то выбирается самая длинная, то есть максимально неэффективная с точки зрения основного закона природы – принципа наименьшего действия²⁷.

Еще Ферма заметил, что свет всегда распространяется по траектории, требующей наименьшего времени для прохождения²⁸. Тем самым в природе реализуется некая рациональная стратегия, что позволило в свое время Мопертьюи выдвинуть тезис об искусственности универсума, косвенно свидетельствующей о наличии творца. Примечательно, что в повседневном отношении к смерти человек реализует противоположную экстремальность, выбирая самый длинный путь к конечной точке своего бытия.

Создается такое ощущение, что человек всячески тянет время, надеясь на некое чудесное избавление от смерти. Однако

²⁴ Кьеркегор С. Страх и трепет. – М.: Республика, 1993. - С. 111.

²⁵ Федоров Н.Ф. Из «Философии общего дела». – Новосибирск, 1993.

²⁶ Сартр Ж.П. Бытие и ничто: Опыт феноменологической онтологии. – М.: Республика, 2000. - С.616.

²⁷ Вариационные принципы механики. – М.: Госфизматиздат, 1959. - С.20.

²⁸ Вариационные принципы механики. – М.: Госфизматиздат, 1959. - С.7.

подобная вера представляется чересчур наивной и потому исключительной, подобной вере Авраама в то, что Бог способен сделать бывшее не бывшим²⁹. Парадокс заключается в том, что, принимая смерть, люди не стремятся к ней. Но если нет стремления к смерти, значит, нет и бытия к смерти, понимаемого как перманентное умирание.

2.2. Некорректность хайдеггеровской интерпретации экзистенции. Оптимизм Гераклита

Нам представляется, что интерпретация всякого человеческого бытия как бытия к смерти не вполне корректна. Да, умирают даже грудные дети, но подобная смерть есть случайность, следовательно, никак не связана с бытием к смерти. Более того, создается впечатление, что молодым смерть экзистенциально чужда. Именно поэтому подобная смерть воспринимается как трагедия, то есть как то, чего можно было бы избежать, в то время как смерть престарелого не вызывает у окружающих трагических эмоций именно в силу своей закономерности и неизбежности.

Молодые и здоровые в своей повседневности живут так, как будто бы смерть для них не наступит никогда. Они выносят ее за скобки, элиминируют. Конечно, случаи смерти периодически наблюдаются, но при этом смерть гнездится во внешнем мире, а не в нас самих. Каждый из молодых ощущает себя бессмертным, и это нормальное для молодости экзистенциальное состояние. Смерть настолько нереальна, что с ней играют, ее искусственно культивируют, порой убивая себя по поводам столь же ничтожным, сколь и нелепым. Очевидный факт: только молодые способны пожертвовать жизнью, и не потому, что они, в силу недостатка ума, не осознают ее ценности; просто в их мире смерти еще нет.

Отношение молодости к смерти можно истолковать как парадоксальный пример противоречия между верой и знанием, причем, противоречия абсурдного. Каждый из молодых знает, что он умрет, но не верит в реальность этого. Примеры рациональных гносеологических стратегий: атеист знает, что Бога нет, и потому

²⁹ Кьеркегор С. Страх и трепет. – М.: Республика, 1993. - С.37.

не верит в Его существование; напротив, теист не знает, есть ли Бог, но верует в него. Стратегия молодости иррациональна: знание о неизбежности смерти никак не может сочетаться с неверием в нее, но именно это и имеет место.

Если попытаться связать неверие в смерть с какими-нибудь экзистенциальными феноменами, то наиболее очевидным способом поддержания иллюзии вечности, несомненно, является повторение. Как указывает Кьеркегор, «повторение и вспоминание – одно и то же движение, только в противоположных направлениях: вспоминание обращает человека вспять, вынуждает его повторять то, что было, в обратном порядке, – подлинное же повторение заставляет человека, вспоминая, превосходить то, что будет. Поэтому повторение, если оно возможно, делает человека счастливым, тогда как вспоминание несчастным»³⁰. Молодость априорно счастлива, потому что для нее практически все повторимо; напротив, старость несчастна, так как ей остается только вспоминание. В данной связи вспоминается также тезис Ницше о вечном возвращении³¹. Но истоки подобного рода идей, как нам представляется, ведут к Гераклиту.

Это был человек пессимистического склада ума, прозванный современниками «плачущим». Однако отстаиваемый им тезис о единстве противоположностей неявно содержит в себе колоссальный заряд экзистенциального оптимизма. Действительно, если все течет и все изменяется, то всякая вещь рано или поздно должна перейти в свою противоположность. Молодое становится старым, здоровое больным, живое мертвым. Но и эти противоположности должны измениться, то есть перейти в свои противоположности. А это означает, что старое помолодеет, больное выздоровеет и, наконец, мертвое оживет. Потому все едино – ночь и день, молодость и старость, жизнь и смерть. «Одно и то же в нас – живое и мертвое, бодрствующее и спящее, молодое и старое, ибо эти [противоположности], переменявшись, суть те, а те, вновь переменявшись, суть эти»³².

³⁰ Кьеркегор С. Повторение. – М.: Лабиринт, 1997. - С.7-8.

³¹ Ницше Ф. Воля к власти. Опыт переоценки всех ценностей. – М.: Культурная революция, 2005. - С.55.

³² Фрагменты ранних греческих философов. Ч.1. – М.: Наука, 1989. - С.213-214.

Однако, если экзистенциальная ситуация действительно такова, как она представлялась Гераклиту, всякое изменение оказывается иллюзорным, неким пульсирующим движением с постоянным возвращением в исходную точку, подобно тому как Земля вращается вокруг Солнца, непрерывно воссоздавая уже бывшие положения, что вызывает смену дня и ночи, времен года и прочие геобиологические круговороты.

В целом же повторение создает полную иллюзию вечности, психологически оформляющуюся в устойчивое ощущение того, что наличное сегодня состояние пребудет далее всегда. Кстати, именно на этом экзистенциально нелепом допущении построены неполные индуктивные обобщения и, следовательно, вся экспериментальная наука, которая наличествует ровно постольку, поскольку имеет место повторение. Соответственно, мы можем научно истолковать лишь повторяющееся, то есть непрерывно само себя воспроизводящее, тогда как уникальное и неповторимое автоматически оказывается недоступным научному истолкованию.

Суть в том, что в молодости все представляется повторимым, если не актуально, то, во всяком случае, потенциально. Человек в этот период своей жизни непрерывно превосходит самого себя, становится лучше, как бы наполняясь бытием. Конечно, молодые люди, в большинстве своем, не пытаются вновь посещать детские дошкольные учреждения, либо переписать набело прошедшие школьные годы. Однако в случае острой необходимости соответствующую экзистенциальную стратегию можно было бы без труда реализовать. Молодые в этом отношении подобны Господу Петра Дамиани, воздерживающемуся от того, чтобы сделать бывшее не бывшим не потому, что Он не обладает подобной возможностью, а потому, что у Него нет соответствующего желания³³.

2.3. Бытие от смерти

Отстаиваемый нами тезис отличен от тезиса Хайдеггера: человеческое бытие не есть изначально бытие к смерти. Скорее, в

³³ Дамиани П. О божественном всемогуществе. – В кн.: Ансельм Кентерберийский: соч. – М.: Канон, 1995. – С. 365.

своей исходной точке, это бытие от смерти. Смерть входит в наш мир только тогда, когда нечто экзистенциально важное превращается для нас в чистое воспоминание, становясь онтологически необратимым. Как показал Пригожин, время в классической науке реально мыслилось как некая разнородность пространства, то есть в духе обратимости и повторяемости³⁴. Мы легко можем совершить путешествие из Петербурга в Москву вспять, предприняв путешествие из Москвы в Петербург; однако никакая машина времени не перенесет нас из сегодняшнего дня в день вчерашний, поскольку, в отличие от пространственных перемещений, движение во времени необратимо, так что, удаляясь от феномена во времени, мы, тем самым, теряем его навеки.

Первоначально, правда, необратимое наличествует для нас как чисто физический, а не как экзистенциальный феномен. Мы знаем, что разбитое зеркало нельзя склеить, что мертвые никогда к нам не вернуться, что разбредающих по свету друзей, подобно броуновским частицам, практически невозможно вновь собрать вместе. С другой стороны, нет такого движения, интеллектуального или телесного, которое индивид потенциально не смог бы воспроизвести. Более того, осознание необратимости как внешнего по отношению к собственной экзистенции, то есть как случайного и потому трагического, только усиливает тенденцию к повторению, которая теперь не просто органически сопутствует бытию молодости, а начинает культивироваться искусственно.

Так, теряя друзей, мы стремимся завести себе новых, экзистенциально повторяя движение дружбы; на руинах разрушенной семьи тут же воссоздается новая, поскольку индивид ощущает себя еще способным воспроизвести соответствующий тип бытия; безработные заняты поиском новой работы; сироты ищут себе новых родителей, больные – новых врачей, а преступники – новых жертв. Ощущая рядом с собой пустоту, человек тут же заполняет ее, организуя очередное повторение, которое тем вероятнее, чем моложе соответствующая личность. В этих условиях небытие, смерть попросту не может устойчиво

³⁴ Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса. – М.: Прогресс, 1986. - С.294.

закрепиться в экзистенции и тем более придать ей форму бытия к смерти.

Иначе говоря, на определенном этапе человеческой жизни время присутствует в ней чисто формально, как пустая длительность пространственного типа. Реально же времени нет, всякое изменение обратимо и потому иллюзорно. Бытие предельно устойчиво как последовательность повторений, свободно осуществляемых индивидом по мере желания. Парадоксальным образом на этой стадии своего существования человек реализует фундаментальный проект Сартра, последовательно становясь Богом. Спектр наших возможностей неуклонно возрастает, и мы не видим той точки, где тенденция должна переломиться, положив начало процессу перманентной деструкции. Соответственно человек экстраполирует свою непрерывно возрастающую степень бытия на бесконечность, получая в пределе способность к реализации любых возможностей, то есть всемогущество.

Конечно, подобного рода самоощущение оказывается не более чем психологической иллюзией, порожденной тотальностью повторения. Впрочем, аналогичная иллюзия, как показал Поппер, поддерживает нашу веру в истинность научных теорий, на поверку оказывающихся фальсифицируемыми, то есть ложными³⁵. Просто на каком-то этапе своего существования соответствующая теория обходит свои потенциальные фальсификаторы, подобно смертнику, движущемуся вслепую по минному полю.

Очевидно, что фальсифицируемая теория является ложной изначально, а не только с момента ее фальсификации. Соответствующая эмпирическая процедура вовсе не лишает ее истинности, она лишь очерчивает ее реальные эпистемологические границы, разрушая иллюзию бесконечной объяснительной силы кратковременно доминировавшей концептуальной конструкции. Точно так же человек может осознать свою концептуальную ограниченность, столкнувшись с заведомо нереализуемой для него возможностью.

Кто-то пытается совершить великое открытие, но не может. У кого-то нет физических данных для того, чтобы танцевать в балете. Кому-то не удается соединиться с самой прекрасной женщиной на земле. Столкнувшись с подобного рода

³⁵ Поппер К.Р. Логика и рост научного знания. – М.: Наука, 1983. - С.43.

экзистенциальным препятствием, бытие человека может резко переломиться в сторону смерти, завершившись даже скоропалительным самоубийством. Однако подобного рода перелом экзистенциально случаен и потому трагичен, как трагична смерть Ромео и Джульетты, которые вовсе не обязаны были умирать.

Подобно реке, столкнувшейся с горным утесом, человек, столкнувшись с заведомо нереализуемой возможностью, найдет себе новый путь вперед, реализуя иные возможности, которые до этого еще не были реализованными, и, тем самым, непрерывно увеличивая степень своего бытия, последовательно уводя его от смерти. Так, неудачливый ученый сплошь и рядом становится удачливым бизнесменом, неспособный к балету вполне способен преуспеть в сумо, наконец, потерпевший катастрофу в любви может превратиться в хорошего поэта, подобного Данте или Петрарке.

2.4. Сужение горизонтов бытия и кризис среднего возраста

Кант определил Бога как необходимое существо, обладающее высшей степенью реальных свойств, «которая только может быть вообще присуща вещи»³⁶. Например, животное движется, а растение нет; следовательно, животное обладает большей степенью реальности, нежели растение; аналогичным образом степень реальности человека выше степени реальности животного, потому что человек мыслит, а животное нет. Увеличивая поле своих возможностей, мы, тем самым, расширяем горизонт своего бытия, что естественным образом уводит нас от смерти.

Ситуация, однако, начинает меняться, когда некая возможность, неоднократно ранее реализовавшаяся в действительности посредством повторения, становится вдруг принципиально нереализуемой, переходя в разряд чистого воспоминания. Иначе говоря, человек впервые сталкивается с уменьшением степени своего бытия, причем, масштабом изменения впервые выступает не внешнее, то есть мир, а сам экзистирующий индивид. Он более не может существовать по

³⁶ Кант И. Единственное возможное основание для доказательства бытия Бога // Соч. в 6-ти т. - Т.1. – М.: Мысль, 1964. - С. 417.

старому, и бытие его резко меняет свое направление, подобно тому, как свободно летящий камень резко отскакивает, столкнувшись с достаточно серьезным препятствием.

Здесь возможна и другая аналогия. Камень, брошенный вертикально вверх, постепенно утрачивает свой изначальный импульс, перманентно замедляя движение, пока, наконец, не застынет неподвижно в верхней точке, чтобы затем начать ускоренно-обвальное падение вниз. Так и в человеческой жизни первая же трансформация повторяемого в неповторимое и, соответственно, обратимого в необратимое, резко меняет вектор экзистенции, придавая ей характер бытия к смерти.

На наш взгляд, чтобы быть к смерти реально, а не метафорически, необходимо постоянно бытийствовать в модусе «умирания как». Например, в один прекрасный момент человек понимает, что он умер как спортсмен, как ученый, как мужчина, как гражданин, как солдат. Последнее, впрочем, двусмысленно, поскольку бытие солдата реально только тогда, когда оно есть бытие к смерти. В этом смысле оно аномально и трагично, подобное противопотоку в общем потоке к полноте жизни. Вместе с тем трудно рассуждать об умирании как ребенок, как студент, как начинающий литератор, поскольку соответствующие экзистенциальные роли предполагают естественный переход к большей степени бытия. Следовательно, здесь нет и не может быть бытия к смерти.

2.5. Бытие к смерти как иллюзорное бытие

Именно в этой точке мы и подходим к кульминационному пункту исследования. По мысли Хайдеггера, «как брошенное бытие-в-мире присутствие всегда уже вверено своей смерти. Сущее к своей смерти, оно умирает фактично, причем постоянно, пока не пришло к своему уходу из жизни. Присутствие умирает фактично, значит, вместе с тем, что оно в своем бытии к смерти уже так или так решилось. Обыденное падающее уклонение от нее есть несобственное бытие к смерти»³⁷. В то же время «собственное бытие к смерти не может уклоняться от наиболее своей,

³⁷ Хайдеггер М. Бытие и время. – М.: AD MARGINEM, 1997. - С.259.

безотносительной возможности, в этом бегстве ее скрывать и перетолковывать для понятливости людей»³⁸.

Почему люди продолжают уклоняться от смерти, даже когда вектор их бытия неотвратимо увлекает их в противоположном направлении? Парадоксально, но люди продолжают жить, потому что не реализовали еще всего многообразия своих потенциальных возможностей. Следует констатировать, что элементы деструкции и конструкции присутствуют в бытии к смерти одновременно и с необходимостью; не будь первых, оно не было бы «к смерти», не будь вторых, оно не было бы бытием.

И в бытии к смерти люди продолжают как-то жить, то есть реализуют некие новые возможности. Но подобного рода бытие иллюзорно, поскольку возможности эти вторичны; именно в силу вторичности они не были реализованы ранее, будучи отвергнутыми в пользу более важного, сложного и первоочередного. Развертываясь в целом, то есть исторически, бытие человека свертывается фактично, так что в каждый последующий момент он суммарно обладает меньшей степенью бытия, нежели в предыдущий. В конечном счете, индивид приходит к полной деструкции, к пародии на самого себя. Такова плата за экзистенциальную полноту существования.

Бытие к смерти, по существу, представляет собой разложение заживо, жизнь после того, как высшая точка жизни уже пройдена. Подобная форма бытия внутренне противоречива, следовательно, нелогична и абсурдна. Тем меньше оснований рассматривать ее в качестве единственно возможной формы человеческого бытия вообще. И, пожалуй, Ницше был по большому счету прав, когда утверждал, что «в известном состоянии неприлично продолжать жить. Прозабание в трусливой зависимости от врачей и искусственных мер, после того как потерял смысл жизни, право на жизнь, должно было вызывать глубокое презрение общества»³⁹.

³⁸ Там же. С. 260.

³⁹ Ницше Ф. Сумерки идолов или как философствуют молотом // Соч. в 2-х т – Т.2. – М.: Мысль, 1990. – С.611. Трагикомедия философа заключается в том, что в конце жизни Ницше сошел с ума, что вынудило его провести 12 последних лет в качестве «овоща».

2.6. Экзистенциальное резюме: абсурдность старости

Последняя абсурдность человеческого бытия заключается в том, что культурные стандарты бытия всегда определяются генетически первичным, старым, следовательно, уже умирающим и неспособным к подлинному бытию. Отсюда известная проблема отцов и детей, обессмертившая в свое время имя И.С. Тургенева⁴⁰. «Старость боится смерти»⁴¹, а молодость нет, хотя это и представляется полным абсурдом. Старец оптимистичен и осторожен, поскольку его жизнь уже сыграна и ему не будет предоставлен новый шанс заново отыграть ее. Отсюда консерватизм, боязнь перемен, желание сохранить существующее положение вещей, по существу давно проигранное.

Парадоксальным образом способность жить предполагает жертвенность, сознательный отказ от жизни, если таковая не достойна человека. Но жертвенность и революционность – удел молодых, которые одни только способны к самоубийственному сверх-усилию. В этом смысле современные западные цивилизации танатологичны; заживо разлагаясь в тотальном самоудовлетворении и массовом потреблении, они отравляют последние остатки жизни на планете, которая становится тесной для перманентно увеличивающейся человеческой биомассы.

Общество, где преобладают люди старшего возраста, естественным образом становится биологически старым, постепенно теряя импульс к развитию. Но, доминируя геополитически, подобные стареющие общества стремятся навязать естественную для них идеологию остальной части человечества, для которой она неестественна, подобно тому, как неестественно помещение ребенка или юноши в дом престарелых.

В этом смысле вполне логичным выражением духа современной западной цивилизации является концепция Фукуямы о конце истории⁴², понимаемом в том смысле, что уже все достигнуто, поэтому пенсионному человечеству остается только

⁴⁰ Тургенев И.С. Отцы и дети. – М.: Детская литература, 2008.

⁴¹ Маршак С.Я. Вересковый мед. Из Роберта Стивенсона. – М.: Советская Россия, 1981. – 32с.

⁴² Fukuyama F. The End of History and the Last Man (1992), рус. пер. – Конец истории и последний человек (2004)

тихо наслаждаться жизнью, пожиная плоды прошлых исторических успехов. Еще дальше простирается мысль Бьюкенена, который рассуждает о грядущей смерти Запада⁴³. Действительно, о чем еще думать в старости как не о фактическом завершении экзистирования и неотвратно грядущей кончине?

Как когда-то сказал Гегель, «философия есть время, постигнутое в мысли»⁴⁴. Отсюда и «бытие к смерти» Хайдеггера, поскольку кроме смерти Западу нечего предложить человечеству. Правда, маленькому человеку трудно уяснить логическую связь между «бытием к смерти» и «демократическими ценностями». Последнее, однако, вполне очевидно, поскольку современная западная демократия – это финальный маразм стареющей коллективной западной души, когда перманентное бессилие и разложение становится образом жизни, идеологически отраженным западной политической мыслью.

Так или иначе, «бытие к смерти» постепенно превращается в глобальный философский проект, двусмысленный по своей онтологической сути. С одной стороны, западный человек обзревает свою безрадостную экзистенциальную перспективу, пытаясь нейтрализовать возможные угрозы своему уютному и комфортному, но неотвратно угасающему существованию, даже такие откровенно маразматические как гипотетическая возможность апокалиптического падения на Землю астероида или иранский ядерный удар по Европе. С другой стороны, экзистенциальные угрозы подспудно культивируются, как возможные сценарии конца, отстраненно-теоретическое рассмотрение которых создает ощущение присутствия на собственных похоронах.

Именно к анализу экзистентного веса наиболее впечатляющих из подобных сценариев мы сейчас намерены обратиться.

⁴³ Бьюкенен П. Дж. Смерть Запада / пер. с англ. А. Башкирова. – М.: ООО «Издательство АСТ»; СПб: Terra Fantastica, 2004. – 444 с.

⁴⁴ Гегель Г. Философия права. – М.: Мысль, 1990. – 524 с.

3. СЛОВО О САМОУБИЙСТВЕ

3.1. Рождение международного терроризма как экзистенциального феномена

В основу этой главы положен доклад, сделанный на научной конференции сразу после событий 11 сентября 2001 года. Именно в этот день идеологическое клише «международный терроризм», активно тиражируемое Западом, приобрело, что называется, плоть и кровь. Однако даже после падения нью-йоркских башен-близнецов означенный конструкт продолжает выглядеть вымученным и надуманным, чем-то напоминая «врагов народа», активно конструировавшихся в СССР сталинского периода.

Действительно, подобно тому, как миллионы советских людей внезапно охватил совершенно необъяснимый зуд вредительства, странные люди по всей планете, отпраздновав «Миллениум», внезапно возжелали погубить США и устанавливаемый американцами новый мировой порядок. Что-то здесь не сходится, особенно если учесть, что главного врага Америки – Усаму Бен Ладена – доблестные американские спецслужбы никак не могут вычислить и поймать уже который год.

События 11 сентября 2001 года поражают воображение своей экзотической нелогичностью. На первый взгляд могло показаться, что нью-йоркские небоскребы разрушили сумасшедшие, сбежавшие из близлежащей психиатрической больницы в серых халатах и белых тапочках. Действительно, смерть несчастных американцев не нанесла США реального вреда, а только развязала руки для активных действий. Спрашивается, какие политические дивиденды рассчитывали получить организаторы акции? Победить США в террористической войне? Но ведь это смешно. Столкнуть Америку с мусульманским миром? Это весьма проблематично. Устрашить американцев и заставить их пойти на уступки? Детская наивность! Если даже СССР со всем его ядерным оружием не удалось достичь этого, то на что рассчитывать Бен Ладену с его кинжалами и спорами сибирской язвы?

Конечно, лет через 50-100 террористические акты в Нью-Йорке могут дать какой-то эффект, подобно тому, как убийство Александра Второго, в конце концов, аукнулось Октябрьской революцией. Но реально уповать на столь отдаленные последствия своих действий может только безумец, рассчитывающий на выигрыш аналогично тому, как надеется сорвать банк игрок в рулетку, имеющий не более одного шанса на миллион.

Реальным следствием действий Бен Ладена, как и следовало этого ожидать, явился вовсе не гипотетический разгром Америки, а разгром самого Бен Ладена и поддерживающих его сил, включая движение “Талибан”. Относительно последних и вовсе все непонятно: зачем им это было нужно? Сидели бы в Афганистане на своих наркотиках, нанося Западу весьма ощутимый, а отнюдь не чисто символический вред, как это имело место в случае с уничтожением Всемирного торгового центра. Рано или поздно они давили бы Северный Альянс, став полноправными хозяевами всей страны. А что мы имеем теперь? Торжество их врагов, распоряжающихся в их стране как у себя дома. Воистину заговор Бен Ладена напоминает заговор сумасшедших, и никуда нам от этого не уйти.

3.2. «Невероятное ощущение власти»

Примечательно, что в тени прочих событий осталась экзотическая форма захвата самолетов, к которой прибегли арабские террористы. Дело в том, что у них не было ни автоматов, ни бомб, ни пистолетов – одни только ножи. Расчет был психологически предельно точен: сотни благополучных американцев до смерти испугаются четырех маленьких маньяков, размахивающих ножами, столь же бессильными против обезумевшей толпы как мухобойка против льва. Почему же пассажиры повели себя глупо и трусливо, позволив погубить десятки тысяч людей и безропотно, как стадо баранов, пойдя на заклятие? Ответ прост: террористы сознательно шли на верную смерть, решив завершить свою жизнь на высокой ноте коллективного самоубийства, а простые американские граждане были внутренне не готовы к этому. Они хотели жить и потому в духовном плане оказались многократно слабее тех, кто буквально жаждал умереть.

Парадоксально, но нью-йоркский кошмар явил собой редкий пример торжества человеческого духа над материей. Вся чудовищная мощь американской техники оказалась бессильной против горстки людей, вооруженных только примитивными первобытными ножами и безумной жаждой принести себя в жертву своим убеждениям. Как говорил один из героев Стриндберга: «Сознание того, что смерть у меня в руках, дает мне невероятное ощущение власти»⁴⁵.

Интересна причина, почему четвертый самолет, захваченный террористами, так и не достиг своей неведомой цели. Оснащенные сотовыми телефонами американцы, наконец, поняли, какой будет уготованная им судьба. И осознав это, они приняли единственно правильное решение, поставив на карту свою жизнь. Обычные люди выступили против террористов практически с голыми руками; началось кровавое побоище, где перспективы сторон уже были весьма неясны, вследствие чего захватчикам пришлось направить самолет в землю, не дожидаясь возможной неблагоприятной для них развязки.

Бен Ладен, по существу, не придумал ничего нового; он лишь эксплуатировал то единственное, что поднимает человека на самую вершину человечности – способность сознательно выбрать смерть, когда еще остается возможность продолжения существования. Вопросая о событиях 11 сентября: «Что это было?», мы, в конце концов, вынуждены ответить: «Самоубийство». Это было самоубийство террористов, «Аль-Кайды», самого Бен Ладена, а также движения «Талибан». Здесь кончается геополитика, история и социология и начинается высокая философия, потому что только она позволяет понять глубинный смысл осуществившегося на наших глазах кровавого действия.

3.3. Экзистенциальная сущность самоубийства

Итак, что же такое самоубийство? Согласно словарю С.И. Ожегова, это «намеренное лишение себя жизни»⁴⁶, а в «Толковом

⁴⁵ Стриндберг А. Слово безумца в свою защиту; Одинокий: Романы; Пьесы. – М.: Худож. лит., 1997. - С.238.

⁴⁶ Ожегов С.И. Словарь русского языка. – М.: Сов. энцикл., 1964. - С.687.

словаре» В.И. Даля можно найти следующее примечательное определение: «Самоубийца – сам себя лишивший жизни, наложивший на себя руки»⁴⁷. Здесь с великим русским филологом не во всем можно согласиться: ведь для того, чтобы лишиться себя жизни, вовсе не обязательно накладывать на себя руки. Можно, например, упиться до смерти или сорваться в горную пропасть, или дать себя убить на дуэли, как это сделал Лермонтов, или уморить себя голодом, или войти в клетку к хищникам; да мало ли еще как.

Самоубийство – это сознательный выбор смерти в ситуации экзистенциального выбора между жизнью и смертью. И по большому счету совершенно не важно, каким конкретно способом оно осуществляется. Если принять во внимание данное философское соображение, то мы столкнемся с совершенно невероятными вещами, разрушающими наши обыденные представления об этом мрачном проявлении человеческого духа. Причем истина самоубийства, что называется, лежит на поверхности, и только наше превратное понятие о нем мешает нам разглядеть ее.

Общеизвестно, например, негативное отношение христиан к самоубийцам. Их всячески осуждали, отказывая в отпевании и христианском погребении, а после смерти им были уготованы вечные мучения в одном из кругов ада, наряду с ворами, убийцами, прелюбодеями и прочими изгоями рода человеческого. С другой стороны, ни одна из религий не культивировала самоубийство столь последовательно и тщательно как христианство.

Рассмотрим, например, следующую классическую ситуацию: злые язычники предлагают христианину уважить их богов, принеся им соответствующие жертвы. Христианин прекрасно знает, что в случае отказа выполнить их требования его наверняка убьют, но он отказывается, сознательно принимая мученическую смерть от рук злодеев. Что это такое, если не самоубийство? С таким же успехом я могу с голыми руками наброситься на преступника, вооруженного автоматическим оружием.

⁴⁷ Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. – В 4-х т. - Т.4. – М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1956. - С.136.

Нет, христианство осуждает не самоубийство как таковое, а, скорее, эвтаназию или “легкую смерть”. Аналогичным образом в христианстве осуждалась и легкая беззаботная жизнь, которую имели или к которой стремились нечестивые язычники. Подлинный христианин должен превратить свою жизнь в бесконечный кошмар физического и морального страдания, умерщвляя свою плоть, раздавая свое имущество, безропотно снося обиды и издевательства врагов. Не случайно христианство окончательно утвердилось на Руси только после монголо-татарского нашествия, когда кошмар повседневной жизни естественным образом совпал с тем, что в иных условиях должно было достигаться ценой невероятных личных усилий. Соответственно кошмарную жизнь должна была увенчать смерть, гораздо более кошмарная, нежели сама жизнь. В противном случае это можно было бы расценивать как трусость и капитуляцию, как нежелание до конца пройти свой крестный путь, подражая в этом Спасителю.

Конечно, жестокие представления первоначального христианства о жизни и смерти постоянно корректировались в сторону ослабления, так что к исходу девятнадцатого столетия даже непротивленец Толстой понимал, что не следует всякому подставлять другую щеку, как требует того соответствующая заповедь, ибо в этом случае тебя, скорее всего, попросту убьют, а Бог не может хотеть этого⁴⁸. Истина, однако, в том, что сознательное избрание смерти во имя веры никогда не осуждалось христианством, а только приветствовалось как высший духовный подвиг. Напротив, человек, избравший под угрозой смерти жизнь и отречение от веры, заслуживал, с точки зрения правоверных христиан, самого глубокого осуждения.

3.4. Самоубийство и героизм

Новые времена порождают новых богов. И эти новые боги требуют от людей гораздо более жестокого служения, нежели боги старые. В Самаре мы часто проходим по неустроенной, полубарачной улице Гастелло. Мало кто задумывается, что эта

⁴⁸ Толстой Л.Н. Исповедь. В чем моя вера? – Л.: Худож. лит., 1990. - С.126-127.

улица названа именем самоубийцы. Но ведь так оно и есть! Гастелло был самоубийцей, равно как японские летчики-камикадзе. Кстати, как указывает Г.Ш. Чхартишвили в своем фундаментальном труде «Писатель и самоубийство», первым направил свой самолет на вражеский корабль вовсе не японец, а американец – лейтенант Флеминг⁴⁹.

В каждом крупном российском городе наверняка обнаружится улица Александра Матросова, совершившего в свое время классически русский вариант самоубийства, бросившись на вражеский дот, грудью прикрывая от пуль своих товарищей. Да и богатырь Пересвет, согласно мнению некоторых историков, вовсе богатырем не был, а был простым православным монахом, желавшим принять мученическую смерть за веру. И кольчуги никакой у него не было – только большой медный крест на груди.

Сталин, как известно, требовал от своих воинов очень многого – умереть, но не сдаваться врагу живыми. Иначе говоря, он требовал от людей коллективного самоубийства. Пленные – все без исключения – рассматривались как предатели, потому что они предпочли жизнь в плену героической смерти. Тем самым Сталин без числа плодил настоящих предателей, так что в ходе войны более миллиона советских граждан сражались против своей родины на стороне врага. Они понимали, что после сдачи в плен им нет уже ни возврата, ни прощения. Так что самоубийство в годы войны стало чуть ли не священной обязанностью каждого советского человека.

В повести Василя Быкова «Сотников» прекрасно обыгрывается этот сюжет. Один партизан оказывается не готовым пожертвовать своей жизнью и неизбежно становится предателем, тогда как другой решает умереть, и эта решимость делает его героем.

3.5. Релятивность моральной оценки

Суммируем сказанное. Нет ни одного проявления человеческой самости, которое однозначно интерпретировалось бы обществом в качестве безусловно хорошего, либо безусловно

⁴⁹ Чхартишвили Г.Ш. Писатель и самоубийство. – М.: Новое литературное обозрение, 2000. – С.236.

плохого. Например, убийство собутыльника в ходе пьянки – это плохо, а убийство врага на войне – очень хорошо; украсть корову – это преступление, а регулярно обкрадывать миллионы людей – это бизнес; совокупление с законной супругой – похвально, с любовницей – сомнительно, с дочерью – чудовищно, с животным – противоестественно. Одним словом, ***моральным или аморальным человеческий поступок всегда становится не сам по себе, а в силу сопутствующих обстоятельств.*** И самоубийство здесь не составляет исключения.

В христианстве, если присмотреться внимательнее, аморальным является не самоубийство как таковое, а ***своеволие***: человек, будучи рабом Божиим, не в праве самостоятельно распоряжаться своей жизнью, которую Бог дал ему во временное пользование. Более того, идеальный раб с радостью должен принимать ***любую*** жизнь, не имея права протестовать или сетовать, и тем более нагло возвращать свой билет обратно, как это сделала Марина Цветаева. Однако в том случае, если Бог недвусмысленно требует от тебя: «умри!» или «убей!», идеальный раб должен бестрепетно исполнить Его священную волю.

В данной связи вспоминается история рабства в Америке. Белые плантаторы так и не смогли превратить в раба ни одного индейца, потому что настоящие индейцы предпочитали смерть рабскому существованию. Напротив, жизнелюбивые негры оказались идеальными рабами, которых стали завозить в Новый свет десятками миллионов. ***Раб – это не социальное положение и не судьба, это, прежде всего, духовная ориентация.*** Свободный человек, по одному своему определению, никогда не будет рабом, потому что в критический момент он сделает выбор в пользу смерти, а не в пользу рабского существования.

Большинство людей в современной России религиозны лишь по видимости, аналогично тому, как пару десятилетий назад они только выглядели высоко идейными. Однако неверие ни в Бога, ни в коммунизм отнюдь не освобождает от душевного рабства. Психология раба остается у человека даже после внешнего освобождения. Кажется, Чехов советовал по капле выдавливать из себя раба, а Моисей не стал вести рожденных рабами в Землю Обетованную, потому что рожденный рабом никогда не станет подлинно свободным. Неверующие осуждают самоубийство

только потому, что в их душах все еще живет рабство, генетически унаследованное ими от христианства.

3.6. Героизм и доброта как самоубийство

Необходимо понять, что *героизм и самоубийство – это явления одного порядка*. Всякий герой – потенциальный самоубийца, и всякий самоубийца – потенциальный герой. Напротив, человек, не способный на самоубийство, не способен и на подлинный героизм. Более того, он вообще ни на что не способен, потому что *любые возвышенные проявления человеческого духа – самоубийственны*. Ницше и Кьеркегор убили себя философией, Пьер и Мария Кюри – наукой, Гоголь и Бальзак – литературой, и примерам этим нет числа. Если человек чего-нибудь действительно хочет достигнуть, он обязательно должен поставить на карту свою жизнь; в противном случае ему изначально ничего не светит, и его судьба всегда будет судьбой раба, даже если ему выпадет сыграть роль императора, подобно хромоногому Клавдию, мужу печально известной Мессалины.

Как и любое иное явление, самоубийство имеет различные степени. Можно, например, убить в себе поэта, как это сделал Артюр Рембо. Вообще, *всякий добрый поступок – это маленькое самоубийство*. Например, мы подаем милостыню нищему, то есть дарим ему часть денег, которые, по идее, нужно было направить на поддержание собственной жизни. Если таким образом мы рассчитываем купить себе место в раю, либо произвести впечатление на окружающих, либо поддерживаем ценную традицию, которая позволит нам в трудные дни не умереть с голоду, значит, наш поступок добр только по видимости, скрывая под собой поистине дьявольскую расчетливость. Истинная доброта всегда предполагает ослабление себя, то есть шаг к смерти, то есть медленное самоубийство. Отсюда следует, что *неспособность человека к самоубийству автоматически влечет за собой неспособность к любым проявлениям доброты*.

3.7. Социальность и самоубийство

Альтернатива, которая возникает перед нами при анализе проблемы самоубийства, довольно проста: *либо жизнь есть самоценность и за нее следует цепляться до последней возможности, либо человек имеет право и даже обязан отказываться от определенных форм жизни.* Например, христианство отвергает возможность продолжения жизни в качестве предателя, вероотступника. Следовательно, осуждение самоубийства здесь является чисто внешним, ситуационным.

И еще. Человеческий тип, цепляющийся за жизнь до последней возможности, независимо от ее качества, является, безусловно, *низким* типом. Подобного рода человек становится, например, бомжем, в той ситуации, в которой существо *высокого* типа попросту уничтожает себя. *Мы живем в парадоксальном мире, созданном исключительно самоубийцами.* Но, как и во всякой цивилизации, самоубийство постепенно принимает здесь самоотчужденную, то есть самоотрицающую форму. Скажем, где в настоящее время наблюдаются наиболее жестокие ограничения *внешних проявлений* сексуальных отношений? В мусульманских странах. Где, вместе с тем, наличествует многоженство, неконтролируемая рождаемость, полная зависимость женщины от мужчины, то есть все те факторы, которые обеспечивают возможность практически безудержного сексуального удовлетворения? В тех же мусульманских странах⁵⁰. И это вполне естественно.

Какая религия наиболее последовательно отрицает самоубийство? Христианство. Какая из религий буквально подталкивает человека к самоубийству, требуя от него раздать имущество, отвечать любовью на брань и поношение иноверцев, вместе с тем отвергая, то есть оскорбляя их веру и их богов? То же христианство⁵¹. И это тоже вполне естественно.

⁵⁰ Примечательно, что мусульманские правители не отказались от традиции заводить чудовищных размеров гаремы, на манер царя Соломона, имевшего, согласно легендам, 300 жен и 700 наложниц.

⁵¹ Решающий аргумент: почему Христос безропотно позволил врагам убить себя, хотя мог спасти свою жизнь простым усилием воли? Если это не было самоубийством, что же тогда такое самоубийство вообще?

То, что у дикарей осуществляется явно и прилюдно, у цивилизованных народов происходит скрытно, так что кажется, будто ничего этого вовсе нет. Наш мир создан самоубийцами, но мы ничего не знаем об этом или, точнее, не хотим верить в это. Примечательно, что Чхартишвили не включил в свою «Энциклопедию литературицида»⁵² Гоголя, уморившего себя голодом во время великого поста, потому что в этом случае были соблюдены все приличия, и ничего не выдавало намеренности самоуничтожения. Кредо цивилизованного человека: ***убей себя незаметно***, чтобы не только ближние, но и ты сам до последнего момента не догадывался о сути происходящего.

3.8. Способность к самоупраждению как мера возвышенности экзистенции

Мы приближаемся к кульминационному моменту исследования философской подоплеку событий 11 сентября 2001 года. Есть низкие люди, для которых ***жизнь есть самоцель***, и потому они согласны на любую жизнь и на любую низость с целью продления этой жизни. Есть также высокие люди, которые видят в жизни лишь средство для достижения целей более высокого порядка: философских, политических, религиозных, научных, художественных и прочих.

В большинстве мусульманских стран подавляющее большинство людей живет невыносимо бедно, страшно, плохо и неустроенно, когда голодное детство сменяет нищая юность, плавно переходящая в тяжелую зрелость, которая, в свою очередь, завершается убогой старостью. Причем, жизнь мусульманской бедноты страшна не сама по себе, а прежде всего в сравнении с жизнью обеспеченной прослойки мусульманского населения, не говоря уже о жизни рядовых западноевропейцев. Правда, подавляющее большинство мусульман легко мирится с подобным положением вещей. Однако среди миллионов смирившихся и успокоившихся всегда находятся те немногие, кто отваживается на бунт.

⁵² Чхартишвили Г.Ш. Писатель и самоубийство. – М.: Новое литературное обозрение, 2000. – С.441-579.

Что же, в конце концов, подвигло на безумные самоубийственные действия Бен Ладена и его сторонников? То же, что в свое время подвигло будущего самоубийцу Радищева написать свой безумный памфлет; то же, что повлекло блистательных дворян на Сенатскую площадь; то же, что заставило генеральскую дочку Перовскую стать главной вдохновительницей убийства “царя-освободителя”; то же, что превратило сына единственного в России помещика-еврея в Троцкого. *Мало сказать, что этих людей не удовлетворяла их собственная жизнь; их не удовлетворял тот мир, в котором они жили.*

Действительно, разве может удовлетворить сегодняшний миропорядок истинного мусульманина? Разве может смириться с ним истинный коммунист? Разве сербы визжат от восторга после коллективного миротворческого изнасилования их родины? Кому все это вообще может нравиться? Одним только американцам.

3.9. Экзистенциальная сущность терроризма

Сказанное отнюдь не следует понимать как проповедь терроризма и самоубийства. Тем более что автор вовсе не относится к высокому человеческому типу, болтаясь, как и подавляющее большинство людей где-то посредине, причем, чем старше, тем ближе к низу.

Чтобы понять терроризм, необходимо освободиться от ряда глупых стереотипов, придумываемых преимущественно для очернения своих врагов и с целью самоуспокоения.

Первое. «Террорист», «революционер», «бунтовщик», «повстанец», «диссидент», «партизан» и прочее – явления одного порядка. Всех этих людей не устраивает та убогая экзистенциальная роль, которую им предложено сыграть истинными хозяевами этого мира, и они пытаются изменить существующее положение вещей, поставив на кон собственную жизнь.

Второе. Всякий террорист – самоубийца, хотя не всякий самоубийца – террорист. У терроризма есть только одно реальное основание – ненависть к существующему миропорядку. Террорист отказывается безропотно принять любую жизнь, которая будет ему предложена. Он с презрением швыряет ее в лицо тем, кто

создал этот мир и навязал нам принятые здесь сегодня правила игры.

Третье. Объяснять терроризм утилитарными соображениями плоско и нелепо. В этом случае террористам приходится приписывать либо невероятную прозорливость, либо невероятную глупость. На самом же деле терроризм есть проявление не утилитарного, а гораздо более фундаментального – **неудовлетворенности бытием**. По этой причине терроризм можно ослабить, но уничтожить его окончательно не удастся никогда. Разве только в обществе, состоящем исключительно из низких людей, полностью утративших способность к героическим и даже просто человеческим проявлениям.

3.10. Небольшой футурологический прогноз

Здесь напрашивается вполне очевидное заключение: **поскольку наш мир создан самоубийцами, ими же он будет и разрушен**. Парадоксально, но «международный терроризм» – это чисто американский проект, такое же национальное «ноу-хау» как российская «дедовщина». Америка, по своему определению, общество свободных людей, вследствие чего даже «новый мировой порядок», структурируемый американцами в XXI-м веке, имеет идеологическое оформление **экспорта свободы**, подобного экспорту революции в стиле Троцкого – Че Гевары.

Например, американцы искренне считают себя благодетелями, подарившими свободу иракскому народу, томившемуся до достопамятной агрессии под гнетом страшного Саддама Хусейна. Проблема, однако, заключается в том, что свобода не дарится, поэтому, став действительно свободными, иракцы должны обрушить свой удар на агрессоров, чьи сапоги топчут сейчас их родину.

Аналогичным образом и сербы, став подлинно свободными людьми, не променяют первородство на миску чечевичной похлебки в уютном доме для престарелых государств – Европейском сообществе. Суммируя сказанное, можно констатировать, что политическая доктрина либерализма содержит в себе свое отрицание, то есть по своей онтологической сущности самоубийственна.

Следует обратить внимание и на то обстоятельство, что американский либерализм естественным образом сочетается с крайним *индивидуализмом*, настойчиво культивируемым всеми структурными единицами американской культуры. Так, классический американский киногерой – это волк-одиночка, вступающий в неравный бой с системой (в большинстве случаев американской) и, в конце концов, героически побеждающий ее. Достаточно вспомнить героев Уиллиса, Сигала, Сталлоне, Шварценегера – примерам нет числа.

Оборотной стороной подобной либерально-индивидуалистической идеологии являются, если выразиться словами Камю, абсурдные бунты⁵³, периодически вспыхивающие по всей Америке подобно взрывам сверхновых звезд. Речь идет о типично американских трагедиях, когда человек берет в руки оружие, чтобы расстрелять одноклассников, однокурсников, коллег по работе, обманувших его банкиров и т.п.

Конечно, абсурдные бунты одиночек, аналогичные американским, периодически происходят и в других странах, особенно в тех, где свободно продается огнестрельное оружие. Но лишь в Америке эти ситуативные выступления перерастают в систему, когда *стреляющий человек* сознательно выбирает смерть, предпочитая погибнуть вместо того, чтобы принять жизнь, которую он считает неправильной и несправедливой.

3.11. Удар изнутри

Вывод прост: не исламские фундаменталисты и русские ракеты представляют сегодня главную геополитическую угрозу для Америки, а сама Америка, суицидальные акты ее граждан, выбирающих свободу и смерть вместо того, чтобы медленно угаснуть в миазмах саморазложения. Именно *удар изнутри* наиболее эффективно разрушает систему, которая менее всего готова к нему. Причем, Америка, будучи по своему определению страной эмигрантов, менее всего приспособлена к отражению подобного рода угроз.

⁵³ Камю А. Бунтующий человек. Философия. Политика. Искусство. – М.: Политиздат, 1990. – 415 с.

Однако в современном однополярном мире угроза США автоматически становится глобальной, то есть апокалиптической. Скажем, захват террористами подводной лодки с атомным оружием на борту вполне может привести к развертыванию глобального ядерного конфликта, пока еще у России и Китая имеются ядерные арсеналы, достаточные для отражения внешней агрессии.

Проблема лишь в том, что абсурдный бунт импульсивен и локален. Здесь, как правило, отсутствует длительная подготовка, обдуманность и план. С другой стороны, бунт – удел маргиналов, а систему способны эффективно поразить лишь индивиды, достаточно хорошо интегрировавшиеся в нее.

Именно поэтому одинокий террорист с бомбой представляется сегодня анахронизмом, равно как и партизанская война компактных маргинальных групп, только не в боливийской сельве, а на улицах Нью-Йорка. С другой стороны, в современном парадоксальном мире «международный терроризм» как один из вариантов глобального апокалиптического сценария неправомерно сбрасывать со счетов. И не только потому, что нас должна чему-то научить библейская история Давида и Голиафа.

По крайней мере, два обстоятельства перманентно будут повышать вероятность и эффективность подобного рода угроз.

Первое – технологическое развитие человечества, порождающее в качестве своей оборотной стороны такие маргинальные проявления как, например, хакерство. Технический гений, в отличие от гения гуманитарного, способен силой добиться от отвернувшегося от него общества признания своей исключительности. Чувствуя себя непонятым, обиженным и обделенным славой, он способен превратиться в неуправляемый селевой поток, сметающий все на своем пути.

Второе – вырождение цивилизованных народов, являющееся следствием неуклонного прогресса медицины, оборотной стороной которого является рост количества наследственных заболеваний в западных странах, в том числе нервно-психических. В результате, по теории вероятностей, маньяки все чаще будут оставаться наедине с ядерной кнопкой.

Теперь остается лишь прибавить к первому второе, чтобы получить решение искомого уравнения. Тогда мы увидим молодого непризнанного гения, оборотной стороной гениальности

которого, как это часто случается, несомненно, будет вяло текущая шизофрения. Подобно всем прочим думающим представителям своего поколения, он решает извечный гамлетовский вопрос: «Быть или не быть?» – который рано или поздно принимает известные раскольниковские очертания: «Тварь ли я дрожащая или право имею?».

«Человек играющий»⁵⁴ вполне способен уничтожить мир только из любопытства, чтобы узнать, а получится ли у него это. Данная мотивация очень часто встречается у компьютерных гениев, взламывающих секретные сайты Пентагона. Аналогичным образом можно сознательно выпустить из пробирки смертельный вирус, изготовленный в кустарных условиях, собрать из материалов, подлежащих утилизации, маленькую атомную бомбу и т.п.

Самое интересное, однако, в другом. Как говорил известный методолог Имре Лакатос, «природа может крикнуть: «Нет!», но человеческая изобретательность ... всегда способна крикнуть еще громче»⁵⁵. Не существует границ для изобретательного человеческого ума, особенно если речь идет о чем-то плохом. По этой причине невозможно реально спрогнозировать те средства, которые темный технический гений синтезирует для упразднения неудовлетворяющего его универсума. Бесспорно лишь то, что образованные умы, которые с маниакальной настойчивостью будут продвигаться в этом направлении, всегда найдутся.

3.12. Резюме: неизбежность абсурдного бунта

Можно попытаться построить методику расчета вероятности окончательного успеха апокалиптического абсурдного бунта.

Человечество периодически производит вещи, представляющие реальную опасность для его существования. Атомная бомба – это всего лишь первая, но далеко не последняя из подобных вещей. Существенно также другое. То, что раньше было гениальным технологическим прорывом, постепенно становится

⁵⁴ Хейзинга Й. Homo Ludens; Статьи по истории культуры. – М.: Прогресс – Традиция. 1997. – 416 с.

⁵⁵ Лакатос И. История науки и ее рациональные реконструкции. – В кн.: Структура и развитие науки. – М.: Прогресс, 1978. – С. 219.

доступным средним человеческим существам, средним государствам и средним технологическим мощностям.

Например, атомная бомба была первоначально создана двумя сильнейшими в технологическом отношении государствами – США и СССР. Затем к ним подтянулись Великобритания, Франция и Китай. Еще позже большая бомба оказалась в руках таких экзотических образований как Израиль, ЮАР, Пакистан, Тайвань. Сегодняшнее беспокойство США относительно ядерных программ Ирана и Северной Кореи объясняется тем простым обстоятельством, что в наше время ядерная программа потенциально доступна любому государственному образованию, которое сумеет мобилизоваться для ее осуществления.

Следующий шаг в данном направлении – доступность ядерных технологий для достаточно крупных промышленных компаний, когда любой маргинальный миллионер типа Бен Ладена будет в состоянии развернуть соответствующее производство. Но и это еще не будет завершением апокалиптического соскальзывания человечества к небытию. Подобно тому, как сегодня огнестрельное оружие можно изготовить в любом заброшенном гараже, равно как и примитивные ракетные установки, страшные вещи рано или поздно станут технологически доступными любому достаточно упертому маргиналу.

Тогда не револьвер, взрывчатка, молоток или топор, а оружие массового поражения окажутся в руках маньяка, что, несомненно, превратит мир в гигантский сумасшедший дом, постепенно становящийся абсолютно непригодным для обитания.

Можно, конечно, возразить, что изготовленная в кустарных условиях атомная бомба – ничто по сравнению с пятью тысячами сегодняшних американских боеголовок и четырьмя тысячами российских. Однако автомат не теряет своей смертоносной силы из-за того, что был кустарно изготовлен в заброшенном гараже, равно как кустарные палестинские ракеты не менее смертоносны, нежели собранные лучшими инженерами американские.

Когда каждый американец, европеец или, не дай Бог, россиянин, сможет воплотить свою ненависть к родному городу в кустарную Хиросиму, городов на Земле, скорее всего, вообще не останется. Потому что, подобно тому, как любой город держится на десяти праведниках, в любом городе всегда найдется хотя бы

один безумец, который, по словам Вильяма Блейка, до того упорствует в своей безумии, что становится мудрым.

Постскриптум

В прошлом веке в Нью-Йорке обитал один маленький обиженный человек, который изготавливал бомбы из обрезков железных труб, периодически подкладывая их в людные места⁵⁶. Это был очень хороший и добрый человек. После каждого взрыва он ходил в церковь, чтобы помолиться за своих жертв, а когда Америка вступила в войну против Гитлера, временно прекратил свои взрывы, чтобы не мешать человечеству бороться против вселенского зла. И была у этого маленького человека одна большая мечта: он хотел изготовить такую бомбу, при помощи которой можно было бы взорвать весь Нью-Йорк.

Наступит время, и мечты маленьких людей, наконец, осуществятся. Ждать осталось совсем недолго.

⁵⁶ Речь идет о Джордже Метецки. – См.: Хоффман Э. Сопри эту книгу. – М.: Гилея, 2003.

4. ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОЕ ЗНАЧЕНИЕ ШЕСТИДЕСЯТЫХ ГОДОВ ДВАДЦАТОГО ВЕКА.

4.1. «Империя зла»

«Международный терроризм», как апокалиптически-пропагандистское клише, получил свое хождение в средствах массовой информации сравнительно недавно. До этого времени в качестве главной угрозы для существования мировой цивилизации на Западе рассматривался ныне не существующий Советский Союз, а в Советском Союзе в качестве таковой угрозы рассматривался Запад.

В этой связи вспоминается другое замечательное пропагандистское клише – «Империя зла», введенное в обиход американским президентом Рейганом после того, как советские средства ПВО, скорее всего, по столь характерной для эпохи застоя банальной халатности, сбили над Камчаткой заблудившийся южнокорейский пассажирский самолет, приняв его за стратегический бомбардировщик с ядерным оружием на борту.

Здесь вырисовывается второй апокалиптический сценарий, который, следуя терминологии Ханнингтона⁵⁷, можно обозначить как *столкновение цивилизаций*. Возможно ли появление на исторической сцене народов-самоубийц, которые предпочтут всеобщую смерть «собачьей жизни», то есть жалкому прозябанию на задворках чужой цивилизации, подобно тому, как живут в наших городах бродячие собаки? Для ответа на данный вопрос следует обратиться к экзистенциальным истокам западной цивилизации.

⁵⁷ Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. – М.: ООО «Издательство АСТ», 2003. – 603 с.

4.2. Смысл экзистенциальной формулы: «Москва – третий Рим»

По мнению Хайдеггера, исходным пунктом, предопределившим становление западного стиля мышления, является так называемое изречение Анаксимандра, которое в свободном изложении звучит следующим образом: «Всякая вещь в конце своего пути должна заплатить за свои прегрешения, прекратив свое существование»⁵⁸. В отличие от других исторических образований аналогичного рода, западная цивилизация изначально осознает свою историческую конечность, то есть экзистенциальную ограниченность. Она не претендует на то, чтобы быть вечно, возвышаясь над временем подобно египетским пирамидам.

Идея грядущей смерти цивилизации определяет дух европейской культуры независимо от тех конкретных культурно-исторических реалий, в которых она себя проявляет. Например, христианская эсхатология, порой принимавшая формы иступленного ожидания конца света, вполне соответствует анаксимандрову учению о всеобщей конечности сущего. Примечательно, что именно в России, на периферии западной цивилизации, эсхатологическая ориентация сознания укореняется настолько, что становится главной отличительной чертой образа жизни и образа мышления⁵⁹.

Известно, например, что окончательная победа христианства над язычеством происходит в России на фоне монголо-татарского нашествия, то есть всеобщего торжества смерти и разрушения существующего социального миропорядка. Аналогичным образом, становление российской православной государственности протекает на фоне окончательной деградации и гибели Византии, что, по сути дела, обрекло Россию на длительное (в пределе вечное) экзистенциальное одиночество. Отсюда своеобразное экзистенциальное кредо России: «Москва – третий Рим, а четвертому не бывать!»⁶⁰. Не потому не бывать, что Россия мнит

⁵⁸ Хайдеггер М. Разговор на проселочной дороге. – М., 1991. – С. 28.

⁵⁹ См., напр.: Кураев А. О нашем поражении. – СПб., 1999.

⁶⁰ Послание старца Филофея // Памятники литературы Древней Руси. Конец XV – первая половина XVI века. – М., 1984.

себя в качестве вечного оплота правоверия и величия, а потому, что конец мира уже очень близок, то есть наша смерть стоит на пороге. Получается, что весь основной блок российской истории – от Ивана Третьего до Николая Второго – протекал под знаком перманентного ожидания крушения России и мира.

Именно в этом, на наш взгляд, проявляется основное отличие в экзистенциальных ориентациях православной России и католически-протестантского Запада. Западный человек осознает собственную экзистенциальную конечность, и потому стремится в максимальной степени быстро и эффективно реализовать свои экзистенциальные потенции. С другой стороны, он понимает временность и неустойчивость той социальной среды, в которой ему приходится функционировать; отсюда желание максимально быстро и эффективно конвертировать предоставляемые этой средой экзистенциальные блага. Великие географические открытия, строительство необъятных колониальных империй, миссионерская деятельность, фанатичное служение науке, циклопическое техническое строительство – все это имеет единственный экзистенциальный стимул – бегство от смерти, присутствие которой в европейской культуре ощущается более явно, чем в любой иной.

Вектор российской экзистенции структурируется несколько по иному. Здесь главным элементом становится терпеливое ожидание смерти, приход которой воспринимается почти как праздник, как избавление от бесконечных экзистенциальных неудобств и страданий. В России люди традиционно жили плохо, несравнимо хуже, чем в Европе и в Америке. Но происходило это не в силу объективных обстоятельств, как нам хотелось бы себя уверить в качестве утешения, а в силу коренной особенности русской экзистенциальной ориентации. Бессмысленно пытаться улучшать реальность, которая все равно через очень короткое время будет уничтожена. С таким же успехом можно обустривать деревянный дом, заведомо зная, что он завтра сгорит. Экзистенциальная установка русского человека – не реализация своих экзистенциальных потенций, а желание выстоять, любой ценой продержаться в невыносимых экзистенциальных условиях, в рамках которых жизнь большинства людей сводится исключительно к поддержанию жизни и потому является априорно бессмысленной.

4.3. Экзистирование в России как непереносимый ужас

Для европейца жизнь - праздник, который не следует пропустить; для русского жизнь – кошмар, и нужно найти силы, чтобы его пережить. Общеизвестно, что исторический путь России детерминировался преимущественно внешними угрозами, и страна достигала наиболее впечатляющих политических результатов именно в процессе их отражения (Отечественная война 1812 года, Великая отечественная война и пр.). Напротив, длительные периоды политического затишья, когда вопрос «быть или не быть?» для российского социума реально не ставился, оказывались для него губительными, поскольку в этот период наблюдалось интенсивное разложение всех социальных структур, ослабление государственности, личностная деградация граждан.

Парадоксальным образом русский человек способен к полноценной экзистенции только тогда, когда непосредственно видит перед собой смерть. Напротив, в ситуации относительно безопасности интерес к жизни постепенно теряется, что приводит к ее полной деструкции, местами необратимой. По этой причине в русском обществе всегда наблюдался аномальный интерес и неадекватное отношение к представителям так называемых суицидальных профессий⁶¹, к числу которых в разные исторические периоды относились бандиты-душегубы, военные, революционеры, врачи, летчики, полярные исследователи, альпинисты и, наконец, космонавты. Примечательно, что снижение статистического риска соответствующей профессии автоматически приводило к утрате общественного интереса. Например, космонавтика, ставшая ныне весьма обыденной деятельностью, уже не вызывает тех восторгов, которые были характерны в начале шестидесятых годов, когда каждый космический полет с большой вероятностью мог оказаться для его участников последним.

В ситуации перманентного ожидания конца света, крушения основ структур экзистенциальности и социальности, невольно возникает тяготение к ускорению данного процесса насильственными методами. Раскольников из «Преступления и наказания» Достоевского убивает старуху, главным образом, по

⁶¹ Чхартишвили Г.Ш. Писатель и самоубийство. – М., 2000.

той причине, что она никому не нужна, так что ускорение ее смерти представляет собой не зло, а благо. Аналогичным образом российские революционеры стремились любыми средствами сокрушить наличную социальность как старую, архаичную, обветшавшую и потому никому не нужную. При этом проекты будущего социального строительства, так занимавшие умы западных социалистов-утопистов, представлялись российскому сознанию мало актуальными: главное – уничтожение, всемерное приближение конца света⁶², что повлечет за собой не переход в небытие, а установление новой реальности, по своим основным параметрам тождественной «Небесному Иерусалиму». Например, народовольцы искренне верили, что один факт убийства царя коренным образом изменит Россию; они ожидали этого события с тем же чувством, с каким адвентисты ожидают конца света.

Пожалуй, именно здесь следует искать разрешение русского экзистенциального парадокса. Жизнь рассматривается как тюрьма, смерть – как иллюзорное освобождение; но реальное освобождение может дать лишь всеобщая смерть, то есть апокалипсис. Не к этим ли мыслительным конструкциям восходит известная революционная формула: «Россия – тюрьма народов!»? Чтобы освободиться, достаточно только разрушить стены тюрьмы, и чаемый лучший мир, подлинная экзистенция сама упадет в наши объятия. Иначе говоря, одно только чистое разрушение, само по себе, способно привести нас в Царствие Небесное.

Но что если за стенами тюрьмы окажется вовсе не иная реальность, а небытие, абсолютная пустота? Что если та невыносимая жизнь, которую веками вел русский народ в ожидании «Небесного Иерусалима» есть единственная реальность, так что за ее пределами вообще невозможно существовать? Согласно Хайдеггеру, сущее в худшем случае вызывает в человеке страх, тогда как встреча с небытием погружает его в бездонные пучины ужаса⁶³. Мы открываем дверь и оказываемся в средневековой пыточной камере; это страшно, но терпимо. Ужасно, если дверь открывается в пустоту, и мы летим в пропасть с сотого этажа небоскреба. Не потому ли, чем старше становится человек, тем ужаснее ему умирать, хотя, по идее, все должно быть

⁶² Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. – М., 1990. – С. 52.

⁶³ Хайдеггер М. Бытие и время. – М., 1997. – С. 142.

прямо противоположным образом? Но даже в мусульманских странах, где за мученическую смерть теологи обещают гарантированное попадание в рай, среди обилия юных и молодых смертников почти не встречаются зрелые и тем более пожилые люди.

4.4. Шестидесятые годы XX века как «акмэ» России

Осознание собственной смертности, экзистенциальной конечности принимало в западной культуре различные формы, но оно всегда наличествовало как фундаментальная сущностная доминанта. Поэтому вполне логично, что тотальная атеизация западного общества, сопровождавшаяся естественным отказом от христианских эсхатологических конструкций привела к кристаллизации новых танатологических форм. «Закат Европы» Шпенглера – яркое тому подтверждение⁶⁴. Ведь экзистенциальный нерв этой книги – осознание конечности западной культуры, предвидение ее последующего упадка и гибели. Все прочее – чистая стилистика и побочная дедукция, проще говоря, системостроительство.

Шпенглер отталкивается от предельных очевидностей. К началу двадцатого столетия западная культура доминирует в мировом масштабе. В мире почти не остается стран, политически независимых от Запада, и одна только Япония находит в себе силы реально противостоять западной экспансии. Но высшая точка жизни (по-гречески «акмэ») – это точка начала падения, пути вниз, когда вектор движения от небытия к бытию сменяется обратным вектором – от бытия к небытию.

Шпенглер предвидел, что Первая мировая война станет началом конца Германии. Возможно, он догадывался, что за этим последует героический пароксизм Второй мировой войны, нечто маниакально-нездоровое, когда три государства-изгоя впервые в истории человеческой цивилизации противостояли всему остальному миру. Так или иначе, высшая точка Германии,

⁶⁴ Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. 1. Гештальт и действительность. – М., 1993; Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. 2. Всемирно-исторические перспективы. – М., 1998.

максимум ее социального бытия приходится на сороковые годы. Все, что было далее и будет далее – это уже путь вниз, деградация, вырождение, старение. Конечно, пятидесяти – шестидесятилетние люди еще способны добиваться феноменальных экзистенциальных результатов, но даже впечатляющие локальные победы – это всего лишь Канны и Арденны, ничего не меняющие в общей тенденции. Аналогичным образом, все последующие исторические свершения Германии, по сути дела, ничего не добавляют к уже сделанному; высшая точка пройдена, все остальное – послесловие, автонекролог.

Акмэ англо-французской Европы приходится, по-видимому, на пятидесятые годы, акмэ США – на девяностые, когда американская государственность единолично начинает доминировать в масштабах земного шара. Что же касается акмэ России, то для нее высшая точка экзистенциальной реализации соответствует шестидесятым годам двадцатого столетия. Не случайно совпадение двух событий: окончательного крушения колониальной системы, то есть архитектоники европейского политического пространства, и первого полета человека в космос. Последнее – знаковое событие, наибольшая экзистенциальная высота, покорившаяся России на протяжении всей ее истории.

4.5. Шестидесятые как точка экзистенциального перелома

В шестидесятые Россия еще представляла собой динамичное, активно развивающееся общество, способное на постановку и решение глобальных (планетарного масштаба) политических, экономических, культурных, научно-технических и прочих проблем. Только весьма проницательный взгляд мог разглядеть за всем этим усталость, инерцию, надвигающееся одряхление. Наивно было бы считать последовавшие за шестидесятыми «застой» и «перестройку» досадными историческими девиациями, которых, в принципе, можно было бы избежать. Общая тенденция разложения уже в семидесятые была столь очевидной, что ее присутствие в социуме заведомо не могло быть простой случайностью.

Примечательно, что в относительно благополучных Европе и Америке и в относительно нищей России наблюдаются практически тождественные экзистенциальные явления

танатологического характера. Прежде всего, это повсеместное прекращение процесса воспроизводства населения, что выглядит особенно опасным на фоне расширенного воспроизводства в незападных социумах. Например, в одном только Пакистане проживает сегодня больше людей, чем во всей России. Алкоголизм и наркомания давно стали общенациональными проблемами на Западе, а в России уже следует говорить об алкогольном вырождении нации. Наконец, во всех западных странах катастрофически растет число носителей всевозможных наследственных заболеваний, так что по некоторым подсчетам к середине XXI века в западных социумах вообще не останется физически и психически здоровых людей.

В свое время Ницше сказал: «Тот, кому есть, зачем жить, вынесет любое как»⁶⁵. Экзистенциальный характер кризиса современной западной цивилизации (с включением сюда России) проявляется именно в том, что западному человеку жить практически незачем, поэтому он не способен жить даже в условиях, весьма благоприятных относительно условий жизни предшествующих поколений западных людей. Сходные цивилизационные процессы происходили и в Древнем Риме. Когда страна перешла от территориального расширения к поддержанию сложившегося социального миропорядка, был утрачен вектор экзистенциального движения от небытия к бытию. Тем самым высшая экзистенциальная точка римского социума была пройдена, и начался путь вниз. Население перестало воспроизводиться, верхи погрязли в пьянстве и разврате, а низы – в тунеядстве и паразитизме, требуя от власть предержащих исключительно хлеба и зрелищ.

4.6. Конец истории по Фукуяме

Конечно, окончательный закат Запада, о котором писал Шпенглер, может растянуться на столетия и даже на тысячелетие, если вспомнить печальный опыт Византийской империи. Однако смена экзистенциального вектора для западной цивилизации уже произошла. Путь вниз необратимо влечет Запад к абсолютному ничто, к небытию. И проявляется это, прежде всего, в том, что

⁶⁵ Ницше Ф. Соч.: в 2-х т. Т.2. – М., 1990.

Запад уже не может предложить миру принципиально новых типов социального и личностного бытия; максимальное, на что он сегодня способен – это консервировать старые отработанные экзистенциальные типы.

Именно об этом и говорится в знаковом исследовании Френсиса Фукуямы «Конец истории и последний человек»⁶⁶. Автор констатирует очевидное: «Мы не можем представить себе мир, отличный от нашего *по существу* и в то же время лучше нашего»⁶⁷. Отсюда делается вывод о том, что человечество достигло завершающей фазы своего социального, а, значит, и интеллектуального развития.

Такое решение представляется нам до некоторой степени скоропалительным. Это *западная* модель общественного развития окончательно исчерпала себя, но другие модели, например, индийская, китайская или исламская, представляются сегодня вполне жизнеспособными.

Здесь принципиально нельзя согласиться с Фукуямой, который утверждает, что «хотя около миллиарда человек – одна пятая населения Земли – принадлежат к исламской культуре, бросить вызов либеральной демократии на ее собственной территории на уровне идей ислам не может»⁶⁸. Пример Косова подтверждает, что это не так. В среднесрочной исторической перспективе страны Евросоюза и даже США должны стать мусульманскими только потому, что кардинально изменится их этнический состав. При этом подавляющая часть европейских и американских мусульман принципиально не ассимилируется, сохраняя традиционные ценности и, самое главное, традиционный образ жизни с его патриархальностью и многодетностью.

4.7. Экзистенциальный смысл «Карибского кризиса»

Значение шестидесятых годов XX столетия для мировой цивилизации и, прежде всего, для России заключается, главным образом, в том, что тогда, как минимум, в российском и американском социумах еще ставились экзистенциальные задачи

⁶⁶ Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек. – М., 2007.

⁶⁷ Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек. – М., 2007 – С.91.

⁶⁸ Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек. – М., 2007. – С. 90.

глобального характера. Проще говоря, людям еще было, зачем жить. Более того, перед ними открывались экзистенциальные перспективы, ранее невиданные. То, что представителям предшествующих поколений могло показаться полной фантастикой, реально осуществлялось в 60 – 70-е годы. Для России шестидесятые – это точка перехода из света в тень, от осмысленного к бессмысленному, от духовного к растительному существованию.

Экзистенциально знаковым для шестидесятых, безусловно, является Карибский кризис. У постхристианского человечества, более того, у России впервые в истории оказался ключ от двери, ведущей к апокалипсису. Однако эта дверь так и осталась не отпертой. Конец света не состоялся. При этом тот факт, что американцы отступили от края пропасти, особого удивления не вызывает. Удивительно другое. Почему от решительного шага уклонились люди, гимном которых стали слова: «Весь мир насилья мы разрушим до основанья...»? Люди, ни во что не ставившие человеческие жизни и мечтавшие о всемирной революции, то есть о тотальном утоплении цивилизации в крови? Разве упустит истинный революционер возможность разметать тюрьму народов одним ударом, подложив под ее стены атомный заряд? Тем более, если прав И.Р. Шафаревич, утверждавший в одной из своих работ, что *«смерть человечества является не только мыслимым результатом торжества социализма – она составляет цель социализма»*⁶⁹.

Ужас – единственное, что может остановить от подобного рода действий. Осознание того, что за стенами тюрьмы нельзя обрести более совершенного мира, поскольку там вообще ничего нет. Ощущение непосредственной близости этого самого ничто оказалось весомее всех аргументов чувства и разума. Россия не толкнула дверь в никуда, тем самым, так и не осуществив своего исторического предназначения. Иллюзорными и бессмысленными оказались не только страдания и лишения строителей коммунизма, но и всех русских людей христианской эры, которые ждали избавления, для человечества так и не наступившего. Европейско-американский принцип максимальной экзистенциальной самореализации оказался более реалистичным, но и он, по

⁶⁹ Шафаревич И.Р. Есть ли у России будущее? – М., 1991. – С. 358.

большому счету, качественно не способен изменить танатологический экзистенциальный вектор современной западной цивилизации.

4.8. Смысл русской истории и апокалиптическое безрассудство

В истории цивилизаций, равно как в бытии отдельных человеческих личностей, рано или поздно наступает момент, когда следует думать об уходе. Опыт свидетельствует, что разумнее всего это осуществлять на вершине своего экзистенциального пути. Проблема лишь в том, чтобы понять, что ты уже находишься на вершине. Как правило, это не очевидно. Кажется, что все еще только начинается, хотя, на самом деле, это начало конца.

Именно так все и выглядело для России в шестидесятые годы, когда рушилась колониальная система, и удалось осуществить космический прорыв. Мало кто мог тогда предполагать, что это была точка наибольшего приближения к Западу. Стратегически российская цивилизация существенно уступает не только европейской и американской, но также китайской и в перспективе индийской. Однако у более слабого противника всегда есть шанс, коренящийся в апокалиптическом безрассудстве. Вместо того, чтобы проигрывать медленно, но неотвратимо, можно попытаться переломить ситуацию, безрассудно все поставив на кон.

Именно так поступил Сталин в декабре сорок первого, во время битвы под Москвой, в решающий момент перебросив туда 120 сибирских дивизий. Это было единственно верное, но рискованное решение, поскольку оголялся Дальний Восток, и японцы, не встречая особого сопротивления, могли дойти практически до Урала. В результате Гитлер потерпел первое серьезное поражение за Вторую мировую войну, и стрелки истории начали неотвратимо сдвигаться в противоположную сторону.

Аналогичный шанс был у России в шестидесятые, семидесятые и восьмидесятые годы. Более того, как это ни парадоксально, он пока еще остается и сегодня. Александр Зиновьев описывает свою беседу с агентами ЦРУ после того, как власти эмигрировали его на Запад. На вопрос, что бы вы делали на месте советского руководства, он весело ответил, что для начала

оккупировал бы Финляндию и Швецию⁷⁰. Действительно, стал бы Запад ради освобождения маленькой Швеции начинать последнюю в истории человечества войну, которая, к тому же, не освободила бы Швецию?

4.9. «Лысый» и другие парадоксы

Здесь мы сталкиваемся с парадоксом «Лысый», известным со времен античности. Если у человека вырвать один волосок, станет ли он лысым? По-видимому, нет. А если два? Тоже нет. Так сколько волосков нужно вырвать у человека, чтобы он, наконец, стал лысым? Аналогичным образом невозможно просчитать, когда бы Запад перестал прогибаться перед апокалиптическим шантажом и, наконец, ответил бы ударом на удар. Но шанс «проскочить» в подобной ситуации у более слабых социальных сообществ всегда есть.

По свидетельству зоопсихологов у горилл не практикуются серьезные стычки между особями, поскольку последнее означало бы неотвратимую смерть одного из противников и столь же неотвратимую инвалидность другого, что эволюционно невыгодно. По этой причине гориллы играют в «гляделки»: тот, кто первым отводит взгляд, признает себя побежденным и, соответственно, низшим.

Именно подобная игра решала судьбу советского мира, построенного Сталиным, в эпоху Горбачева. Фукуяма констатирует тот факт, что распад советской системы явился для западных геополитиков приятным сюрпризом⁷¹. Хотя, на наш взгляд, все предельно логично и очевидно. Исторически Россия несла на себе крест патологической вторичности, безысходности, что убедительно описано Ф. Гиренком в «Пато-логии русского ума»⁷² (от слова «пат»), одном из наиболее глубоких исследований российского менталитета.

⁷⁰ Зиновьев А.А. Мой дом – моя чужбина. Гомо советикус. – М.: приложение к журналу «Лепта», 1991. – 320 с.

⁷¹ «Почти любой профессионал в области изучения политики вообще и внешней политики в частности верил в вечность коммунизма, и его падение во всем мире в конце восьмидесятых было почти абсолютно неожиданным». - Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек. – М., 2007. – С. 36.

4.10. Синдром Ахиллеса

Прежде всего, обращает на себя внимание то обстоятельство, что на протяжении всей своей истории Россия маниакально наступает на одни и те же исторические грабли. Последнее, исходя из известной апории Зенона, можно определить как «синдром Ахиллеса». Допустим, мы пытаемся догнать Запад, подражая ему в политической, экономической, технологической и образовательной сферах. Осуществив глобальную перестройку соответствующих социальных структур, страна за 5-10 лет ценой невероятных усилий, наконец, достигает поставленной цели. Однако все впустую, поскольку Запад не стоял на месте и, следуя внутренней логике своего развития, плавно и безболезненно переместился куда-то в другое место. Остается вновь перестраиваться, чтобы догнать его, и так раз за разом.

Нет смысла добавлять к сказанному, что подобная тактика обречена на поражение. Ахиллес никогда не догонит черепаху, поставив перед собой цель: во что бы то ни стало догнать ее. Невозможно догнать и перегнать Америку, пытаясь культивировать кукурузу в Архангельской области. Для реализации всех этих задач необходимо двигаться самостоятельно, следя исключительно за тем, чтобы не сбиться с пути, вместо того, чтобы постоянно отвлекаться на черепаху и кукурузу. Конечно, компьютеры и нанотехнологии необходимы для выживания в современном мире, но не следует озабочиваться ими исключительно потому, что ими озаботились на Западе. Последнее чем-то напоминает отношение индейцев к стеклянным бусам.

4.11. Русская идея

Подобно тому, как все дороги ведут в Рим, все проблемы России, в конечном счете, приводят к традиционной проблематике классической русской философии, то есть к историческому спору западников и славянофилов, который, как известно, сводился к вопросу о геополитической стратегии России или о так

⁷² Гиренок Ф. Пато-логия русского ума. Картография дословности. – М.: «Аграф», 1998. – 416 с.

называемой «русской идее»⁷³. Учитывая религиозную подоплеку классической русской философии, можно констатировать, что решение соответствующего вопроса с обеих сторон было идеалистическим, причем, в худшем, маниловском понимании этого термина. Будучи патриотами, русские религиозные философы идеализировали свою страну и особенно свой народ, провозглашая его, не больше и не меньше как народом-богоносцем⁷⁴. В данном контексте утверждалось, что русскому народу присущ особый вариант мессионизма, подобный мессионизму еврейскому (Н. Бердяев)⁷⁵, что предназначение России заключается в объединении человечества посредством объединения религий (В. Соловьев)⁷⁶, что Россия – это своеобразное связующее звено между Востоком и Западом (Евразия)⁷⁷ и пр.

Примечательно, что даже после октябрьских событий 1917 года идеалистически-маниловский подход к пониманию специфики русской истории и культуры не претерпел существенных качественных изменений. Советский марксизм был занят построением своих экзистенциальных иллюзий, а философия русской эмиграции жила, скорее, утраченным прошлым, нежели возможным будущим. По этой причине современному исследователю приходится начинать практически с нуля, в очередной раз осуществляя пресловутое «освоение целины».

⁷³ См., напр., Русская идея / Сост. и авт. вступ. статьи М.А.Маслин. - М.: Республика, 1992; Бердяев Н.А. Судьба России. Опыты по психологии войны и национальности. – М.: Мысль, 1990.

⁷⁴ Слово. Растворенное любовью. Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексей II о современной России и ее Церкви. – М.: Издательство Московской Патриархии, 2002.

⁷⁵ Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. Репринтное воспроизведение издания УМКА-PRESS, 1955 г. – М.: Наука, 1990. – С. 94.

⁷⁶ Соловьев В.С. Три разговора о войне, прогрессе и конце всемирной истории. // Соч. в 2-х т.: Т.2. – М.: Мысль, 1988. – С.635-762.

⁷⁷ См., напр., Савицкий П.Н. Континент Евразия. – М.: Аграф, 1997; Вернадский Г.В. История России. – Тверь: ЛЕАН, М.: Аграф, 1996-1997.

4.12. Геополитический выбор России

Решающий геополитический выбор был осуществлен Россией в 988 году. Маргинальное положение между Востоком и Западом превращало подобный выбор в своеобразную «точку бифуркации», то есть теоретически история России могла бы пойти по совершенно другому сценарию, в отличие, например, от истории чехов или поляков, которая была практически предопределена непосредственной близостью к католической Европе. Как известно, выбор был сделан в пользу православной Византии, что оставило исторически нереализованными такие геополитические возможности как интеграция в структуры католической Европы, союз с мусульманским Востоком и даже построение иудейского государства по типу Хазарского каганата. На тот период положение Византии было достаточно устойчивым, и именно за ней стояла наиболее мощная культурная традиция, непосредственно восходящая к античным временам.

Однако геополитический союз Византии и России был союзом «малого» со «старым», если следовать в фарватере историософской концепции К. Леонтьева⁷⁸, что и обусловило его историческую недолговечность. В результате Россия оказалась в геополитическом одиночестве, подобное которому наблюдается, пожалуй, только у Китая и Индии, да и то в гораздо меньшей степени, поскольку вокруг этих центров сложился пояс тяготеющих к ним самодостаточных культур: японской, корейской, бирманской и др., чего нельзя было сказать о Русском государстве времен Ивана Грозного.

Своеобразное историческое сиротство обусловило естественное желание найти новый центр притяжения взамен утраченного византийского. Отсюда маниакальное тяготение к христианской Европе, наблюдающееся на протяжении всей Новой российской истории. Последнее вызывает устойчивую ассоциацию с ситуацией, часто наблюдающейся в животном мире, когда потерявший родителей детеныш пытается прибиться к новой семье, а новоявленная мамаша активно его отталкивает. Психологически отношения России и Европы строятся в рамках

⁷⁸ Леонтьев К.Н. Византизм и славянство. – М.: ДАРЬ, 2005.

дихотомий «низкого» и «высокого», «провинциального» и «столичного», наконец, «обожания» и «презрения».

Сравнивая себя с европейцем, русский всегда осознавал свою культурную ущербность и вторичность, особенно в свете мирового господства западной цивилизации, которое начинает обретать реальные контуры мировой колониальной системы уже с 16 века. Отсюда такое странное явление как смердяковщина, впервые объективированное Достоевским, но так и не получившее развернутой интерпретации в рамках отечественной философии. Как известно, соответствующий антигерой искренне сокрушался по поводу победы России в Отечественной войне 1812 года. Последнее, по его мнению, противоестественно, поскольку глупая нация одолела более умную, а, по идее, все должно было быть наоборот.

4.13. Смысл смердяковщины

По нашему мнению, смердяковщина есть ключевая основоструктура коллективного бессознательного русского народа. Примечательно, например, что Наполеон всегда воспринимался в России как недосягаемый личностный образец, причем, именно ему, а не Кутузову, посвятили прочувствованные гениальные стихи такие столпы русской словесности как Пушкин и Лермонтов. Если добавить нечто сегодня полузабытое, а именно, что Кутузов, наряду с поручиком Ржевским, был в свое время одним из любимых персонажей русских анекдотов, ситуация предельно проясняется. Наполеон – гений, потому что европеец, а русский человек, который смог успешно противостоять ему, может претендовать только на лавры комического персонажа.

Обращаясь к более современным временам, можно указать на странное амбивалентное отношение к Гитлеру и фашизму, воспринимаемое общественным сознанием, по большей части, поверхностно-истерически. Теория и практика гитлеризма – сплошной сгусток ненависти к «скотоподобным славянам», которых по большей части следует стереть с лица земли, а остатки превратить в бессловесных рабов. В данной связи следует отметить, что Европа всегда глубоко презирала Россию как отсталую, дикую страну, представляющую постоянный источник угрозы и беспокойства, однако, будучи высококультурной

общностью, она не демонстрировала свое презрение в таких экстремальных формах, как это делал Гитлер, отбросивший высшие культурные формы и позволивший, тем самым, аутентично проявиться внутренней природе фаустовского человека в ее первозданной естественности⁷⁹.

В свете сказанного любое преклонение перед гитлеризмом представляется в России заведомо невозможным. И, тем не менее, это массовое явление коллективного бессознательного. Действительно, различия между Гитлером и Наполеоном не столь уж существенны. Гитлер создал идеальную военную машину, которая позволила Германии некоторое время успешно противостоять всему человечеству. Именно осознание этого военно-политического совершенства, особенно на фоне перманентного загнивания советской государственности в 70 – 80-е годы XX века, не могло не затронуть национальные смердяковские комплексы. И то, что личность Гитлера все еще не поэтизируется в отечественной литературе, как это произошло в свое время с личностью Наполеона, объясняется вовсе не внутрисоветскими, а новыми западными реалиями.

4.14. Экзистенциальное своеобразие России

Суммируя сказанное, можно констатировать, что Россия – это, пожалуй, единственная культурно-историческая общность на планете, которая стала великой, не цenia и не уважая себя. Здесь можно безбоязненно редактировать священные книги, как патриарх Никон, видоизменять грамматику, календарь, политическую систему и даже социальный строй. Кстати, главная причина крушения коммунизма в СССР заключается не в каких-то внутренних противоречиях советского режима, а исключительно в том, что Запад так и не пошел по социалистическому пути. Проще говоря, Россия не хочет быть Востоком и не может быть Западом. Мы не ценим и не культивируем то, что только одно и позволяет нам продолжать существование как культурно-политическая целостность: свое геополитическое одиночество.

⁷⁹ Повель Л., Бержье Ж. Утро магов. Введение в фантастический реализм. – М.: Вече, 2005.

В результате любые политические решения в стране, как правило, оказываются фатально суицидальными: страна-самоубийца постоянно пребывает в состоянии столкновения с гораздо более сильными и совершенными противниками, как в омут бросается в огонь гражданской войны, разворачивает себя и спивается, топчет свои святыни и алтари: сначала старые, потом новые. Само существование России – это геополитическое чудо, заставляющее поверить в божественное провидение.

И все исключительно потому, что страна-подросток, о которой в разное время говорили Чаадаев⁸⁰ и Маяковский, фатально не может стать взрослой, оглядываясь в своем сиротстве на старую черепаху-Европу. Конечно, можно попытаться продлить свое детство до 20-25 лет, но в 40 лет это уже страшно, а в 60 – просто смешно. Учитывая наш почтенный цивилизационный возраст, клонящийся к старости, нет смысла и далее испытывать божественное провидение. Следует, наконец, начать жить своим умом, не заменяя его механическим копированием западных цивилизационных структур.

4.15. «Русский крест»

Россия, действительно, представляет собой связующее звено между Востоком и Западом, но этот синтез является патологическим. Иначе говоря, *в парадоксальное целое синтезируются не положительные, а отрицательные составляющие обеих цивилизационных структур*. Например, русские столь же бедны, как на Востоке, но депопулируют аналогично Западу. При этом восточная бедность во многом есть следствие многодетности, когда один работающий – отец – пытается своим героическим трудом прокормить неработающую жену и 7-8 детей. Соответственно, западная депопуляция, во многом, есть обратная сторона западного экономического процветания, поскольку именно малодетность обеспечивает достаточно высокий процент работающего населения. Почему же тогда в России парадоксальным образом наблюдается то и другое?

⁸⁰ Чаадаев П.Я. Философические письма. // Статьи и письма. – М.: Современник, 1989. – С. 42-43.

Аналогичным образом западная динамика рождаемости дополняется в России восточной динамикой смертности, что соответствует весьма низкому уровню медицинского обслуживания и низкой продолжительности жизни, особенно у активно алкоголизирующей мужской части российского населения. Данное парадоксальное соотношение получило в соответствующей литературе наименование «русский крест».

Еще один парадоксальный синтез, осуществленный в рамках российской цивилизации. Западные люди свободны, но оборотной стороной этого является их одиночество. Каждый – за себя, союзы – временны, нравственная основа жизни – разумный эгоизм, провозглашенный в свое время Спинозой⁸¹. Напротив, восточный человек несвободен, но это компенсируется корпоративностью его существования.

Например, в Японии корпорация воспринимается как большая семья. При этом практикуется нечто немислимое по понятиям западной свободной конкуренции: пожизненный наем на работу. Что же касается России, то *человек здесь столь же одинок, как на Западе, и столь же несвободен, как на Востоке*. Если американец рассчитывает обрести экзистенциальный успех благодаря своим деловым качествам, а для японца важно, чтобы его приняли в соответствующую корпорацию, в России все определяется «знакомством», то есть умением наладить неформальные отношения с вышестоящими.

4.16. Холуйство

Именно последнее обстоятельство представляет собой одно из проявлений такого, практически не исследованного чисто русского экзистенциала как *холуйство*. Суть его выражается в известной народной мудрости: «Я – начальник, ты – дурак; ты – начальник, я – дурак». Если восточный человек искренне боготворит высшего как второго родителя, а западный, будучи свободным, всячески отстраняется от него лично, по возможности максимально сводя отношения к формально-деловым, русский

⁸¹ Спиноза Б. Этика. – В кн.: Спиноза Б. Избранные произв. В 2-х т.: Т.1. – М.: ГИПЛ, 1957. – С.359-618.

человек в душе презирает начальника, считая себя равным ему, но внешне изображает пиетет и почтение, презирая за это себя.

Данная структура гениально схвачена Достоевским в рассказе «Скверный анекдот»⁸², где описывается генерал, которого случайно занесло на свадьбу к мелкому чиновнику по фамилии Пселдонимов. Генерал напивается, и ему снится сон, что он становится нищим, и чиновник, только что подло лебезивший перед ним, радостно плюет в него.

Экзистенциал холуйства знаково проявился и в прощальной речи Горбачева, юридически оформившей процесс роспуска СССР. После того, как бывший президент упраздненной великой державы пролепетал свою прощальную речь, он потянулся за чашкой, где по понятиям должен был находиться чай, **но чашка оказалась пустой**. Так выплеснулось истинное отношение «телевизионщиков» к тому, перед кем они, по-западному ощущая себя свободными людьми, по-восточному мерзко пресмыкались.

Причем это вовсе не пресловутый советский менталитет, а нечто, гораздо более глубокое. В этой связи вспоминается матрос, нянчившийся со смертельно больным гемофилией царевичем Алексеем, проявляя при этом чудеса терпения и предупредительности. Когда Николай Второй отрекся от престола, бывший слуга всячески демонстрировал свое презрение к ребенку, оскорблял и унижал его.

В качестве яркой отличительной черты российского менталитета можно указать и на то обстоятельство, что практически все более и менее успешные индивиды рано или поздно становятся в России героями анекдотов. В этой связи можно вспомнить такие продукты народного творчества как анекдоты про Пушкина и Гоголя, про Чапаева и его друга Петьку и, наконец, политический анекдот, персонажами которого в новейший период российской истории становились Ленин и Сталин, Хрущев и Брежнев. Тем самым проговаривалось истинное отношение к ним, которое люди вынуждены были скрывать под маской холуйства.

Не удивительно, что реставрация капитализма в России породила анекдоты о «новых русских», равно как и о других

⁸² Достоевский Ф.М. Скверный анекдот. – Собр. соч. В 15-ти т. Т. 4. – Л.: Наука, 1989.

хозяевах новой жизни, о чем красноречиво повествуется в нумерологическом романе В. Пелевина «Числа»⁸³. Конечно сейчас, на фоне информационного взрыва, анекдот в значительной степени утратил свою функцию психологической отдушины и, тем самым, свою экзистенциальную актуальность, но его культурное значение все равно сохраняется, поскольку феномен холуйства из русской жизни никуда не делся.

4.17. Дедовщина

Экзистенциал холуйства тесно связан с другим, чисто российским экзистенциалом – *дедовщиной*, отличающей российскую армию от всех других армий мира, как воюющих, так и не воюющих. Суть этого явления зафиксирована в народной мудрости: «Мал клоп, да вонюч»; чем меньше начальник, тем больше проблем он создает окружающим.

Рядовой и сержантский состав российской армии, находящийся в самом низу иерархической лестницы социальных рангов, в наибольшей степени испытывает давление социальной пирамиды, что приводит к так называемым внеуставным отношениям, когда в армии утверждается неписанная система рангов, так что старослужащие путем силового давления ставят солдат-первогодков в положение подчиненных.

Последнее, как правило, сопровождается унижением человеческого достоинства, а также изощренными физическими издевательствами, ежегодно доводящими до самоубийства, либо до инвалидности⁸⁴ сотни и тысячи молодых людей⁸⁵. При этом весьма примечательным представляется то обстоятельство, что унижение близких чаще всего осуществляется без всяких рациональных причин, просто от скуки, а, точнее, чтобы почувствовать себя начальником, то есть человеком.

Примечательно, что молодые солдаты, по-христиански претерпевшие до конца все издевательства, став старослужащими,

⁸³ Пелевин В. Числа. – М.: Эксмо, 2006. – 320 с.

⁸⁴ Достаточно вспомнить хотя бы о прогремевшем на всю страну деле солдата Сычева.

⁸⁵ Точной статистики нет, поскольку руководство вооруженных сил не заинтересовано в ее обнаружении.

начинают столь же изощренно мучить следующее поколение, пришедшее им на смену. Так продолжается год за годом, причем система внеуставных отношений оказалась столь прочна, что правительство вынуждено было сократить срок службы в российской армии до одного года, полностью упразднив, тем самым, институт старослужащих.

Парадоксально, но дедовщина процветала даже в Афганистане и в Чечне, в условиях реальных боевых действий. Такова сила национальных традиций. Однако, российские философы сегодня, как и сто лет назад, предпочитают писать о чем угодно, только не о том, что действительно актуально для их социума. Много ли серьезных философских работ, посвященных холуйству и дедовщине, появилось даже в последний период относительной информационной свободы? Можно сказать, что ни одной.

4.18. Комплекс неполноценности

В суицидальном противостоянии СССР и США, онтологически обозначившемся в шестидесятые годы XX века как «Карибский кризис», именно комплекс холуйства явился первопричиной нашего поражения. Идеологические конструкции советского периода, имевшие целью утвердить идею превосходства собственной системы над буржуазными европейскими, были отторгнуты общественным сознанием.

Знаковым эпизодом, позволяющим получить адекватное представление о состоянии национального духа застойного периода, может послужить событие, происшедшее во время серии хоккейных матчей между сборными СССР и Канады в Москве. После окончания матча канадцы, сидя в своем автобусе, увидели выходящую со стадиона публику и, шутки ради, стали бросать из окон жвачку. Толпа устремилась подбирать презенты, а милиция, усмотрев в этом нарушение общественного порядка, стала закрывать ворота, что привело к давке, в результате которой погибли десятки людей.

Как тут не вспомнить в очередной раз об отношении индейцев к стеклянным бусам? Чтобы победить в игре в «гляделки», нужно быть маниакально уверенным в собственном превосходстве. Однако именно последнее является

основополагающей американской идеей. Американцы органически нацелены на достижение успеха, и если его нет, следует, хотя бы, изобразить его, посредством знаменитого «о-кей!» и не менее знаменитой американской улыбки.

Россия же изнывала под бременем комплекса неполноценности. На шуточки Зиновьева по поводу оккупации Финляндии и Швеции правительство страны заочно отвечало весьма мудро: «Не следует раскачивать лодку, в которой мы все сидим», предпочитая медленно, но неотвратимо проигрывать геополитическую партию, вяло передвигая фигуры посредством глупых, никому не нужных ходов.

В конце концов, процесс завершился бесконечными односторонними уступками и распадом советской геополитической системы. США хозяйничают в мире как на собственном заднем дворе, устанавливая «новый мировой порядок» и подавляя военной силой последние слабые очаги сопротивления. НАТО медленно, но верно, приблизилось к историческим границам России времен Ивана Грозного.

На этом фоне весьма комичной выглядит детальная имитация американской политической системы: от переименования генерального секретаря в президента во времена Горбачева до попыток искусственно создать двухпартийную политическую систему, на манер американских республиканцев и демократов, в период Путина. Не случайно Зиновьев в своем труде «Горбачевизм» пытался убедить себя и Запад в том, что горбачевские «реформы» – дешевый обман с целью выуживания западных кредитов⁸⁶. Действительно, именно так это и выглядело с позиций нормальной (формальной) логики. Однако, как сказал поэт, «умом Россию не понять». Поэтому следует, вопреки политическому здравому смыслу, предположить, что таким странным образом власти страны пытаются улучшить ее геополитическое положение. Честно, и никого не обманывая. Точнее, обманывая исключительно самих себя.

⁸⁶ Зиновьев А.А. Горбачевизм. – Нью-Йорк, 1998. – 457 с.

4.19. Предательство

История Государства Российского как великой страны, на наш взгляд, начинается с известного «стояния» на реке Угре. Тогда русские, не вступая в сражение, «не отвели глаз» и вынудили повернуть татарское войско обратно в степи, после чего началась необратимая внутренняя деструкция Золотой Орды, завершившаяся окончательным распадом татарского государства с последующим поглощением его осколков государствами-соседами, прежде всего Россией.

Завершается эта история также, другим известным «стоянием», именуемым историками холодной войной. Как это рано или поздно случается, ущербные потомки оказались недостойными славы своих великих предков и «отвели глаза», трусливо сбежав с поля боя, которым тогда стал весь земной шар. При этом фактически были преданы десятки миллионов людей, связавшие свою судьбу с советским режимом, иногда по идейным, но чаще всего по тактическим или меркантильным соображениям. Учитывая глобальность процессов, происходящих в современном мире, можно сказать, что *история никогда не знала подобного предательства.*

Девяностые годы в России – это величайшая победа «брюха» над духом, животного начала в людях над человеческим. Примечательно, что именно поколение девяностых годов, родившееся в памятные шестидесятые, отказалось от исторического будущего своей страны фактически *за кусок американской колбасы.* Ведь это Европа и Америка подкармливают нас в обмен на наши сырьевые ресурсы. Реальное противостояние Западу означает сегодня отказ от сотовых телефонов, компьютеров, плазменных телевизоров и прочего материального изобилия, к которому современное поколение русских людей уже основательно привыкло, так что пойти на это сегодня не хватит моральных сил ни у простых граждан, ни у политиков.

Можно картинно возмущаться против политики Запада в отношении Косово, но предпринимать реальные шаги с целью недопущения подобного рода действий в России начала третьего тысячелетия никто не будет. В этом смысле экономический и

технологический шантаж Запада оказался значительно эффективнее ядерного.

4.20. Нереальность апокалиптического сценария

Суммируя сказанное, следует констатировать, что в современных условиях ядерный апокалипсис – перспектива гораздо менее реальная, чем окончательная победа «международного терроризма» в планетарной гражданской войне. Западный мировой порядок кажется сегодня незыблемым, и нет такой страны, которая могла бы бросить Западу апокалиптический вызов.

Конечно, можно строить различные конспирологические модели, столь же странные, сколь и невероятные. Для того чтобы ядерный апокалипсис, наконец, состоялся, необходимо перемножение группы вероятностей, каждая из которых ничтожна сама по себе.

Первое. В США к власти должны прийти фундаменталистские силы, серьезно сориентированные на перспективу ограниченной ядерной войны. В локальных конфликтах начинает периодически применяться тактическое ядерное оружие (прежде всего, против наиболее строптивых мусульманских государств), а затем следуют показательные «хиросимы».

Второе. Россия подвергается жесткому военному и экономическому давлению, уровень жизни резко падает, начинаются тотальные экономические трудности, но, вопреки ожиданиям Запада, к власти в стране приходит не марионеточный прозападный режим, а, *впервые в российской истории*, фундаменталистско-экстремистские силы православного толка, которых еще нет, да и вообще никогда не было.

Третье. Экономический коллапс на фоне ядерной конфронтации с Западом приводит к тотальному росту апокалиптических настроений в российском обществе, что вызывает духовно-нравственный катарсис, осознание парадигмы «Москва – третий Рим», и, как следствие этого, ориентацию на завершение истории в апокалиптическом ключе, что и составляет экзистенциальный смысл существования России.

Конечно, не следует сбрасывать со счетов и другие апокалиптические сценарии – без участия России. Например, борьбу за мировое господство между Китаем и США, либо мусульманизацию Великобритании и Франции с последующим их превращением в главный мировой центр исламского фундаментализма. Однако все это еще менее вероятно, чем православно-апокалиптическое просветление русского национального сознания.

4.21. Депопуляция как альтернатива ядерному апокалипсису

Итак, несмотря на перманентную перестройку мирового политического универсума в тоталитарно-монистическом направлении «нового мирового порядка», *представляющего собой реализацию другими средствами фундаментального европейского геополитического проекта, задуманного еще Гитлером*, у Запада гораздо больше шансов осуществить его в полном объеме, нежели встретить организованное и продуманное апокалиптическое противодействие. Поэтому имеет смысл обратиться к рассмотрению других апокалиптических сценариев.

Все, что проходит вершину своей эволюции, достигая акмэ и начиная неотвратно скатываться вниз, имеет весьма скудный выбор между насильственной и естественной смертью, между самоубийством и перманентной дегенерацией. В шестидесятые годы западное человечество сделало свой выбор, который с очень большой вероятностью может оказаться окончательным. Головокружительный прыжок в пропасть не состоялся, и теперь Западу вместе с Россией предстоит бессмысленно мучительный путь вниз, к свертыванию своих национальных культур через *вырождение* и *депопуляцию*, ранее уже экзистенциально освоенный Древним Римом. В этом и состоит непреходящее экзистенциальное значение шестидесятых годов двадцатого столетия не только для российской, но и для мировой истории.

5. ДЕПОПУЛЯЦИЯ КАК ФИЛОСОФСКАЯ ПРОБЛЕМА

5.1. Постановка вопроса о депопуляции

Западная цивилизация вымирает. Сегодня это уже эмпирический факт. В книге Патрика Бьюкенена «Смерть Запада» указывается, что «при сохранении текущего уровня рождаемости европейское население к концу двадцать первого столетия сократится до 207 миллионов человек – то есть до тридцати процентов от сегодняшнего. Колыбель западной цивилизации станет и ее могилой»⁸⁷.

Процессы депопуляции особенно интенсивно протекают в России. Как указывается в статье Николаса Эберштадта («Вашингтон Пост», США), в 2004 году в России на 100 рождений приходилось 170 смертей. Соответственно, между 2000 и 2025 годами население России по прогнозам демографического департамента ООН сократится на 21 миллион человек. За период с 1975 по 2000 годы число молодых людей в возрасте от 15 до 24 лет составляло 10-13 млн. человек, а к 2025 году их останется лишь 6 млн.⁸⁸

В статье Бориса Хорева⁸⁹ приводятся следующие данные: «Если учитывать фактор складывающегося стереотипа демографического и социального поведения, то коэффициент суммарной рождаемости, составивший в 1999 году 1,2, уменьшится до 1,1 – 1,0. Это полное изменение репродуктивных установок населения. По уточненным данным, рубежа в 100 миллионов жителей страна достигнет к середине будущего века (известный американский демограф Фишбах называет цифру от 100 до 75 млн.). Населения станет меньше, чем в островной

⁸⁷ Бьюкенен П. Дж. Смерть Запада / П. Дж. Бьюкенен; Пер. с англ. А. Башкирова. – М.: ООО «Издательство АСТ»; СПб: Terra Fantastica, 2004, с. 27.

⁸⁸ Эберштадт Н. Депопуляция – смертельная угроза для России. // The Washington Post, 13.02.2004. – <http://www.inosmi.ru/translation/207544.html>

⁸⁹ Хорев Б. Депопуляция в России. – <http://lib.thewalls.ru/horev/depopol.htm>

Японии, а в течение XXI века может произойти исчерпание русского этноса».

На первый взгляд кажется, что серьезность сложившегося положения должна инициировать какие-то экстренные мероприятия со стороны властей и населения – ведь речь идет о выживании соответствующих этносов. Однако как «верхи», так и «низы» Запада предпочитают делать вид, что ничего страшного не происходит⁹⁰. Последнее заставляет вспомнить Хайдеггера, говорившего о несобственном и не подлинном характере бытия к смерти. Человек движется к смерти, всячески уклоняясь от нее. «Люди *знают* о верной смерти и все же «существуют» собственно без уверенности в своей»⁹¹. Мы живем так, как будто бы будем жить вечно. Когда мы видим очередную похоронную процессию, мы замечаем про себя, что это кто-то умер, но мы ведь остались жить. Проще говоря, **человек** в своем отношении к смерти использует тактику страуса, афористически выраженную Эпикуром на закате античности: «Смерть не имеет к нам никакого отношения, поскольку пока мы есть, ее еще нет, а когда она наступает, то нас уже нет»⁹². Похоже, аналогичную тактику использует и **человечество**.

Примечательно, что в теоретической области, как правило, речь не идет далее простой констатации феномена депопуляции. Не предлагается каких-нибудь кардинальных выходов из создавшейся ситуации, нет и философского анализа соответствующего явления. Современные философы России, Европы и США озабочены самыми разнообразными проблемами, но при этом отворачиваются от главной. Создается впечатление, что интерес к абстрактной, оторванной от жизни проблематике культивируется подсознательно: для того, чтобы отвлечься, не думать о главном. Нечто подобное наблюдалось и в последние годы Римской империи, когда вопросы сохранения непорочности

⁹⁰ В этой связи следует отдать должное В.В. Путину, который был первым из российских политиков, не только осознавшим катастрофичность сложившейся в России демографической ситуации, но и попытавшимся переломить ее посредством осуществления общенациональной программы повышения рождаемости.

⁹¹ Хайдеггер М. Бытие и время. – М: Ad Marginem, 1997. – С. 258.

⁹² Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. – М.: Мысль, 1979. – С. 433.

гораздо более волновали отцов христианской церкви, нежели поиски путей спасения Рима от неплодия.

Необходимо взглянуть в глаза своему ужасу и попытаться понять, что за мистическая сила неотвратимо влечет Запад к гибели. Согласно развиваемому нами пониманию философии, предмет данного вида интеллектуальной деятельности является совокупное знание о человеческом незнании⁹³. Проще говоря, философ, в отличие от ученого⁹⁴, имеет дело исключительно с теми проблемами, которые невозможно решить. По этой причине Кант в свое время провозгласил, что философия возможна только в форме критики⁹⁵, поскольку корректное философствование с необходимостью приводит к антиномиям, когда тезис и антитезис оказываются в одинаковой степени подкрепленными и правдоподобными.

В целом, философия – это набор противоречащих друг другу мнений, а не система знаний. Философ, по своему определению, только ищет истину, но не обладает ею. Конечно, итогом философского поиска должно быть некое обретение истины, но, находя ее, философ перестает быть философом и, качественно изменяясь, превращается в ученого, которого в этом отношении можно обозначить как хранителя истины. Именно поэтому философия считается матерью всех наук.

Тем самым любая проблематика потенциально отчуждаема от философии в пользу науки. Существует, однако, некая сакральная, неотчуждаемая область философствования, которая представляет собой совокупность проблем, в принципе не имеющих решения. Такова, прежде всего, проблема смерти, то есть проблема принципиальной конечности человеческого существования. В контексте подобного рода проблем у индивида остается только одна стратегия – *смирение*. Так, про одного из семи мудрецов Греции Солон рассказывают, что он сидел на могиле своего сына и плакал. Проходивший мимо горожанин очень удивился подобному поведению мудреца и спросил: «Почему ты плачешь?

⁹³ Филатов Т.В. Введение в технологию философствования. - Самара: ПО "СамВен", 1996. – С. 177.

⁹⁴ Кун Т. Структура научных революций. - М.: Прогресс, 1977. – С. 62.

⁹⁵ Кант И. Соч.: в 6-ти т. Т.3. - М.: Мысль, 1964. – С. 190.

Ведь это бесполезно!». – «Оттого и плачу, что бесполезно», – ответил Солон⁹⁶.

Проблема депопуляции вызывает в философствующем сходные чувства. Внутренне он понимает ее принципиальную неразрешимость и неизбежность гибели западной цивилизации в целом и России в частности. Вместе с тем, **конкретный механизм** грядущей гибели остается для него внутренне скрытым и непонятным. Именно последний и нуждается в соответствующем философском прояснении. Конечно, наивно рассчитывать, что подобного рода интеллектуальные манипуляции могут дать Западу какие-то шансы на спасение. Наше занятие – это тоже своего рода бегство от проблемы, только иного свойства. Можно построить некий воздушный замок из отвлеченных проблем, чтобы укрыться в нем от надвигающегося небытия, не отдавая себе отчета в том, что первые же дуновения грядущей смерти сметут воздвигнутые бумажные сооружения. Можно, однако, поступить и по-другому, подменив решение проблемы ее философским анализом, что мы сейчас и пытаемся осуществить. В этом случае состояние интеллектуальной эйфории способно на какое-то время дезориентировать субъекта, заставив его забыть о не утихающей душевной боли, отравляющей тот последний фрагмент бытия, который еще пока остается в нашем распоряжении.

5.2. Биологическое бессмертие этноса

Первый этап анализа. Необходимо сначала попытаться рассмотреть самый простой вариант. Возможно, гибель западной цивилизации объясняется биологическими причинами, проще говоря, **вырождением** соответствующих этносов.

Проблема депопуляции является классической междисциплинарной проблемой, которая может рассматриваться с различных точек зрения, в том числе и с позиций эволюционной биологии. Вторгаясь в эту сферу, философ автоматически оказывается в положении профана, а его оценки могут показаться специалисту наивными и смешными.

⁹⁶ Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. – М.: Мысль, 1979. – С. 82.

Это первая мина, которая заложена под настоящее исследование. Возможно, уже здесь нами допущена ошибка, так что все последующее оказывается излишним. Однако другого пути, нежели следование своим интуициям, у философа нет. Именно поэтому философия, по словам Мамардашвили, представляет собой «искусство жить над бездной незнания»⁹⁷. Философствование – это поход по минному полю, где каждый шаг может оказаться последним. Однако другого попросту не дано. Для того чтобы обзавестись миноискателем, необходимо было в свое время выбрать карьеру ученого, а не философа.

Итак, интуиция свидетельствует нам об объективном биологическом бессмертии этноса. Смертен индивид, но не вид в целом. Народ подобен дереву, которое неопределенно долго может давать все новые и новые побеги, генетически тождественные родительскому стволу. Соответственно, на сегодняшний день не видно явственных *биологических* причин, препятствующих расширенному воспроизводству европейских народов. ***Европейцы не создают многодетные семьи не потому, что не могут, а потому, что не хотят.*** Даже по весьма пессимистическим оценкам, приведенным в статье Н. Эберштадта, только 13% супружеских пар репродуктивного возраста в России страдают бесплодием, что вдвое превышает уровень, зарегистрированный в США в 1995 году. В то же время в 2001 году на каждые четыре браки в России приходилось три развода⁹⁸.

Тем самым причины депопуляции следует искать скорее в социальной и психологической плоскости, нежели в биологической. Примечательно еще одно обстоятельство: чем выше культурный слой, к которому принадлежат соответствующие индивиды, тем хуже они воспроизводятся. Многодетность в России, как правило, сохраняется среди представителей субкультуры и контркультуры, например, среди люмпенов и сектантов. Последнее приводит к парадоксальному предположению, что современная западная культура оказывается самоубийственной ***в своих основаниях***, и именно в этих

⁹⁷ Мамардашвили М.К. Необходимость себя. - М.: Лабиринт, 1996. – С. 39.

⁹⁸ Эберштадт Н. Депопуляция – смертельная угроза для России. // The Washington Post, 13.02.2004. – <http://www.inosmi.ru/translation/207544.html>

основаниях, скорее всего, скрываются конечные причины сегодняшнего популяционного краха Запада.

5.3. Футурологический прогноз Шпенглера

Смерть европейской цивилизации была предсказана Шпенглером около 100 лет назад⁹⁹. Тогда это воспринималось как экзотическая концепция на грани околонуточной фантастики. Действительно, в начале XX века Запад фактически контролировал весь мир. Были еще живы великие колониальные империи – Британская и Французская. Даже те государства, которые еще сохраняли формальную независимость (Китай, Иран, Эфиопия), фактически находились в сфере влияния Запада и без его одобрения не могли предпринять сколько-нибудь решительных шагов даже в сфере внутренней политики (достаточно вспомнить знаменитые опиумные войны в Китае).

В момент футурологического прогноза Шпенглера крушение Запада представлялось здравомыслящим людям не более чем красивой культурологической метафорой, которая только сейчас, сто лет спустя, начинает обретать черты повседневной реальности. Тем интереснее проследить за философской логикой подобного прогноза.

Шпенглер отталкивается от двух фактологических моментов. Во-первых, многие культуры, бывшие ранее в истории, уже погибли, уступив свое место другим культурам. Сказанное относится, прежде всего, к древнеегипетской, шумеро-вавилонской и античной культурам. Во-вторых, в момент, непосредственно предшествующий гибели, в соответствующих культурах наблюдается тотальное бесплодие, оскудение во всех сферах человеческой деятельности: женщины перестают рожать, художники – создавать талантливые произведения искусства, ученые – открывать новые законы природы, политики – создавать мировые империи и т.п.

Как нам представляется, своеобразным парадигмальным примером, отталкиваясь от которого Шпенглер формулирует свою концепцию, является история крушения греко-римской культуры.

⁹⁹ Шпенглер О. Закат Европы. Очерки мифологии мировой истории. 1. Гештальт и действительность. – М.: Мысль, 1993. – 663 с.

Колыбелью последней выступает греческий полис, в недрах которого накапливался тот культурный потенциал, который впоследствии позволил развернуться огромным империям – Александра Македонского и Цезаря. Полис можно сравнить с плотиной, за которой накапливается водная масса; затем плотина прорывается, и поток воды победоносно несется вперед, сметая все на своем пути. Качество при этом переходит в количество, потенциал в кинетику, культура в цивилизацию.

Однако после мощного цивилизационного рывка этнос исчерпывает себя. Территориальное расширение Рима останавливается, и страна превращается в огромную осажденную крепость, которой, ввиду исчерпания человеческих ресурсов с каждым годом становится все труднее и труднее защищать себя от внешних угроз. Постепенно на службу принимаются варвары, которые составляют костяк римской армии, и в битве при Адрианополе одно варварское войско, по существу, противостоит другому, латинизированные варвары – варварам изначальным. Очевидно, что цивилизационное давление оказывается слишком сильным, и варваризированный Рим, в конце концов, рассыпается, некоторое время неся за собой шлейф империй – Византийскую, Карла Великого, Священную Римскую, которые представляют собой попытки реставрации былого величия на иной этнической основе. В конце концов, от Рима остаются только воспоминания, а его культурное поле разделяется между двумя новыми типами культур, непримиримо противостоящих друг другу: фаустовской (европейской) и арабо-мусульманской.

Сходные тенденции Шпенглер усмотрел и в развитии современной ему европейской культуры. Различие только в том, что колонизационная миссия белого человека распространилась на весь мир. Однако к началу XX века цивилизационная плотина фаустовской культуры была уже прорвана, европейский культурный потенциал перешел в кинетику, за чем должно было последовать исчерпание и гибель. Парадоксально только то, что конец наступил столь стремительно, можно сказать, на подъеме, когда европейская цивилизация окончательно себя не исчерпала, во всяком случае, в научном и технологическом отношении. Умиравший этнос еще способен создавать чудеса технологии, осваивать межпланетное пространство, даже вести звездные войны, но это не спасает его от вымирания.

5.4. Аналитическая схема концепции Шпенглера

Попробуем реконструировать схему гибели культур по Шпенглеру. Здесь можно выделить два эволюционных этапа: 1) накопление потенциала; 2) развертывание означенного потенциала в пространстве. О чем, однако, идет речь, когда мы используем термин «потенциал»? Всякая культура базируется на системе идей-ценностей, взаимосвязанных друг с другом логически. Иначе говоря, основания культуры в чем-то подобны основаниям геометрии, то есть системе аксиом, из которых, в свою очередь, можно выводить теоремы, являющиеся концептуальным базисом для последующих теорем и т.д.

В свое время Ньютон смущал своих учителей вопросом: зачем изучать теоремы, если все знание о геометрических объектах уже содержится в аксиомах? Развертывание системы понятий представляет собой специфический вид интеллектуальной деятельности, причем каждый последующий шаг приводит к усложнению системы, и потому дается с большим трудом. В конечном счете, концептуальная система усложняется настолько, что дальнейшее ее развитие оказывается практически невозможным. Именно поэтому и происходит то оскудение культуры, которое непосредственно предшествует ее гибели.

5.5. Методология исследовательских программ Лакатоса

Если рассмотреть концепцию Шпенглера через призму идей, развиваемых в философии науки (мы определяем подобный методологический прием как *концептуальную мутацию*), то выясняется, что из всех моделей процесса научного познания к Шпенглеру ближе всего модель, построенная в свое время Имре Лакатосом и получившая наименование «методология исследовательских программ»¹⁰⁰.

История науки, по Лакатосу, это история конкурирования различных исследовательских программ, которые представляют собой совокупность теорий, сходных в структурном и концептуальном отношении и базирующихся на одном и том же

¹⁰⁰ Лакатос И. Методология исследовательских программ. – М.: ООО «Издательство АСТ»: ЗАО НПП «Ермак», 2003. – 380 с.

эмпирическом базисе¹⁰¹. Исследовательская программа включает в себя конвенционально принятое «жесткое ядро» и защитный пояс вспомогательных гипотез¹⁰².

Утверждения «жесткого ядра» практически неопровержимы, поскольку их всегда можно защитить от фальсификации, введя в защитный пояс соответствующие вспомогательные гипотезы. Например, контрпримеры, опровергающие закон сохранения энергии, превращаются в подтверждающие примеры, посредством введения новых форм энергии. Аналогичным образом Фрейд, столкнувшись с контрпримерами, опровергавшими представление об Эросе как об основном инстинкте, вводит второй основной инстинкт – Танатос, позволяющий трансформировать обнаруженные контрпримеры в эмпирические подтверждения психоанализа.

Лакатос разделяет исследовательские программы на *прогрессирующие* и *регрессирующие*. Первые удачно предсказывают новые эмпирические факты и объясняют феномены, обнаруженные случайно, либо открытые в других программах. Регрессирующие программы дают лишь запоздалые объяснения того, что и так объяснено в рамках других программ¹⁰³.

Лакатос приходит к выводу, что программа может быть ложной и даже логически противоречивой, главное – ее *продуктивность*. Например, логически противоречивой была исследовательская программа Демокрита (атомизм), включавшая в себя базисное представление о бытии небытия (пустоты), чего по определению небытия быть не может. Тем не менее, классический ньютонизм построен именно на этих, логически противоречивых, корпусуляристских основах.

Дело в том, что успеха в науке можно добиться только посредством открытия нового эмпирического знания, поэтому истинная, но абсолютно бесплодная программа не может привлечь внимания научного сообщества. Как говорил один из немецких профессоров Максу Планку, поделившемуся с ним желанием посвятить жизнь физике: «Молодой человек, не губите себя! В физике уже все открыто». Как известно, из логического

¹⁰¹ Там же. С. 74.

¹⁰² Там же. С. 77.

¹⁰³ Там же. С. 277-278.

противоречия можно вывести все, что угодно, в том числе и истинные следствия. И если частота подобных выводов достаточно велика, соответствующая программа может оказаться привлекательной для научного сообщества.

Вместе с тем, ни одна из программ, как бы она не регрессировала, не может отстать настолько, чтобы можно было поставить на ней окончательный крест. Любую программу можно защищать сколь угодно долго, другое дело, что это может отрицательно сказаться на карьере ученого, тяготеющего, как все люди, к выбору более легких путей. Иначе говоря, выбор между программами осуществляется у Лакатоса не столько по логическим (большая вероятность истинности), сколько по социологическим критериям (большая продуктивность, то есть большая вероятность достижения успеха).

5.6. Кинетизм Шпенглера как пример реализации методологии исследовательских программ

Не трудно заметить, что логика шпенглеровского исследования в своих основных узловых моментах соответствует развиваемой Лакатосом методологии. Действительно, всякая культура в своем развитии проходит два этапа: 1) формирование системы ценностей, то есть конвенционально принятого жесткого ядра; 2) распространение системы ценностей в пространстве (цивилизационное строительство), которое можно рассматривать в качестве аналога логического развертывания соответствующей исследовательской программы.

Следуя логике Лакатоса, культуры можно разделить на прогрессирующие и регрессирующие. В рамках первых осуществляется интенсивное культурное строительство, то есть развертывание следствий основополагающих идей, образующих жесткое ядро соответствующей культуры. Что же касается вторых, то они лишь пытаются сохранить себя, адаптируясь к миру, генерируемому в соответствии с чуждыми и враждебными им культурными стандартами.

При этом как прогрессирующие, так и регрессирующие культуры перманентно видоизменяются в ходе культурного

взаимодействия друг с другом. Лакатос прав в том смысле, что ни одна из программ (культур) не может отстать настолько, чтобы ее можно было окончательно списывать со счетов. Например, в противоборстве фаустовской и арабо-мусульманской культур первоначально доминировали мусульмане; затем перевес, казалось бы, окончательно склонился на сторону европейцев, однако сегодня маятник снова пошел в противоположную сторону, так что потенциально у арабо-мусульманской культуры очень неплохие перспективы в 21 веке, в то время как европейская цивилизация рискует разделить судьбу античной.

5.7. Критика шпенглеровско-лакатосовской идеи концептуального перенасыщения

Существует, однако, множество культурно-исторических фактов, которые не вписываются в сформулированную выше схему. Главный из них – различные по времени периоды существования основных культур. Почему, например, индийская (индо-буддистская) и китайская культуры продолжают существовать до сих пор, а чуть более древние, чем они, древнеегипетская и шумеро-вавилонская культуры давно погибли? Конечно, можно утверждать, что две последние культуры переусложнились и, тем самым, погубили себя. Но почему аналогичная судьба до сих пор не постигла первые две культуры? Почему они продолжают успешно существовать, сохранив свои архаические первоосновы в соединении с технологическими достижениями Запада?

В данной связи можно предположить, что развитие здесь происходит постольку, поскольку оно осуществляется в чуждом концептуальном поле западных ценностей. Но почему тогда по аналогичному пути не смогли в свое время последовать древние египтяне и вавилоняне? В конечном счете, освоение западных технологий – это один из способов выживания восточных культур. Нечто подобное – *концептуально-ценностная прививка* – имело место и в России в эпоху Петра Первого. Последнее обстоятельство привело к резкому усилению России в ее противостоянии Европе, аналогичном усилению Японии в двадцатом столетии.

Таким образом, можно предположить, что концепция перенасыщения неверна, поскольку не обнаруживается среднестатистического времени существования культур, так что некоторые из них могут существовать неопределенно долго, тогда как другие через какое-то время окончательно прекращают свое существование. Третьи, подобно культуре американских индейцев, способны неопределенно долго сохраняться в форме пережитка, и, наконец, четвертые, по-видимому, вообще не способны сложиться в некую целостность с тем, чтобы начать самостоятельное существование.

В данной связи можно вспомнить один из наиболее неудачных прогнозов Шпенглера, который предсказал скорое рождение новой, *русско-сибирской* культуры, которая с большой вероятностью могла бы впоследствии вытеснить с исторической арены фаустовскую. В двадцатом столетии, после возникновения СССР, а затем и социалистической системы, казалось, что все идет именно к этому, и шпенглеровский прогноз вот-вот сбудется. Сейчас, однако, вполне очевидно, что этого не произошло и не произойдет: русско-сибирская культура так и не родилась. Феномен подобного рода не рожденной культуры, как нам представляется, поможет вскрыть философские предпосылки механизма самоуничтожения культур вообще.

5.8. Концептуальные причины не рождения советской культуры

Социалистический эксперимент в России (1917-1991), на первый взгляд, вполне укладывается в рамки шпенглеровско-лакатосовской концепции перенасыщения. Действительно, система базисных ценностей социализма, сложившаяся, главным образом, в период Возрождения и Нового времени, начинает цивилизационно разворачиваться сначала в России, а затем и в ряде других стран. В 40 – 50-е годы XX века казалось, что социалистическая волна, в конечном счете, захлестнет фаустовскую цивилизацию, границы которой были отодвинуты далеко на Запад, практически к границам империи Карла Великого. Однако потенциалы социализма стремительно исчерпались. Наступил период застоя, после чего модифицированный Запад разрушил и поглотил социалистический

мир, отодвинув цивилизационные границы России далеко на восток, приблизительно к границам Русского государства времен Ивана Грозного.

Зададимся простым вопросом: почему культурно-ценностные потенции социализма столь стремительно исчерпались? Почему цивилизация, гораздо более древняя, рассматривавшаяся уже как отжившая свое, выиграла противостояние у цивилизации еще не сложившейся, плавно перешедшей из стадии становления в стадию умирания?

Нам представляется, что причина здесь вовсе не в преждевременном старении социализма, искусственно клонированного в философской лаборатории Маркса подобно овечке Долли. Причина цивилизационного краха советской культуры – *в принципиальной ошибочности ее культурно-ценностных оснований*. Лакатос считал, что ложная и даже логически противоречивая программа способна какое-то время развиваться весьма продуктивно. Он, однако, не уточнил, что рано или поздно заложенная в ее основаниях *логическая бомба* должна сработать, приводя к саморазрушению соответствующей исследовательской программы.

В марксизме подобного рода бомб было множество. Укажем на некоторые, наиболее важные из них.

Меркантилизм. Марксизм осуждает не собственность как таковую, а лишь конкретный способ ее приобретения – эксплуатацию человека человеком. Если собственность – благо, к ней следует стремиться; отсюда лозунг максимального удовлетворения потребностей советских людей. Но эксплуатация – гораздо более эффективный способ получения доступа к собственности, нежели труд. Последнее обстоятельство отражено в известной русской пословице: «Работая не будешь богат, а будешь горбат». Первоначальное христианство было здесь более последовательным, отрицая собственность как таковую, поскольку забота о ее приумножении препятствует спасению души («Легче верблюду пройти сквозь игольное ушко, чем богатому попасть в рай»). Амбивалентное отношение к собственности накладывало отпечаток второсортности на все социалистическое бытие. С одной стороны, капиталистический мир ненавидели как растленный и порочный; с другой стороны, к нему подсознательно стремились как к некому недостижимому идеалу. Было очевидно,

что все никогда не смогут жить как Билл Гейтс, но именно олигархи задавали тот идеал материального благосостояния, на который подсознательно ориентировались социалистические граждане, карикатурно воплощая его в своем повседневном бытии.

Материализм. Ограничивая себя в сфере материального, индивид может компенсировать подобного рода ограничение только в сфере идеального. Например, скудность материального существования может компенсироваться богатством духовной жизни. Нечто подобное и имело место в рамках советской культуры, что, в частности, превратило советский народ в самый читающий народ в мире. Не случайно также основоположником коммунистической идеи в истории философии выступает именно идеалист Платон¹⁰⁴, а вовсе не материалист Демокрит, призывающий, скорее, к максимальному самоудовлетворению, а вовсе не к самоограничению во имя неких идеальных целей и ценностей. Материализм марксистов, поэтому, должен был обосновать материалистическую рациональность социалистической аскезы как для отдельного человека, так и для всего человечества. При этом самое печальное заключается в том, что подобного вида рациональности заведомо не существует, что заставляет идеологов творить мифы, связывающие материальную ущербность сегодняшнего существования с гипотетическим светлым будущим, когда не разрешимые ныне материальные проблемы неведомым образом разрешатся сами собой.

Свободный труд. Марксисты обратили внимание на то очевидное обстоятельство, что наиболее производительным видом труда является т.н. свободный труд, стимулом к которому является внутреннее убеждение, а не внешнее принуждение. Например, фермер, который трудится на себя и свою семью, достигает гораздо более высокой производительности труда, нежели батрак, работающий по найму. В последнем случае возможно также резкое понижение качества труда, поскольку расчеты осуществляются в зависимости от объема выполненных работ.

Если трудящиеся становятся коллективными собственниками средств производства, они, по идее, должны работать более производительно, нежели наемные рабочие при капитализме,

¹⁰⁴ Поппер К.Р. Открытое общество и его враги. В 2-х т. Т.1 - М.: Феникс, 1992. – С. 123-160.

абсолютно не заинтересованные в материальных результатах своего труда. В результате при социалистических общественных отношениях был спрогнозирован качественно иной (более высокий) уровень производительности труда.

В реальности коллективная собственность оказалась мифом. Фактическим собственником средств производства выступило государство, которое, в отсутствие конкуренции с другими экономическими структурами, административно уничтоженными, ослабило экономический нажим на трудящихся, что привело к массовым мелким расхищениям социалистической собственности и к установлению низкого по сравнению с капитализмом уровня производительности труда. Тем самым социализм образовал некий «второй мир», занявший по своим экономическим параметрам промежуточное положение между развитыми капиталистическими и развивающимися странами.

Ошибочный социальный прогноз. Однако, главной логической бомбой, заложенной под стройное теоретическое здание марксизма, явилась ошибочная экстраполяция экономических реалий эпохи первоначального накопления капитала на капиталистическую формацию в целом. Маркс пришел к выводу, что конкурентная борьба вынуждает капиталиста максимально эксплуатировать рабочую силу, что, в конечном счете, должно привести к абсолютному обнищанию рабочего класса¹⁰⁵. В результате общество предельно поляризуется на постоянно уменьшающуюся буржуазную прослойку и многомиллионные массы пролетариев, которых сверхэксплуатация обрекает на полуживотное существование. В подобных условиях мировая социалистическая революция становится неизбежной.

Маркс, однако, не учел того обстоятельства, что в обществе обрисованного им типа промышленное производство, ориентированное на массового потребителя, вообще становится бессмысленным, поскольку нищие пролетарии не в состоянии ничего купить. Пролетаризация общества необходимо влечет за собой кризис перепроизводства, подобный великой депрессии 20-х годов XX века. Выясняется, что для нормального

¹⁰⁵ Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. Т.I. Кн.1. Процесс производства капитала. – М.: Политиздат, 1983. С. 772.

функционирования капиталистической экономики необходим достаточно многочисленный средний класс, составляющий сегодня в западных странах около двух третей населения, тогда как Маркс предсказывал практически полное его исчезновение. Очевидно, что при подобных социальных условиях мировая социалистическая революция столь же маловероятна, как высадка десанта инопланетян.

5.9. Концепция «логической бомбы» и фальсификационизм К.Р. Поппера

Таким образом, историческое крушение марксизма связано не с исчерпанием его конструктивных потенций, а с логической противоречивостью его оснований. В данной связи представляется целесообразным осуществить еще одну концептуальную мутацию, экстраполировав на социальный материал философско-методологическую концепцию К.Р. Поппера, в рамках которой взлет и падение марксизма объясняется гораздо правдоподобнее, нежели это можно было бы сделать, привлекая для этой цели методологию исследовательских программ И. Лакатоса.

Карл Раймунд Поппер – один из признанных классиков философии науки. Он кардинальным образом пересмотрел верификационистские концепции научного познания, сформулировав собственную концепцию, которая вошла в историю науки под именем *фальсификационизма*. Поппер неоднократно пересматривал и корректировал свои взгляды, так что его учение имеет различные исторические формы (Поппер 30-х годов, Поппер 40-50-х годов, Поппер 60-70-х годов и т.п.), которым, в свою очередь, можно дать различные, порой взаимоисключающие интерпретации.

Проблема психоанализа. В молодости Поппер, проживавший в Вене, увлекся психоанализом. Он обратил внимание на то обстоятельство, что утверждения психоаналитика, с одной стороны, являются вполне научными и даже верифицированными, поскольку им могут быть поставлены в соответствие конкретные эмпирические данные, например, сновидения пациента; с другой стороны, *не существует никакой рациональной процедуры, посредством которой можно было бы опровергнуть эти*

утверждения ¹⁰⁶. Например, я регулярно вижу во сне веник; психоаналитик утверждает, что это свидетельствует о неврозе, связанном с сексуальной неудовлетворенностью, поскольку веник – явный фаллический символ. Я не согласен с этим, на что психоаналитик говорит, что так и должно быть, поскольку соответствующие мысли вытеснены мною в бессознательное. Обрисовывается безвыходная ситуация: я должен принять утверждения психоаналитика на веру; но там, где речь идет только о вере, имеет место не наука, а религия. Следовательно, психоанализ, по Попперу, наукой не является и представляет собой специфический вариант атеистической религии бессознательного, пророком которого выступает Фрейд. Но психоанализ вполне верифицирован; значит, верифицированность, сама по себе, не является определяющим признаком научного знания, позволяющим отличать научные суждения от ненаучных.

Фальсификация как критерий демаркации. Отталкиваясь от своей интерпретации психоанализа, Поппер кардинальным образом переосмысливает традиционные представления об основных отличительных признаках научных суждений, вводя принципиально новый критерий демаркации. По его мнению, научные суждения отличаются от ненаучных тем, что они высказываются в форме, допускающей их эмпирическое опровержение; напротив, ненаучным суждениям можно придать форму, не допускающую никакого эмпирического опровержения.

Поппер указывает, что суждения общей формы типа «Все вороны черные» невозможно верифицировать, тогда как для фальсификации данного суждения достаточно единственного контрпримера, например, обнаружения белой вороны¹⁰⁷. Напротив, суждения существования типа «Существуют космические пришельцы» невозможно фальсифицировать, тогда как для их верификации достаточно одного единственного эмпирического примера: обнаружения космического пришельца¹⁰⁸.

Схема научного процесса познания по Попперу. Суммируя фальсификационистскую модель, можно выделить следующие

¹⁰⁶ Поппер К.Р. Предположения и опровержения: Рост научного знания. – М.: ООО «Издательство АСТ»: ЗАО НПП «Ермак», 2004. – С. 64-68.

¹⁰⁷ Поппер К.Р. Логика и рост научного знания. - М., 1983.

¹⁰⁸ Гемпель К.Г. Логика объяснения. – М.: Дом интеллектуальной книги. Русское феноменологическое общество. 1998. – С. 79-80.

узловые моменты процесса научного познания, каждому из которых соответствует определенный критерий, отличающий научное познание от ненаучного¹⁰⁹.

- Новая теория должна не только объяснять известные к моменту ее синтеза данные наблюдения, но и предсказывать новые, еще не известные эмпирические феномены (*трансэмпирический критерий*).

- Теоретические положения научной теории должны формулироваться так, чтобы становилось весьма вероятным их эмпирическое опровержение (*критерий фальсификации*).

- Опровергнутая теоретическая система не должна модифицироваться; от нее необходимо решительно отказаться в пользу другой системы (*критерий элиминации*).

- Новая теоретическая система должна объяснить те эмпирические феномены, которые не смогла удовлетворительно объяснить отвергнутая теоретическая система, а также предсказать новые феномены, обнаружение которых могло бы существенно расширить сферу доступного эмпирического опыта (*критерий прогресса*).

Эволюция марксизма от науки к утопии. По мнению Поппера, модификация фальсифицированных теорий методологически неприемлема, поскольку превращает научные построения в лженаучные. Например, марксизм начинался как попытка научной теории, однако, предсказания, сделанные Марксом, не сбылись. В частности, революция произошла не в экономически развитых капиталистических странах, а в сравнительно экономически отсталой России с преобладанием крестьянского населения. Ленин вынужден был модифицировать марксистское учение тезисом о России как слабом звене в цепи капитализма, но дальнейшая эволюция капиталистического общества все более и более расходилась с марксистским прогнозом, что, в конечном счете, привело к политическому крушению социалистических систем, построенных в соответствии с принципами марксистского учения.

Фаллибилизм. Фальсифицируемость научных теорий можно интерпретировать в двух смыслах:

¹⁰⁹ Поппер К.Р. Предположения и опровержения: Рост научного знания. – М.: ООО «Издательство АСТ»: ЗАО НПП «Ермак», 2004. – С. 68-69.

- научные суждения должны иметь форму, допускающую их эмпирическое опровержение, но из этого вовсе не следует, что все научные теории действительно опровержимы, то есть ложны;
- всякая научная теория рано или поздно должна быть опровергнута новыми эмпирическими данными, то есть научные теории априорно ложны.

Последняя точка зрения приводит к т.н. фаллибилизму, согласно которому всякая научная теория погрешима, что рано или поздно должно с необходимостью привести к ее замене новой теорией. Согласно Попперу, появление безусловно истинных, то есть фактически неопровержимых теорий, по сути дела, означает прекращение процесса научного познания, смерть науки. С другой стороны, фаллибилистская трактовка научного познания разрушает традиционное представление о науке как о перманентном стремлении к абсолютной истине. Ученый, по Попперу, действует *методом проб и ошибок*, перманентно расширяя пространство уже познанного, но это ни к чему его не приближает, так как сфера непознанного всегда остается бесконечной.

5.10. Специфика фальсификации оснований культуры

Попробуем применить фаллибилистскую концептуальную схему к анализу проблемы депопуляции. Следуя логике Поппера, мы должны предположить, что культура органично развивается до тех пор, пока она не фальсифицирована в своих основаниях. Здесь действует знаменитая гегелевская формула: «Все действительное разумно и все разумное действительно»¹¹⁰. Если культура логически не противоречива в своих основаниях, она может существовать неопределенно долго, поскольку нет весомых причин для ее разрушения. Напротив, обнаружение противоречия в основаниях культуры начинает подтачивать ее, обозначая разрыв между культурной мифологией и реальностью, который с течением времени становится все большим и большим.

Например, в предперестроечные годы в СССР царил своеобразное двоемыслие, когда реальная жизнь строилась по

¹¹⁰ Гегель Г. Философия права. – М.: Мысль, 1990. – С. 53.

одним стандартам, а идеология – по другим, диаметрально противоположным первым. Последнее чем-то напоминало раздвоение личности, то есть имела место болезнь общества и культуры, когда формально-социалистическую мотивацию экзистенции уже практически никто не принимал всерьез, а иная мотивация рассматривалась как заведомо криминальная, асоциальная.

Горбачев попытался восстановить вербальный контакт между народом и властью, чтобы идеологические формулы вновь начали восприниматься как экзистенциальные проекты, а не мертвый ритуал искаженного общественного сознания, отгораживающегося таким образом от реальности. Последнее напоминало попытку психоанализа и имело непредсказуемые последствия, поскольку крушение социалистической иллюзии повлекло за собой разрушение той действительности, которая методом проб и ошибок структурировалась в экзистенциальном поле означенной иллюзии.

Произошла переоценка ценностей, и криминальное стало восприниматься как нормальное, а нормальное – как иллюзорное. Парадоксальным образом ельцинская Россия реализовала социальную утопию прогрессивного сатанизма, сформулированную в романе Булгакова «Мастер и Маргарита».

Аналогичные процессы происходят сейчас и в рамках фаустовской цивилизации. Запад уже существует в пространстве иллюзии, подобной иллюзии брежневского развитого социализма. Именно поэтому ни в одной из западных стран не предпринимается никаких реальных усилий, направленных на преодоление депопуляции. Специфика Запада лишь в более почтенном возрасте соответствующей идеологии, а также в большей, нежели у марксизма, ее логичности, позволявшей ей многие столетия сохранять достаточное соответствие между фаустовским культурным мифом и объективно складывавшейся социальной реальностью. Сейчас подобное соответствие необратимо разрушается, но на Западе это еще не осознается, несмотря на полноту негативной информации, которая не замалчивается, как это было в предперестроечном СССР, а попросту игнорируется, вытесняясь из общественного сознания на его периферию, в область околонучных конструкций и экстремистских политических спекуляций.

4.11. Специфика решения проблемы воспроизводства в рамках иудейской и христианской культур

Попробуем понять, почему проблема депопуляции обозначилась именно на современном этапе развития фаустовского общества. В этом плане целесообразно вспомнить о двух культурно-исторических очевидностях: культурно-идеологические основания современного западного общества генетически восходят к ценностной матрице первоначального христианства, которая, в свою очередь, отталкивается от ценностного фундамента классического иудаизма. Правда, логическое отношение между означенными системами ценностей является не дедуктивным, а, скорее, диалектическим, так что всякая последующая система логически отрицает предыдущую. Сказанное имеет место и в отношении проблемы воспроизводства, решение которой, в конечном счете, оказалось невозможным на современном этапе эволюции фаустовской культуры.

Обратимся к Библии. Господь обещает бездетному Аврааму не Царствие Небесное, а нечто, совершенно иное. «Я произведу от тебя великий народ, так что потомков твоих будет больше, чем звезд на небе» (Быт., гл.12, ст.2; гл.15, ст.5). Бездетность считалась у евреев большим позором, а мужчина, не способный к воспроизводству, воспринимался как не угодный Господу. Достаточно вспомнить следующее положение «Второзакония»: «У кого раздавлены ятра или отрезан детородный член, тот не может войти в общество Господне» (Второзак., гл.23, ст.1). Резко отрицательно воспринимались и любые попытки регулирования рождаемости. Достаточно вспомнить Онана, которого Бог умерщвляет за то, что он спускал свое семя перед тем, как войти к жене своего умершего брата, то есть практиковал общепринятые сегодня меры презервации (Быт, гл.38, ст.9-10).

Ветхий завет однозначно осуждает и нетрадиционные половые отношения типа гомосексуализма и скотоложества, распространенные в те времена у многих окружающих евреев народов, главным образом, потому, что подобного рода контакты ни в малейшей степени не способствуют воспроизводству соответствующей популяции. По этой же причине иудаизм либерально относится к многоженству, которое при определенных

условиях вообще становится обязательным. Например, когда умирал один из братьев, второй обязан был взять себе в жены его жену.

В христианстве воспроизводство получает уже совершенно иное идеологическое обоснование. Когда к Христу обращаются с вопросом, стоит ли вступать в брак, он отвечает, что лучше всего сохранять непорочность, то есть быть такими же, как он. «Ибо есть скопцы, которые из чрева матерного родились так; и есть скопцы, которые оскоплены от людей; и есть скопцы, которые сделали сами себя скопцами для Царства Небесного» (Матф., гл.19, ст. 12). Однако Христос понимает, что лишь избранные люди способны подняться до таких высот самоотречения. (Впоследствии они составят контингент монашества). Поэтому, исходя из слабости обычных людей, им разрешено вступить в брак, потому что быть в браке лучше, чем разжигаться от сексуальной неудовлетворенности (1 Кор., гл.7, ст. 7-9).

При этом браку по возможности придается наиболее отталкивающий, пугающий вид. Сексуальные отношения должны в течение всей жизни иметь место только с одной женщиной, причем, в отличие от иудейских законов, в христианстве развод практически исключается. По мнению Христа, всякий, кто разводится с женой и вступает в брак вторично, тот прелюбодействует. Впоследствии появляется оговорка, что развод все-таки допускается, но только в том случае, если жена изменяет своему мужу. Но, как указывает по этому поводу Л.Н. Толстой, данная вставка, скорее всего, представляет собой более позднее добавление к оригинальному евангельскому тексту¹¹¹. Не случайно апостолы, услышав новые законы о разводе, в ужасе восклицают: «Если такова обязанность человека к жене, то лучше не жениться» (Матф.. гл.18, ст. 10).

Таким образом, в христианстве сексуальные отношения рассматриваются как заведомое зло и слабость, препятствующие спасению души. Совокупляясь, человек определенным образом грешит, и потому он должен расплатиться за свои грехи страданиями, причем, не только после смерти, но и во время жизни. Следствием подобного понимания является предельное

¹¹¹ Толстой Л.Н. Исповедь. В чем моя вера? - Л.: Худож. лит., 1990. – С. 26.

ограничение сексуального разнообразия, вплоть до одной женщины (одного мужчины), а также признание допустимыми только те сексуальные контакты, которые потенциально могут повлечь за собой деторождение. Именно поэтому в христианских сообществах первоначально доминировали многодетные семьи, поскольку контрацепция, не говоря уже об абортах, рассматривалась как заведомый блуд.

В результате жизнь в браке оборачивалась для большинства людей тяготами и страданиями. Не случайно брачные церемонии в русских деревнях сопровождались плачем и причитаниями, вполне искренними, особенно, если брак оформлялся между нелюбимыми, малознакомыми людьми, что и было в подавляющем большинстве случаев. Постепенно подобного рода брак стал рассматриваться исключительно как ярмо, повинность, что способствовало расцвету внебрачных отношений (блуда), не только среди высших, но и среди низших сословий.

Таким образом, если в иудаизме проблема воспроизводства решается тривиально, путем включения многодетности в ценностное ядро соответствующей культурной парадигмы, то в христианстве мы сталкиваемся с диалектическим решением этой проблемы, когда отрицательное отношение к совокуплению влечет за собой ряд ограничений, при которых этот акт может быть допущенным, и к числу подобных ограничений относится, в частности, запрещение средств презервации. Иначе говоря, человеку предлагается на выбор: полностью воздерживаться от совокупления, либо совокупляться без презервации, заплатив, тем самым, за мимолетное удовольствие тяготами рождения и воспитания детей. Будучи слабым, человек выбирает второе, однако, совершенное в этом отношении христианское сообщество есть нереализуемый идеал, поскольку это сообщество поголовного монашества, которое, в принципе, не воспроизводится.

5.12. Фаустовский ценностный идеал

Изменения в культуре Запада, явственно обозначившиеся после эпохи Возрождения, заложили ту логическую бомбу, которая рано или поздно должна была сдетонировать. Ценностные ориентации Возрождения достаточно хорошо известны, чтобы

рассматривать их подробно, но некоторые моменты заслуживают внимания, поскольку дают ключ к пониманию проблемы депопуляции.

Атеизм. Фаустовская культура преимущественно атеистична. Люди более не рассматривают жизнь как испытание, посланное нам свыше, выдержав которое, человек обретает вечное райское блаженство, а, провалив, обрекает себя на вечные адские муки. Для современного европейца грех и совесть – пустые понятия. Реальное значение имеют только юридическая ответственность и общественное мнение. Соответственно меняется и вся система ценностей западной культуры.

Как известно, доктор Фауст решил пожертвовать бессмертием души в обмен на возможность неопределенно долгого экзистирования в состоянии вечной молодости. Если экзистенциальная идея иудаизма связывала продолжение индивидуального существования с присутствием в своем потомстве («Я размножу тебя...»), а христианская экзистенциальная идея сводилась к бессмертию души, то фаустовская идея ограничивает экзистенцию физическими рамками земного существования. С одной стороны, отождествление самости индивида не с телом, а с душой, не позволяет более рассматривать потомство как непосредственное продолжение себя. Даже клон не есть резервный вариант конкретной индивидуальной экзистенции, равно как материальное копирование моего сложившегося к настоящему моменту существа не даст физического продолжения меня. С другой стороны, отрицание идеи бессмертия души привязывает экзистирование к конкретному физическому телу, определяя, тем самым, его временность, пространственную локальность и абсолютную уникальность.

Гуманизм. Примечательно нововременное изменение отношения к проблеме самоубийства. Если в христианстве последнее было недопустимо, поскольку означало заведомый провал испытания, которым являлась жизнь, своеобразным бегством с экзамена, то в современной западной культуре, где утверждается абсолютная ценность жизни, проистекающая из ее уникальности и единственности, самоубийство недопустимо исключительно вследствие своей неразумности. Человек должен

ценить любую жизнь, независимо от ее качества, только потому, что другой жизни у него никогда не будет. Соответственно самоценными оказываются и жизни других людей, что утверждается в западной идее гуманизма, согласно которой каждый человек заслуживает уважения и любви в силу уникальности своей экзистенции. Логическим завершением развертывания данной идеи является запрещение смертной казни в большинстве западных стран, на практике означающее признание уникальности и значимости даже за жизнями маньяков и убийц.

Полнота существования. Что же остается индивиду, навеки замурованному в рамках своей субъективности? Он не может рассчитывать продлить собственное бытие в своем потомстве, связь с которым чисто физическая, но не духовная. Он уже не надеется и на бессмертие души, вследствие кризиса веры в трансцендентное. Остается лишь экзистенциальная формула, выведенная в романе Николая Островского «Как закалялась сталь»: «Жить надо так, чтобы не было потом мучительно больно за бесцельно прожитые годы...».

Иммануил Кант в работе докритического периода, посвященной поиску доказательства бытия Бога¹¹², определил Его как Всереальнейшую Сущность, то есть существо, воплощающее в себе максимально возможную полноту существования. Например, человек мыслит, а животное – нет, следовательно, наше существование полнее, чем у животного. Соответственно, бытие Бога абсолютно полно, то есть Он есть все, чем можно быть, и испытывает все, что можно испытывать.

Что, однако, представляет собой Бог для атеистической фаустовской культуры? Это структура того экзистенциального идеала, к которому должен стремиться всякий фаустовский человек в соответствии с известной антропологической формулой Фейербаха: «Человек создал Бога по образу и подобию своему»¹¹³. Иначе говоря, рациональная модель существования заключается в том, чтобы за тот локальный период времени, которым ограничено наше существование, вместить в себя как можно больше впечатлений, сыграв при этом максимальное количество

¹¹² Кант И. Соч.: в 6-ти т. Т.1. – М.: Мысль, 1964. – С.391-511.

¹¹³ Фейербах Л. Избранные философские произведения. В 2-х т. Т.1. - М.: Госполитиздат, 1955.

социальных ролей. Жизнь прожита успешно, если человек перепробовал десятки профессий, сменил множество мест работы и мест жительства, участвовал в войнах и занимался экстремальными видами спорта, посетил множество стран и общался с представителями различных народов, неоднократно менял политические убеждения и религиозную принадлежность, равно как половых партнеров, супругов и дружеские привязанности.

Таким образом, фаустовский человек может быть постоянным только в своем непостоянстве; в этом разгадка его экзистирования.

5.13. Фаустовская «логическая бомба»

Итак, мы непосредственно подошли к завершающему этапу исследования феномена депопуляции. «Логическая бомба» практически находится в поле зрения и остается только концептуально обозначить ее.

Очевидно, что полнота существования предполагает бережное отношение ко времени. Отсюда карьеризм, то есть желание в максимально сжатые сроки переходить с одной иерархической ступеньки на другую, минимально задерживаясь на каждой из них. В противном случае солдату вряд ли удастся стать генералом, генералу – маршалом, маршалу – президентом, президенту – планетарным диктатором. Остановившееся колесо падает.

К числу обязательных экзистенциальных компонентов, отсутствие которых делает человека экзистенциально обделенным, относится и родительство. Всякая нормальная женщина мечтает стать матерью, равно как нормальный мужчина – отцом. Однако, став таковыми единожды, им уже нет смысла повторять подобный опыт второй, третий, четвертый и последующий разы. Стимулы для подобного рода повторений всегда девиантны: умственная или физическая неполноценность первого ребенка, желание иметь ребенка определенного пола, не совпадающего с полом первого ребенка и т.п. Проще говоря, если родителей устраивает их ребенок, они могут захотеть второго лишь в том случае, чтобы экзистенциально не обделять его отсутствием брата (сестры). Но даже при таком идеальном родительстве депопуляция лишь

приостанавливается, поскольку семья с двумя детьми только воспроизводит себя.

Что же касается минусов многодетности, то в рамках фаустовской экзистенциальной идеи они предельно очевидны. Реализация экзистенциального императива родительства приостанавливает реализацию прочих экзистенциальных императивов, существенно обедняя, тем самым, существование индивида. Человек, отягощенный большой семьей теряет подвижность, проигрывая также в материальном благосостоянии. Тем самым ориентированный на многодетность индивид вынужден поступать вопреки фаустовской экзистенциальной парадигме, отказываясь от высшей экзистенциальной ценности – максимальной полноты существования.

Таким образом, реализация фаустовского проекта приводит к противоречию с реальностью, то есть к фальсификации означенного проекта, но не в гносеологическом, как у Поппера, а в онтологическом смысле. Дело в том, что осуществленное фаустовское общество не может устойчиво существовать, поскольку оно не должно воспроизводить себя, вследствие того, что всякий экзистенциальный опыт в условиях конечности экзистенции, в том числе и опыт родительства, в идеале должен быть единственным.

Повторяется приблизительно та же ситуация, что и с идеальным христианским обществом, которое должно было бы состоять исключительно из монахов, не воспроизводящих себя по определению. Но если христианство воспроизводило себя посредством не осуществления своего идеала, фаустовский мир, в конце концов, практически смог осуществить свой, тем самым, подписав себе смертный приговор.

5.14. Вопрос вопросов: «что делать?»

Итак, логическая бомба сработала. Сохраняются ли у западной цивилизации какие-то шансы на спасение? Бессмысленно пытаться изменить мировоззренческие установки людей, привлекая их экономически, либо репрессивно воздействуя на них. В частности, вполне возможно экономически стимулировать многодетные семьи за счет дополнительного налогообложения малодетных и бездетных семей. Однако в

условиях демократической формы правления подобного рода мероприятия подорвут популярность проводящих их властей, что естественным образом приведет к смене правительства и свертыванию подобного рода репрессивно-стимулирующих мероприятий.

Возможна и более гибкая политика, когда многодетные семьи стимулируются настолько, что рождение множества детей становится экономически рентабельным. Последнее, однако, с необходимостью должно привести к росту инфляции, то есть ударит, прежде всего, по работающим. Наконец, любые демографические мероприятия однозначно приведут к увеличению числа иждивенцев в общей массе населения, что на практике означает стратегическое падение уровня жизни, причем, тем в большей степени, чем успешнее будут проводимые мероприятия.

Находясь под гнетом внешнего воздействия, фаустовский человек способен какое-то время существовать в мобилизационном режиме, подобно больному, который выполняет предписания врачей, поскольку речь для него идет о жизни и смерти. Аналогичным образом осуществляется экзистирование во время войны, в местах заключения и т.п. При этом люди попросту перетерпывают житейские неудобства и лишения в надежде на последующее возвращение к нормальному, с их точки зрения, существованию. Соответственно мобилизационная демографическая политика, в лучшем случае, даст временный эффект, но с наибольшей вероятностью будет свернута задолго до того, как ситуация начнет действительно меняться, поскольку многодетность – пожизненна, то есть требует отказа целых поколений от нормального с фаустовской точки зрения экзистирования.

Конечно, возможны и другие, более фантастические проекты спасения Запада. Например, популяцию можно попытаться сохранить, переориентировав воспроизводство со стихийного и кустарного на управляемое и регулируемое. Можно создать своеобразные фабрики, где суррогатные матери будут вынашивать искусственно оплодотворенные яйцеклетки из соответствующих банков спермы. Не говоря уже о дороговизне подобного рода проектов, об отсутствии соответствующей массовой технологии, такого рода деятельность будет иметь непредсказуемые социальные последствия, поскольку появится целая раса людей,

воспитанных вне семьи, в условиях детского дома, приближающихся по своим параметрам к монастырско-коммунистическим. Выходцы из подобного рода воспитательных учреждений будут воспринимать фаустовскую цивилизацию извне, что вполне может привести к своеобразной цивилизационной мутации, когда биологический субстрат Запада самоорганизуется в нечто, заведомо антизападное.

Наконец, в запасе у Запада имеется та очевидная программа, на которую, в основном, уповают современные европейские политики. Можно попытаться «цивилизовать варваров», поддерживая демографический баланс за счет перманентной иммиграции. Сомнения в подобного рода программе вызывает судьба Древнего Рима, где стихийно осуществлялась аналогичная стратегия. Если варвары цивилизуются, они станут обычными фаустовскими людьми, то есть перестанут воспроизводиться, так что фаустовскому обществу будут требоваться все новые и новые иммиграционные волны, которые рано или поздно вызовут культурную мутацию, породив на месте фаустовского принципиально иное общество. Другой важный момент: выходцы из третьего мира склонны еще какое-то время сохранять свою культурную идентичность, так что фаустовская цивилизация окажется культурно перенасыщенной несовместимыми, разнородными элементами, и это когда-нибудь взорвет ее изнутри на манер Югославии.

5.15. Резюме: элиминация

В свое время Лакатос обратил внимание на главную, по его мнению, слабую сторону попперовского фальсификационизма. Дело в том, что Поппер требовал обязательной и немедленной элиминации фальсифицированной теории, что исключало всякие ее модификации методом *ad hoc*. Лакатос справедливо отмечал в этой связи, что в своей повседневной практике ученые так не поступают, поскольку, отвергая эмпирически дискредитированную теорию, вполне можно оказаться вообще без теории, подобно тому как, разрушая непригодное для жизни жильё, автоматически оказываешься на улице.

Аналогичным образом разрушение фаустовской цивилизации превратит последние поколения фаустовских людей в маргиналов,

ютящихся на задворках нового, культурно чуждого им мира, к которому они так и не смогут приспособиться. Отсюда многочисленные фантастические проекты спасения Запада, некоторые из которых были приведены выше.

И все-таки в споре Поппера и Лакатоса, по-видимому, прав первый. Всевозможные коррекционные мероприятия могут лишь отсрочить неизбежный конец Запада, но не отменить его вовсе, поскольку цивилизация максимального самоудовлетворения противоречива в своих основаниях и потому не может существовать. Экзистенциальная программа, разработанная мыслителями Нового Времени, изначально предполагает паразитирование на иных культурных типах, будь то христиански ориентированный («отсталый») народ или варварский «третий мир». Однако всякая такая программа стремится к максимальному развертыванию, когда максимально самоудовлетворяются начинают все, что приводит к гибели соответствующей популяции, попросту перестающей воспроизводить себя.

Человечество сегодня спасает только то, что западный экзистенциальный проект еще не стал всемирным. Если подобного рода культурная мутация когда-нибудь произойдет, можно будет говорить уже не о гибели Запада, а о гибели всего человечества. Последнее попросту вымрет, освободив место другим формам жизни. Вопрос лишь в одном: *каким?*

Если прав Фукуяма, и западная цивилизация – это, действительно, конец истории¹¹⁴, рано или поздно любая мыслимая планетарная форма должна стать фаустовской, что обрекает ее на медленное вымирание. Сегодня, наряду с древними, вполне жизнеспособными культурами, к числу которых относятся арабомусульманская, китайская и индийская, можно указать еще на два активно формирующихся культурных типа: *латиноамериканский* и *африканский*. Однако эволюция всего этого культурного разнообразия вполне может закончиться на фаустовский манер, что будет означать «естественную» или возрастную смерть человечества.

Тем самым грядущий апокалипсис не снимается с повестки дня: он только отодвигается на неопределенное будущее. Но

¹¹⁴ Fukuyama F. The End of History and the Last Man (1992), рус. пер. – Конец истории и последний человек (2004)

означает ли подобный сценарий возвращение «назад к обезьяне», к дочеловеческим механизмам биологической эволюции? Здесь самое время осуществить очередную «концептуальную мутацию», обратившись к *эволюционной эпистемологии*, согласно основополагающей идее которой познание представляет собой биологическую эволюцию, продолжаемую другими средствами¹¹⁵.

Отсюда вывод: ***то, что эволюционно придет на смену человечеству, должно быть сотворено самим человечеством.*** К подобного рода апокалиптическому сценарию мы сейчас и обратимся.

¹¹⁵ Hohlweg Kai, Hooker C. A. Historical and Theoretical Context // Issues in Evolutionary Epistemology / Ed. by Hahlweg Kai, Hooker C.A. New York: State University of New York Press, 1989, pp. 23-44. (Сокращенный русский перевод: Хахлвег Кай, Хукер К. Эволюционная эпистемология и философия науки. Глава I. Исторический и теоретический контекст // Современная философия науки. Знание, рациональность, ценности в трудах мыслителей Запада. Хрестоматия / Под ред. Печенкина А.А. М.: Логос, 1996. – С. 158-177.

6. ПОСТНАУКА-НЕОРЕЛИГИЯ

6.1. Гегельянство и фатализм

В понимании исторического процесса можно выделить два полярных подхода. Первый, назовем его гегелевским, предполагает принципиальную его прогнозируемость, так что, познав законы исторического развития, мы способны осуществить реалистический футурологический прогноз. Отрицательной стороной подобного подхода является присущий ему скрытый фатализм, суть которого в том, что законосообразность человеческой истории обуславливает ее скрытую предопределенность, а через нее – предопределенность конкретной человеческой судьбы.

На последнее обстоятельство обращает внимание К.Р. Поппер в своей работе «Открытое общество и его враги»¹¹⁶. В качестве альтернативы гегелевскому пониманию исторического процесса он предлагает собственное понимание, согласно которому всякая человеческая деятельность, например, научная осуществляется методом проб и ошибок. Последнее обстоятельство делает непредсказуемой как отдельную человеческую судьбу, так и человеческую историю в целом. Тем самым человек сохраняет свободу воли, столь высоко ценимую Поппером.

В целом, спор о наличии или отсутствии законов общественного развития, как нам представляется, может считаться законченным уже после наступления века синергетики¹¹⁷. Законы общественного развития, безусловно, есть, однако они носят вероятностный характер. Как известно, ньютоновская механика допускает точное решение только для задачи трех тел, в то время как функционирование более сложной системы объектов, содержащей четыре или более составляющих, можно описать лишь приближенно. Причем по мере расширения временных

¹¹⁶ Поппер К.Р. Открытое общество и его враги. В 2-х т. Т.1-2 - М.: Феникс, 1992.

¹¹⁷ Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса: Новый диалог человека с природой. - М.: Прогресс, 1986. - 432 с.

рамок прогнозов они становятся все менее и менее точными, переходя в пределе в полную неопределенность. Именно поэтому, как указывал в свое время Файерабенд, ни одна из планет не движется в точном соответствии с законами ньютоновской небесной механики¹¹⁸. Что же касается степени предсказуемости общественного развития, то она оказывается существенно ниже, нежели степень предсказуемости сложных механических систем.

Именно поэтому современная футурология представляется чем-то средним между лженаукой и научной фантастикой. Проекты возможного будущего, будь то Фукуяма¹¹⁹ или Римский клуб¹²⁰, рационально подкреплены только по видимости, реально базируясь лишь на интуиции соответствующих исследователей и исследовательских групп. По существу, это специфическая форма философствования, то есть попытка заглянуть за горизонт¹²¹, о чем свидетельствует пример Н.Федорова¹²² и других русских космистов¹²³.

¹¹⁸ Фейерабенд П. Ответ на критику. – В кн.: Проблемы структуры и развития науки. – М.: Прогресс, 1978. – С.458.

¹¹⁹ См., напр.: Fukuyama F. State-building: Governance and World Order in the 21st Century (2004); Fukuyama F. Our Posthuman Future: Consequences of the Biotechnology Revolution (2002), рус. пер. – Наше постчеловеческое будущее: Последствия биотехнологической революции (2004); Fukuyama F. The Great Disruption: Human Nature and the Reconstitution of Social Order (1999), рус. пер. – Великий разрыв (2003); Fukuyama F. The End of Order (1997); Fukuyama F. Trust: The Social Virtues and the Creation of Prosperity (1995), рус. пер. – Доверие: Социальные добродетели и путь к процветанию (2004); Fukuyama F. The End of History and the Last Man (1992), рус. пер. – Конец истории и последний человек (2004)

¹²⁰ Гвишиани Д.М. (Ред.) Римский клуб. История создания, избранные доклады и выступления, официальные материалы. – М.: "Едиториал УРСС", 1997. – 388 с.

¹²¹ Гейзенберг В. Шаги за горизонт. – М.: Прогресс, 1987. – 368 с.

¹²² Федоров Н.Ф. Философия общего дела. В 2-х томах. – М.: АСТ, 2003.

¹²³ Циолковский К. Э. Грезы о земле и небе. Научно-фантастические произведения. – Тула: Приокское книжное издательство, 1986г. – 448с.; Циолковский К.Э. Очерки о Вселенной. – М., 1992. Умов Н.А. Собрание сочинений, Т. 3. – М., 1916. Холодный Н.Г. Избранные труды. – Киев, 1982. Вернадский В.И. Научная мысль как планетное явление. – М.: Наука, 1991. Чижевский А.Л. Земное эхо солнечных бурь. – М., 1976.

С одной стороны, футурология проблематична как наука, не сильно отличаясь по точности предсказаний от гадания на кофейной гуще и прочих подобного рода псевдорациональных методов проникновения в грядущее. С другой стороны, она вполне может приобрести реальную силу как идеология, то есть некий глобальный коллективный проект, иррационально реализуемый уверовавшими в него индивидами. Тот же марксизм имел существенные изъяны как научная теория общественного развития, однако как идеология оказал глобальное влияние на исторический процесс в 20-м столетии.

Перефразируя известный марксистский тезис, можно сказать, что футурологические фантазии становятся силой, когда они овладевают массовым сознанием. Однако, фантазии, очевидно воздействующие на человеческую историю, не генерируются из ничего, наподобие акта божественного творения. Они укоренены в человеческой культуре и детерминированы предшествующими культурными традициями. На это, в частности, обращает внимание Поппер в упоминавшейся выше монографии «Открытое общество и его враги», а также Н. Бердяев в работе «Истоки и смысл русского коммунизма»¹²⁴. Марксистский утопический проект детерминировался не только предшествующими утопиями, но и коллективным бессознательным народов¹²⁵, проводивших его. Именно поэтому означенный проект был принят в России, Китае и Германии, но безоговорочно отвергнут в Великобритании, Японии и США.

6.2. Наше возможное будущее

Примечательно, что рассмотрение футурологии как идеологии философами, по большей части, не практикуется. Обычно анализ этого явления не выходит за рамки известной дихотомии «наука/лженаука». Между тем, именно идеологический аспект подобного рода конструкций, а вовсе не информационный, делает их жизнеспособными. Следуя духу Фукуямы, мы

¹²⁴ Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. – М.: Наука, 1990. – 224 с.

¹²⁵ Юнг К.-Г. Коллективное бессознательное. - В кн.: Юнг К.-Г. Психология бессознательного. - М., 1994. – С. 103-134.

попытаемся рассмотреть один из вариантов возможного будущего человечества, однако, осуществим это не в техногенном, а в идеологическом ключе.

Для этой цели обратимся к известному произведению Д.Д. Фрэзера «Золотая ветвь»¹²⁶. Последний строит диалектическую триаду в стиле Гегеля, включающую в себя магию, религию и науку. Цель магии – подчинение природных стихий человеку. Пытаясь добиться этого, колдун воздействует на стихии, но его воздействие носит антропоморфный характер, поскольку природа в рамках мифологического сознания мыслится по аналогии с человеком: живой и разумной.

Здесь представляется целесообразным эксплицировать понятие «антропоморфный», поскольку, как и все философские конструкции, оно довольно неопределенно. Наше понимание антропоморфности соответствует пониманию, изложенному Т. Имамичи в работе «Моральный кризис и метатехнические проблемы»¹²⁷. Он рассматривает две ситуации. Допустим, я покупаю газированную воду у продавщицы на улице. Для этой цели я должен вступить с ней в человеческий контакт, то есть вербально сформулировать свое желание и в случае невозможности его удовлетворения попытаться найти разумный компромисс. Другая ситуация. Я покупаю баночку «Кока-колы» в автомате. Допустим, он не выдает требуемое и проплаченное. Нормальному человеку, конечно, не придет в голову беседовать с автоматом. Скорее всего, он начнет стучать по нему кулаком, пытаясь выбить требуемое. В этом и заключается отличие антропоморфного воздействия от неантропоморфного, то есть в первом случае мы пытаемся воздействовать на объект вербально (духовно), а во втором – физически.

Вернемся, однако, к концепции Д.Д. Фрэзера. Разочарование в магических процедурах порождает религию, вектор которой инвертируется, то есть направляется не вовне – на природу, а вовнутрь, на самого человека. Религия пытается антропоморфными средствами изменить его сущность, чтобы, тем самым, гармонизировать внешнее и внутреннее существования,

¹²⁶ Фрэзер Д.Д. Золотая ветвь. - М.: Политиздат, 1980. - 831 с.

¹²⁷ Имамичи Т. Моральный кризис и метатехнические проблемы. // Вопросы философии, 1995. – №3. – С.73-82.

примири́в нас с окружающей действительностью не посредством изменения означенной действительности, а посредством изменения наших желаний.

Наука, по Фрэзеру, представляет собой диалектическое отрицание религии и в то же время диалектическое возвращение к магии. Здесь опять начинает преобладать внешний вектор и желание изменить природу, однако его реализация осуществляется неантропоморфными средствами.

Зададимся теперь вопросом: «Что же должно прийти на смену науке?» Очевидно, что это будет постнаука или неорелигия. Для этой новой интеллектуальной реальности будет характерно очередное инвертирование вектора социального действия вовнутрь, на самого человека, однако, в отличие от религии, подобное воздействие будет теперь носить неантропоморфный характер.

Суммируем сказанное в виде следующей логической таблицы 1.

Таблица 1

Классификация исторических типов интеллектуальной деятельности

№ п/п	Тип интеллектуальной деятельности	Характер социального действия	Вектор социального действия
1.	Магия	антропоморфный	вовне
2.	Религия	неантропоморфный	вовнутрь
3.	Наука	антропоморфный	вовне
4.	Постнаука-неорелигия	неантропоморфный	вовнутрь

6.3. Основное заблуждение диалектики

Здесь нужно сделать еще одно отступление. Основное заблуждение диалектики¹²⁸ заключается в том, что изменения могут осуществляться только в неизменном, метастабильном.

¹²⁸ Филатов Т.В. Основное заблуждение диалектики. - Сб.: Смысл «и» выражение: контрверзы современного гуманитарного знания. – Самара, 2001.

Например, у Гераклита можно выделить три диалектических закона:

-1) все течет, и все изменяется; в один поток нельзя войти дважды;

-2) все едино;

-3) Логос вечен¹²⁹.

Действительно, на фоне всеобщего изменения закон (Логос), в силу которого все изменяется, сам измениться не может. В противном случае на его место должен прийти закон: «Ничего не меняется», в соответствии с которым всякие изменения в мире должны прекратиться.

Например, молодые превращаются в старых, но и старые должны измениться, превратившись в молодых. Однако, как свидетельствует повседневная практика, старые рано или поздно станут мертвыми, которые уже не смогут измениться потому, что их просто-напросто нет. Аналогичным образом постнаука-неорелигия реализуется только в том случае, если человечество не сойдет с эволюционной арены и продолжит свое существование в качестве полноценного целого. Последнее обстоятельство далеко не очевидно, с учетом обозначившихся исторических тенденций.

Дело в том, что техногенная цивилизация переводит систему человек-природа из равновесного состояния в неравновесное. Если в Средние Века экологическое равновесие между биосферой и техносферой почти не нарушалось, так что традиционное общество могло существовать неопределенно долго в метастабильном состоянии, то техногенное общество временно по самой своей природе. Во-первых, истощение энергетических ресурсов с необходимостью заставляет его переориентироваться на новые энергоносители. Во-вторых, разрушение биосферы заставляет восполнять биологические потери генетически модифицированными, а в перспективе – искусственными биологическими объектами, так что граница между естественной реальностью – природой и искусственной реальностью – культурой¹³⁰ рано или поздно сотрется окончательно. В результате научно-технического прогресса человечество в 21 веке рискует

¹²⁹ Материалисты Древней Греции. - М.: Политиздат, 1955. - 238 с.

¹³⁰ Кутырев В.А. Естественное и искусственное: борьба миров. - Н. Новгород, 1994.

оказаться в мире роботов и мутантов, которые, будучи более совершенными в интеллектуальном отношении, постепенно вытеснят человечество на экзистенциальную периферию. В обществе будущего человечество будет занимать то же место, что кошки и собаки в наших городах.

В целом перед современным человечеством явственно обозначаются две альтернативы. Первая – это Новое Средневековье¹³¹, связанное с катастрофическим крушением техногенной цивилизации и возвращением к традиционному обществу. Подобную альтернативу можно обозначить как победу аграрного Востока над постиндустриальным Западом. Проще говоря, цивилизационное давление перенаселенного Юга преодолеет цивилизационный вектор вымирающего Севера, повернув историю вспять. Вторая альтернатива – это сверхиндустриальная цивилизация роботов и мутантов, которую умирающий Запад успеет породить как альтернативу консервативной революции Востока.

6.4. Третий путь

Но есть и третий, менее очевидный путь, заключающийся в биогенетической трансформации самого человечества. Действительно, изменяя окружающий мир техногенными методами, люди при этом сами не меняются, что постепенно превращает человечество в архаический рудимент техногенного мира. Последнее и заставляет повернуть вектор социального действия вспять, переводя человечество из третьей – научной – эпохи в четвертую эпоху постнауки-неорелигии.

При этом, поскольку человечество представляет собой сложную самоорганизующуюся систему, можно только обозначить основные альтернативные пути развития, тогда как однозначное предсказание требует количественных расчетов, да и в этом случае оно будет весьма проблематичным, поскольку не учитываются такие качественные параметры как, например, научное открытие. Так, опираясь на реальное положение дел, даже в 20 – 30-е годы XX века нельзя было рационально предвидеть, что он станет веком кибернетики и новейших информационных

¹³¹ Бердяев Н. Новое средневековье. - М.: Феникс, 1991. - 83 с.

технологий. Если идея роботов и высказывалась тогда, то лишь фантастами, а о глобальной сети Интернет определенно никто не имел представления. Мы не можем сегодня однозначно предсказать того, что будет открыто учеными 100-200 лет спустя. По этой причине наши футурологические прогнозы мало чем отличаются от прогнозов астрологических, которые, как известно, определяются римскими наименованиями планет, восходящими к соответствующей языческой религии, уже более двух тысячелетий не имеющей реальных последователей.

Вернемся, однако, к феномену постнауки-неорелигии. Одной из значимых тем пострелигиозной философии классической эпохи была проблема соотношения социального и биологического в человеке. Известный тезис: «Человек – продукт воспитания» утверждал неограниченные возможности изменения человека антропоморфными средствами, что позволяло воспитателю лепить воспитуемого по своему произволу, воспринимая его сознание как чистую доску, на которой можно запечатлеть любые письмена. Впоследствии от этих просветительских иллюзий пришлось отказаться, так как биологическое в человеке оказалось значимее социального. Последний акт крушения просветительского идеала – крах советского проекта воспитания «нового человека»¹³², интегрированного в новую историческую общность людей, не так давно гордо именовавшуюся советским народом.

XX век, как известно, был ареной столкновения трех великих идеологий: марксистской, утверждавшей примат социального над биологическим, фашистской, биосоциальной, пытавшейся соблюсти баланс между обоими началами, и фрейдистской, утверждавшей примат биологического над социальным. Не удивительно, что век, начавшийся с великих социальных революций в 10 – 20-е годы, продолжился как век радикального национализма в 30 – 40-е годы и завершился сексуальной революцией в 60 – 70-е годы. Марксизм привел Россию к крупнейшей геополитической катастрофе за всю ее историю, однако, победу Запада над Россией можно сравнить с победой Октавиана над Антонием. Попытка антропоморфного обуздания биологического в очередной раз закончилась крахом;

¹³² Фромм Э. Иметь или быть. - М.: Прогресс, 1986. - 240 с.

фрейдистская половая свобода оказалась весомее марксистского равенства и фашистского братства.

Здесь необходимо определенное уточнение. Структурирующая функция фрейдизма по отношению к современному западному обществу не столь очевидна, как это имеет место в случае марксизма и фашизма, восходящего к ницшеанской идеологии воли к власти и сверхчеловека. На первый взгляд, идеологическим императивом западного общества является либерализм, ориентирующий индивида на свободу как высшую духовную ценность. Этому, в частности, соответствует известное идеологическое клише «свободный мир», которое Запад одно время использовал для своего обозначения в противовес миру несвободному или «тоталитаризму».

Все это так, но только в том случае, если рассматривать проблему поверхностно. Что, однако, является смыслом западной свободы? Половая свобода. А что является смыслом половой свободы? Удовлетворение. Наконец, конечным смыслом удовлетворения является самоудовлетворение, подобно тому, как сущностью сознания, по Хайдеггеру, является самосознание¹³³. Действительно, что может сегодня предложить Запад человечеству в идеологическом плане, особенно после глобальных марксистских и фашистских проектов? Ничего, кроме самоудовлетворения, поскольку смысл жизни западного человека – в максимальном убажании самого себя. А это тупиковый путь стареющей, исчерпавшей свои потенции цивилизации. Идеологический позитив видится нам только в одном: в неантропоморфном воздействии на человека. Новый человек или постчеловек, как именует его Фукуяма¹³⁴, – это такая же реальность, как и управление природными стихиями, однако она также реализуется исключительно нечеловеческими средствами.

¹³³ Хайдеггер М. Слова Ницше «Бог мертв». – В кн.: Работы и размышления разных лет. – М.: Гнозис, 1993. – С. 206.

¹³⁴ Fukuyama F. Our Posthuman Future: Consequences of the Biotechnology Revolution (2002), рус. пер. – Наше постчеловеческое будущее: Последствия биотехнологической революции (2004)

6.5. Сущность постнауки-неорелигии

Зададимся теперь вопросом: «Что должна представлять собой постнаука-неорелигия в структурно-организационном плане?» Изменение природной среды, равно как и самого человека, опасно в том смысле, что оно делает существование нашей цивилизации еще более хрупким и нестабильным, то есть проблематичным, нежели это имеет место сейчас. Дело в том, что просчитать последствия подобного рода изменений, как указывалось выше, практически невозможно, поэтому будущее может осуществиться по одному из многочисленных катастрофических сценариев.

В этом постчеловеческом будущем привлекает внимание один знаковый момент. Развитие общества постепенно будет утрачивать привычные формы конкуренции индивидов, приобретая вид конкуренции проектов. Болезненные симптомы этого начинают ощущаться уже сегодня. Например, современные мультимедийные средства позволяют придать любому среднему исполнителю привлекательные товарные формы. Сегодня уже не важно, кто конкретно поёт и какова степень его талантливости. Важнее оригинальность продюсерской идеи, составляющей основу соответствующего проекта.

На это, конечно, можно возразить, что человек, развиваясь, во все времена проектировал себя. Однако это осуществлялось антропоморфными средствами и потому было искренним. Я был именно тем, кем я себя делал. Сейчас же проекты приобрели определенное постчеловеческое наполнение. Не важно, кто именно осуществляет их, важен только сам проект, который формирует под себя тех, кто его осуществляет. Более того, индивидуальное наполнение проекта может перманентно меняться, исполнители будут приходить и уходить, а шоу, перефразируя одного известного исполнителя, все равно будет продолжаться.

Удачные поп-проекты живут, неудачные довольно быстро умирают. Аналогичным образом синтез различных проектов постчеловека с необходимостью приведет к их жесткой конкуренции. По существу мы будем наблюдать процессы, подобные конкуренции религиозных учений, политических доктрин, научно-исследовательских программ, и все это на фоне

резкого ускорения темпов биологической эволюции, которые впервые станут соизмеримыми с временными рамками индивидуального человеческого существования.

Всякий конкретный проект постчеловека нуждается не только в научном, но и в философском обосновании. Последнее возвращает нас к традиционной антропологической проблематике, активно разрабатывавшейся еще Сократом и софистами. Сократ, как известно, считал высшей человеческой добродетелью мудрость¹³⁵, принципиально отделяя её от красоты и доброты и, тем самым, разрушая античный идеал калокагатии как заведомо не реализуемый проект. Позднее Ницше, рассуждая о сверхчеловеке, видел в нем имморальное существо, стоящее по ту сторону добра и зла¹³⁶. Воля к власти в сверхчеловеке окончательно преодолевает волю к жизни, в то время как у недочеловека наблюдается обратный процесс, то есть преодоление волей к жизни воли к власти. Фрейд формулирует проект гиперсексуальной личности, функционирование которой осуществляется в плоскости удовлетворённости/неудовлетворённости¹³⁷.

6.6. Феномен самоструктурирования

Очевидно, что все эти конструкции конфликтны и взаимоисключающи. Вместе с тем, человеческое их воплощение всегда оказывалось весьма далёким от первоначального замысла, что, очевидно, не позволяет оценить их реальную эффективность. Нам представляется, что биогенетическая трансформация обеспечит большую чистоту эксперимента и мобильность антропологического проектирования. Философские антропологические проекты были жестко привязаны к стабильной (статуарной) субстанции человеческой личности, так что успех их воплощения зависел, прежде всего, от реалистичности (циничности) автора соответствующей философской конструкции в плане интерпретации природы человека. Постнаука-неорелигия

¹³⁵ Платон. Соч. в 4-х т. Т.1. - М.: Мысль, 1990. – С. 263.

¹³⁶ Ницше Ф. По ту сторону добра и зла. Прелюдия к философии будущего// Соч. в 2-х т. Т.2. – М.: Мысль, 1990. – С.238-407.

¹³⁷ Фрейд З. “Я” и “Оно”. Труды разных лет. Книга 1. - Тбилиси: Мерани, 1991. - 400 с.

снимает подобное ограничение, позволяя реализовывать самые отвлеченные и безумные антропологические проекты.

Например, то антропологическое фантазирование, по большей части идиотическое, которое осуществляется сейчас в виртуальной реальности методами компьютерного моделирования, может выйти за рамки простой игры разума творческих гуманитариев. Возможно, мы стоим на пороге новой эры, эпохи реализации литературных и компьютерных иллюзий, перманентно порождаемых современностью. Когда Ницше провозгласил своё знаменитое: «Бог мертв»¹³⁸, он, по мнению Хайдеггера, вовсе не подразумевал, что человек должен встать на место Бога. «Можно было бы, огрубляя, думать, что слова эти означают следующее: господство над сущим переходит теперь от Бога к человеку, – а еще более огрубляя: Ницше на место Бога ставит человека. Кто думает так, не слишком божественно думает о сущности Бога. Человек никогда не сможет встать на место Бога, потому что бытийствование человека никогда не достигнет бытийной сферы Бога»¹³⁹. Смысл смерти Бога в другом: «Природа повсюду выступает – ибо повсюду волился изнутри сущности бытия – как предмет техники»¹⁴⁰.

Однако, не только Ницше, но даже Хайдеггер вряд ли предвидел, что предметом техники рано или поздно должен стать сам человек. Причем, не только в смысле телесности, но и в смысле духовности, которая будет произвольно конструироваться на манер самообучающихся компьютерных программ, которые затем конструируют новые самообучающиеся программы. Тысячелетиями соперничая с Богом, то есть в той или иной степени осуществляя акты творения, человек рано или поздно будет вынужден сотворить другого себя, в образе постчеловека, который, в свою очередь, продолжит это движение с тем, чтобы синтезировать свое диалектическое отрицание.

¹³⁸ Хайдеггер М. Слова Ницше «Бог мертв». – В кн.: Работы и размышления разных лет. – М.: Гнозис, 1993. – С. 168-217.

¹³⁹ Там же. С. 206.

¹⁴⁰ Там же. С. 207.

6.7. Эпоха джинов

Сущность всякой подлинной науки раскрывается в порождаемой ею технике. Максима «Познай самого себя» должна трансформироваться в максиму «Сотвори самого себя». Мир изменится качественно, вследствие чего мы не в состоянии представить себе его грядущие контуры. Это тот горизонт, за которым приблизительность наших знаний постепенно вырождается в полную неопределенность. Однако задача философии заключается именно в том, чтобы заглянуть за горизонт, в полную тьму, куда сегодня не может проникнуть даже ответ научного знания.

Философствование осуществляется в той области, где отсутствует адекватное понимание изучаемых феноменов. Философ лишь обозначает проблему, но не может найти ее позитивного (научного) решения, а то, что периодически предлагается в качестве такового, последующие поколения оценят как наивность, способную вызвать лишь снисходительную улыбку, подобную той, которая возникает у нас во время просмотров испытаний первых летательных аппаратов. Аналогичным образом забавляют нас философско-антропологические утопии недавнего прошлого типа «строителя коммунизма» с его моральным кодексом¹⁴¹. И все-таки, подобно тому, как из философских спекуляций периодически рождались мощные естественнонаучные направления, *философская антропология стоит на пороге превращения из утопически-спекулятивного системостроительства в строгую экспериментальную науку.*

И последнее. В каждой эпохе наличествуют структуры, указывающие нам на отдаленное будущее. Проблема лишь в том, что мы не можем их вычленить из совокупности наличной экзистенции до тех пор, пока это будущее не осуществится. Например, египетский фараон Эхнатон в свое время отказался от веры в традиционных зооморфных богов, с тем, чтобы ввести

¹⁴¹ Моральный кодекс строителя коммунизма. - Программа Коммунистической партии Советского Союза. Принята XXII съездом КПСС. - М.: Политиздат, 1961.

монотеизм – веру в единственного солнечного бога Атона¹⁴². В свете синтезируемого в настоящей работе одного из проектов возможного будущего уже сегодня можно указать на структуры прошлого, идеологически созвучные грядущей постнауке-неорелигии. Это, прежде всего, джайнизм, религия помощи самому себе, как определяют ее Чаттерджи и Датта в классическом учебнике индийской философии¹⁴³.

Джайнисты верили в то, что, непрерывно совершенствуясь, человек рано или поздно разбивает свою телесную оболочку, подобно тому, как мы разбиваем глиняный кувшин или свинью-копилку, заполненную монетками. Освобождаясь от телесности, дух обретает освобождение, становясь практически всемогущим. Подобного рода индивид именуется «джиной» или победителем¹⁴⁴. Отсюда, в частности, легенды о джинах, распространявшиеся географическими соседями индусов – иранцами. Согласно традиции за всю историю джайнизма таким образом освободились 24 человека, почитаемые джайнистами в качестве великих учителей (тиртханкаров), указавших человечеству единственный путь к освобождению.

Итак, сначала познай самого себя, затем помоги себе сам и, наконец, создай самого себя. Нам кажется, ретроспективный символ будущего найден. Подобно тому, как Возрождение явило себя как эпоха титанов (Энгельс)¹⁴⁵, ***грядущее Преображение, по-видимому, осуществится как эпоха джинов***. Весь вопрос только в том, найдется ли в последующей истории тот безумец, который, подобно Пандоре, откроет ящик¹⁴⁶ или, следуя устоявшемуся фольклору, выпустит джина из бутылки. По терминологии Пригожина современное человечество в очередной раз пребывает в точке бифуркации¹⁴⁷, так что малейшая случайность, будь то новое научное открытие, глобальная техногенная катастрофа,

¹⁴² Перепелкин Ю.А. Переворот Амен-хотпа IV. Ч. 2. – М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1978.

¹⁴³ Чаттерджи С., Датта Д. Индийская философия / пер. с англ. - М.: Селена, 1994. - 416 с.

¹⁴⁴ Чаттерджи С., Датта Д. Индийская философия / пер. с англ. - М.: Селена, 1994. – С. 80.

¹⁴⁵ Рутенбург В. И. Титаны Возрождения. – М.: Наука, 1991. – 138 с.

¹⁴⁶ Гилберт Д., Малкей М. Открывая ящик Пандоры: Социол. анализ высказываний ученых / пер. с англ. – М.: Прогресс, 1987. – 269 с.

локальный успех мирового терроризма и т.п., в конце концов, окажется тем камушком, который повлечет за собой лавину, окончательно определяющую историю грядущего столетия.

¹⁴⁷ Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса: Новый диалог человека с природой. - М.: Прогресс, 1986. – С. 216-217.

7. АПОЛОГИЯ НИЦШЕ ИЛИ ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ

7.1. Повторение. Начало¹⁴⁸

В свое время гениальный безумец Джордано Бруно повторил мысль другого гениального безумца – кардинала Николая Кузанского, утверждавшего, что Вселенная бесконечна, и потому ее понимание недоступно конечному человеческому разуму, подобно тому, как многоугольник, содержащий сколь угодно большое, но конечное число углов, никогда не охватит всей площади окружности, в которую мы стремимся его вписать.

Несколько столетий спустя, когда идея бесконечности Вселенной окончательно утвердилась в научной среде, трезвый мыслитель Генрих Ольберс обратил внимание на одно простое обстоятельство. В бесконечной Вселенной, очевидно, должна наличествовать некая средняя плотность вещества, то есть в определенном объеме должно располагаться некое фиксированное количество звезд, не убывающее по мере удаления от Земли. Если это не так, и плотность звездной материи асимптотически стремится к нулю, значит, наша Вселенная конечна.

Допустим теперь, что на некоем произвольном расстоянии R от Земли располагается n звезд, каждая из которых излучает в сторону Земли некое среднее количество энергии. По законам оптики с расстояния $2R$ звезды будут излучать в направлении Земли вдвое меньше, зато на соответствующей сферической поверхности их будет вдвое больше. В результате энергии от этих дальних звезд придет столько же, сколько от ближних. Но в бесконечной Вселенной подобных радиусов можно провести бесконечно много. Отсюда напрашивается парадоксальный вывод: ***такой физической объект как бесконечная Вселенная просто не может существовать***, поскольку в каждой его точке должна аккумулироваться бесконечная световая энергия.

¹⁴⁸ Послесловие – это всегда повторение, что и имеет место в настоящей главе. Об Ольберсе и Бруно уже говорилось ранее.

Обобщая сказанное, можно прийти к выводу, что *бесконечных в пространственном и временном отношении объектов вообще не может существовать*. Другими словами, *все реально сущее конечно*. Соответственно, все рожденное рано или поздно должно умереть, причем, подобное касается не только отдельных людей, но и человечества, а также Вселенной, которая, по логике вещей и в соответствие со второй моделью Фридмана-Леметра, рано или поздно должна начать коллапсировать, сжимаясь в то первоначальное сверхплотное тело, из которого она когда-то возникла в момент большого взрыва.

7.2. Интуиция апокалипсиса

Впрочем, о грядущей гибели мира человечество знало задолго до разработок Фридмана и Леметра, благодаря общекультурной и общечеловеческой *интуиции апокалипсиса*, в той или иной степени присутствовавшей во все времена и у всех народов. Даже когда контуры грядущей смерти казались расплывчатыми и неопределенными, в ее неотвратимости не сомневался практически никто. Вот и у древних римлян в середине праздничного стола возвышалась погребальная урна с интернациональным девизом, давно не нуждающимся в переводе: “Memento more”.

Шопенгауэру принадлежит одно меткое замечание: человека пугает грядущая вечность, которая пройдет без него, после его смерти, но почему-то совсем не печалит аналогичная вечность, которая прошла без него до его рождения. *Наш разум однозначно свидетельствует о том, что все мы рано или поздно умрем, но воля к жизни не желает принимать этого, превращая разум в безумие*.

Например, индусы верят в переселение душ, по существу, превращающее смерть в рядовое событие жизни, сочетающее в себе переход в новое место, новое время и новое тело. О переходе говорят практически все книги мертвых, например, древнеегипетская и тибетская. Христианское воскрешение из мертвых во плоти здесь не исключение, потому что это тоже своеобразный переход.

Примечательно, что именно отрицание конечности бытия роднит две такие абсолютные противоположности как теизм и

атеизм. Когда сын Циолковского пришел к своему отцу и сказал, что жизнь бессмысленна, поскольку рано или поздно должна наступить тепловая смерть Вселенной, последний весело ответил ему: «Это должно произойти очень нескоро, так что люди обязательно что-нибудь придумают!». Увы, сын не внял этому доводу и покончил с собой к большому огорчению отца. Спрашивается, кто из них был более безумен? По-видимому, отец, веривший в то, что законы природы могут быть изменены людьми по своему желанию, подобно юридическим актам и правилам грамматики.

Как известно, история повторяется дважды: один раз в форме трагедии, а другой – в виде фарса. Именно так, на наш взгляд, следует расценивать деятельность Григория Грабового, объявившего себя вторым воплощением Иисуса Христа и предлагавшего всем желающим за 30 тысяч рублей ознакомиться их с простой технологией воскрешения родственников. Грабового объявили жуликом, но, возможно, это было искреннее безумие, особенно когда он вознамерился баллотироваться в президенты России, обещая, в случае своего избрания, подписать указ, согласно которому смерть на территории Российской Федерации отменяется.

Примечательно также, что известный американский фантаст Артур Кларк предсказал обретение людьми физического бессмертия к 2200 году. Современному человечеству, которое совсем немного не дотянуло до этой знаменательной даты, должно быть вдвойне обидно. Суммируя сказанное, можно констатировать, что научно-рационалистическое мировоззрение становится столь же путано-мистическим, как и религиозное, стоит лишь возникнуть на интеллектуальном горизонте глобальной теме смерти.

7.3. Бесконечная жизнь как бесконечная проблема.

Между тем бесконечная жизнь порождает бесконечные проблемы, главная из которых – чем занять себя в этой дурной бесконечности? Еще Данте испытывал трудности в описаниирая, поскольку трудно было представить, что конкретно следует делать душе в раю. В этом отношении индобуддистская философская

традиция оказалась гораздо проникательнее, нежели европейско-христианская.

Последняя, как известно, трактует бессмертие души как бессмертие Разума, сознания, составляющего сущность человеческого «Я». Именно по этой причине Декарт истолковывал животное как автомат, сущностно не отличимый от бездушного механизма. Тем самым бессмертие души закреплялось только за душой *человеческой*, тогда как растительные и животные души разделяли участь своих материальных оболочек.

Действительно, если эти души бессмертны, то им должен быть уготован свой рай или ад. Но могут ли грешить животные и растения, если они неразумны? И если могут, то в чем их искупление и спасение? И где их церковь? Когда саддукеи спросили Христа, чьей женой будет в Царствии Небесном женщина, которая поочередно побывала женою семи братьев, каждый из которых умирал вслед за следующим, Он ответил, что в Царствии Небесном не будет ни жен, ни мужей. Потому что не будет желаний, которые неотвратимо приводят к греху и, следовательно, к парадоксу: ведь в раю невозможно грешить даже в мыслях, а это происходит всякий раз, когда человеку чего-то хочется.

В результате остается только чистый разум, который бесконечно думает свою светлую думу, в то время как души грешников в аду страдают от бесконечных кошмаров. Но всякая мысль рано или поздно должна исчерпать себя, даже процесс самопознания Мирового Духа, по Гегелю, в конце концов, завершается синтезом гегелевской системы. Бесконечная мысль столь же бессмысленна как бесконечно продолжающаяся книга, которую автор никак не может завершить. На каком-то этапе новые мысли окончательно иссякают, и текст начинает повторяться в различных вариациях, рождая в душах читателей лишь раздражение и утомление.

Обратимся теперь к индубуддизму. В рамках данной интеллектуальной традиции предлагаются два варианта: либо бесконечное переселение душ в новые материальные оболочки, либо нирвана, то есть остановка всех жизненных процессов индивида, включая мышление. Причем в новую телесную оболочку переселяется только воля, комплекс наших

предпочтений и отрицаний, тогда как разум разделяет судьбу той телесной оболочки, которая взрастила его.

В этом смысле европейски ориентированный Шопенгауэр, который культурно не мог принять учения о переселении душ в его индийском варианте, проницательно заметил, что воля к жизни проявляется, прежде всего, в деторождении, поскольку именно ее, а не разум, наследуют дети от своих родителей. Будда в свое время говорил, что переселение души подобно процессу, когда один факел зажигает другой, и нет смысла вопрошать о том, является ли новый огонь продолжением старого или есть нечто, отдельное от него. Аналогичным образом жизнь родителей продолжается через жизнь детей. Это и есть искомое бессмертие, но не то, которого желает западный фаустовский человек. Это бессмертие наших вожделений (прежде всего, сексуальных), а не бессмертие разума, обреченного на уничтожение уже в момент своего возникновения.

7.4. Ветхозаветная и новозаветная традиция решения проблемы смысла жизни

Здесь, в свою очередь, напрашивается сравнение Ветхого завета с Новым, иудейской и христианской традиции. Заключая завет с Авраамом, Бог не обещает ему Царствия Небесного, но лишь бесчисленное потомство, то есть продолжение и геометрическое умножение его воли к жизни. Для «ветхого» человека этого было достаточно, тогда как «новому» человеку любой ценой хотелось сохранить свое «Я», Разум, так долго взращиваемую индивидуальность, хотелось продолжения жизни духовной, пусть даже ценой отказа от жизни душевной.

Последовательным выражением подобного эгоцентрического стремления является фундаментальный проект принципиально бездетного Сартра, согласно которому смысл человеческой жизни заключается в том, чтобы стать Богом. Именно поэтому фараоны, вообразив себя живыми богами египтян, строили гигантские пирамиды, в надежде на последующее телесное воскрешение. В одной из таких монументальных усыпальниц археологами было найдено зерно, которое проросло спустя четыре тысячи лет после своего «захоронения».

В этом суть, и естественное решение проблемы смысла жизни, интуитивно постигнутое простыми людьми, но так и не

понятое философами. Зерно реализует себя, *умирая*, но давая, тем самым, новую жизнь новым зернам. Потому что *не только смерть осуществляется через жизнь, но и жизнь через смерть*. «Истинно, истинно говорю вам: если пшеничное зерно, падши в землю, не умрет, то останется одно; а если умрет, то принесет много плода. Любящий душу свою погубит ее; а ненавидящий душу свою в мире сем сохранит ее в жизнь вечную» [Иоанн, гл. 12, ст. 24-25].

Издrevле люди считали величайшим несчастьем умереть бездетными или пережить своих детей, потому что *жизнь в этом случае не состоялась*. Отрицание бесконечного как реального приводит нас к выводу, что дискретность – неотъемлемая черта всего сущего. Книгу жизни нельзя затягивать, иначе она становится неинтересной. Тем более ее не следует пытаться длить вечно. Аналогичным образом вечно существующее человечество как аналог остановленного мгновения – не более чем воплощенная статуарность, живой памятник самому себе.

В ситуации конечности и дискретности существования предназначение человека и человечества не в том, чтобы стать богами, трансформировав в вечность временность, а в том, чтобы *взять свою смерть в свои руки*, рационально определив ее. Именно в этом, на наш взгляд, и заключается позитивный экзистенциальный смысл грядущего апокалипсиса.

7.5. Анализ апокалиптических сценариев: резюме

Выше были рассмотрены различные сценарии наступления означенного состояния. Гибель человечества от рук злодеев-террористов маловероятна и опереточна. Что-то подсказывает нам, что в споре духа и материи, яркой индивидуальности и серой биомассы, дух всегда будет терпеть поражение. Ведь даже у Шекспира гибнет гордый Кориолан, а Рим продолжает стоять, как ни в чем не бывало.

Даже культы великих личностей в тоталитарных системах XX столетия не могли преодолеть несоизмеримости масштабов, вследствие которых социум всегда представляется гигантским, а личность микроскопической. Тем самым гибель человечества как отрицание его ценности свободным индивидом представляется

столь же нелепым как, например, смерть от заражения крови отца Маяковского, случайно уколовшего палец кнопкой.

Аналогичным образом нелогична гибель социума вследствие столкновения цивилизаций, казавшаяся столь близкой и даже неотвратимой в эпоху геополитического противостояния СССР и США. Примечательно, что люди, жившие в ту эпоху в России, в большинстве своем интуитивно сознавали, что подобного не случится. И не потому, что извечная «пато-логия» русского ума не позволит России, наконец, осуществить свое историческое предназначение, воплощенное в пророчестве: «Москва – третий Рим, и четвертому не бывать». Ведь после гибели второго Рима – Константинополя – Москва осталась последним оплотом подлинной веры – православия. Следовательно, крушение православия в России, фактически имевшее место после прихода к власти большевиков, должно было неотвратимо повлечь за собой апокалиптическую гибель всего человечества.

Но этого не случилось. Все закончилось банальным распадом СССР и апокалиптической гибелью коммунизма, то есть, следуя логике Гегеля, отрицанием отрицания. Ведь, в противном случае книга жизни человечества закончилась бы нелепым аналогом пьяной драки, что превратило бы ее в нелепый фарс или в роман-анекдот, подобный знаменитым «Похождениям бравого солдата Швейка».

Конечно, анекдотическое противостояние России и Запада должно было разрешиться анекдотически, но не трагически, а комически. Просто один из двух скандалистов постепенно перебрал до такой степени, что уснул и умер во сне, подавившись собственной блевотиной. Но последнее вовсе не означало завершения книги жизни человечества и даже, по большому счету, книги жизни России, а только конец примечательной исторической эпохи, именовавшейся тогда «развитым социализмом», хотя, на взгляд очевидца, это была *эпоха тотального словоблудия*.

Остается еще один вариант конца человечества – элементарная смерть от старости, которая для Запада и России должна наступить как депопуляция. Люди перестанут воспроизводиться и попросту тихо вымрут, исчерпав все потенции своего исторического и интеллектуального развития. В результате в нашем распоряжении окажется некая идеально завершенная

книга жизни, прописанная до такой степени, что больше в нее нечего вписывать, кроме бесконечных повторов.

Логично ли подобное завершение всего? На первый взгляд, вполне. Однако аналогия бытия социума с книгой в этом случае приводит к абсурдным следствиям. Как говорил по сходному поводу Карабчиевский, автор произведения всегда адресует его кому-то другому, некому воображаемому читателю, сочувствующему автору и понимающему его, так что даже такой упертый нарциссический индивидуалист как Сартр, сознательно отказавшийся от деторождения во имя творческой самореализации, рассматривает подлинно человеческое бытие как бытие *для другого*.

Но кто прочтет книгу жизни человечества, если человек так и останется на Земле единственным в своем роде разумным существом? Останется только надеяться на мифических инопланетян, которые когда-нибудь раскопают могильник нашей цивилизации, подобно тому, как современные археологи раскапывают сегодня гробницы древних египтян.

Наконец, теоретически возможен еще один вариант апокалиптического развития событий, аналогом которого на индивидуальном уровне является банальная смерть от несчастного случая. Это – самое нелепое, что может случиться с человеком или с человечеством. Подобного рода *абсурдная смерть* подстерегает нас на каждом жизненном повороте, что, как правило, сопровождается полным отсутствием соответствующих экзистенциальных предчувствий. Если абстрагироваться от таких маловероятных сценариев абсурдного конца как пресловутый двойник тунгусского метеорита, для превентивного удара по которому, якобы, разворачивается американская система ПРО, а также сокрушительная пандемия, подобная той, что была описана Джеком Лондоном в романе «Алая чума», то в нашем распоряжении останется только один весьма вероятный апокалиптический сценарий: гибель человечества *по неосторожности*, подобно тому, как ничего не подозревающие жильцы многоэтажки внезапно взлетают на воздух вследствие взрыва бытового газа.

7.6. СПИД как технологическая загадка

Сегодня в распоряжении человечества имеется множество технических средств, представляющих глобальную опасность. Та же ядерная война в двадцатом столетии могла начаться не только вследствие сознательного решения одной из сверхдержав, но и случайно, вследствие банального сбоя систем сдерживания. Что же касается сегодняшнего дня, то наиболее реальным детонатором абсурдного конца человечества может стать тривиальная утечка бактериологического оружия, либо выход из под контроля соответствующих биогенетических исследований, на первый взгляд, представляющихся их участникам вполне безопасными или хотя бы контролируруемыми.

В этом смысле особое внимание привлекает к себе синдром приобретенного иммунного дефицита (СПИД), который не случайно называют чумой XX века. Жертвами этой неизлечимой болезни стали миллионы людей по всей планете, в том числе видные представители современной культуры: философы, ученые, поп-звезды. Самое загадочное в СПИДе – тайна его происхождения. Согласно официальной версии, это заболевание перешло к людям от обезьян между 1926 и 1946 годами, а первый образец крови ВИЧ-инфицированного относится к 1959 году.

Во всей этой истории непонятно только одно: почему до 1978 года на протяжении всей истории человечества эпидемии СПИДа не наблюдалось? Только ли потому, что африканцам до 1926 года не приходила в голову «светлая» мысль вступить в половой контакт с обезьянами? Далее история СПИДа продолжает развиваться столь же загадочно. В 1978 году это заболевание зарегистрировано среди гомосексуалистов США, Швеции, а также среди представителей обоего пола в Танзании и на Гаити. Последнее удивительно, поскольку эпидемия не может начать распространяться из географически никак не связанных между собой источников.

С тех пор число больных в мире лавинообразно растет. В 1981 году от СПИДа в США умерли 128 человек, в 1983 – полторы тысячи, а уже в 1997 году, менее чем через 20 лет после начала эпидемии, общее число людей, умерших от СПИДа во всем мире составило 6,5 миллионов человек. Сегодня от СПИДа ежедневно

умирает около 6 тысяч человек, а общее число ВИЧ-инфицированных превышает 50 миллионов.

Загадочность появления и протекания эпидемии СПИДа наводит на определенные подозрения. Почему эта эпидемия разразилась именно тогда, когда в лабораториях различных стран осуществлялись активные разработки бактериологического оружия? Не является ли СПИД искусственным продуктом, синтезированным в одной из секретных лабораторий, а затем случайно вышедшим из-под контроля своих создателей?

По этому поводу можно лишь философски констатировать, что правду мы все равно никогда не узнаем. В отличие от атомного или химического оружия, бактериологическое оружие обладает чудовищной эффективностью, но только в том случае, если противник не знает способов борьбы с соответствующей инфекцией. Именно в этом и заключается главная опасность научных изысканий в данной области. Современные методы генной инженерии позволяют развязывать своеобразные невидимые войны, когда противник может даже не подозревать о том, что против него ведутся необъявленные боевые действия.

Если даже СПИД и представляет собой эпидемию естественного типа, ничто не может гарантировать человечеству невозможность возникновения в будущем катастрофических эпидемий, вызванных искусственно выведенными вирусами. С одной стороны, международное запрещение подобных разработок ничего не даст, поскольку проконтролировать выполнение сторонами взятых на себя обязательств будет практически невозможно. Бактериологическая лаборатория – это не атомный полигон и ее очень легко спрятать от посторонних глаз. С другой стороны, односторонний мораторий какого-либо государства на подобного рода исследования весьма опасен, поскольку делает его беззащитным перед внешней бактериологической агрессией. Исследования должны проводиться хотя бы для того, чтобы превентивно разрабатывать лекарства для предотвращения возможных биогенетических угроз.

Последнее позволяет сделать пессимистический вывод о том, что **именно бактериологическое оружие может стать основным средством ведения войны в XXI веке**. Эффективность и доступность данного вида вооружений делают его весьма перспективным для террористов и недавняя «конвертная война» в

США, когда Аль-Каида рассылала по Америке конверты со спорами сибирской язвы – яркое тому подтверждение. В этой связи нельзя не согласиться с мнением одного из крупнейших российских микробиологов, академика РАМН А.А. Воробьева: «Биологическое оружие — одно из самых опасных и его применение вполне реально»¹⁴⁹.

7.7. Клонирование как вариант вечной жизни

Демонизм современной науки порождает в обществе определенные сомнения, особенно усилившиеся после Хиросимы и Нагасаки. Постепенно вырисовывается диалектическая роль научного познания в судьбе человечества: с одной стороны, это величайшее благо из всех тех, какие только себе можно представить, с другой стороны, величайшее зло. ***Парадоксальным образом именно научно-технический прогресс – наиболее вероятная причина гибели человечества. Каждое новое открытие сокращает оставшееся у нас историческое время.*** Подобный сценарий грядущей гибели человечества можно назвать ***маниакально-сомнамбулическим***. Завороженное сатанинским блеском научно-технических достижений человечество радостно спешит к своей гибели, подобно летящему на пламя мотыльку.

Сегодня наиболее перспективными направлениями развития науки являются, как известно, ***искусственный интеллект*** и ***генная инженерия***. Современная компьютерная программа без труда обыгрывает чемпиона мира по шахматам, хотя еще вчера многие считали подобное в принципе невозможным, поскольку компьютер – это голый расчет, а человек – стратегия и интуиция. Аналогичным образом генетически модифицированные растения типа сои или картофеля становятся вполне обыденной реальностью нашего повседневного бытия. Далее, очевидно, очередь за генетически модифицированными животными или мутантами, представляющими для человечества определенную угрозу.

Большой резонанс в современном мире имели первые успешные эксперименты по клонированию животных, а овечка

¹⁴⁹ Под бактериологическим мечом. – РФ сегодня, 2005, № 15. - http://www.russia-today.ru/2005/no_15/15_science.htm

Долли по своей популярности на некоторое время даже обошла английского премьер-министра. Дело в том, что клонирование животных открывает прямой путь к клонированию человека. Как нам представляется, повышенный интерес к этой теме вызван элементарной логической ошибкой.

Дело в том, что клонирование многими воспринимается как некий *земной вариант вечной жизни*. Последнее неверно, поскольку клон представляет собой самостоятельное существо, столь же отличающееся от своего «исходника» как один близнец от другого. Ведь однояйцовые близнецы – это, по существу, те же клоны, только не созданные искусственно, а возникшие естественным путем.

Справедливости ради следует отметить, что для существования человечества реальную угрозу представляет не само клонирование, а *те стратегические перспективы, которые открываются исследованиями в этом направлении*. Согласно классическим эволюционным представлениям, восходящим к учению Дарвина, мутации – это стохастический, принципиально не контролируемый процесс, к тому же еще до конца не изученный и не понятый. Генетическое конструирование мутантов, по законам теории вероятностей, рано или поздно должно привести к синтезу гоминидов, более совершенных, чем человек. Они вполне в состоянии будут заложить основы новой сверхрасы, которая оттеснит человечество на периферию эволюционного существования, подобно тому, как сами люди оттеснили на периферию бытия человекообразных обезьян.

7.8. Наше постчеловеческое будущее

Как указывалось в предыдущей главе, перспективы подобного рода сегодня рассматриваются лишь в футурологических исследованиях, близких к научно-фантастическим. Следует, однако, помнить, что фантастическим предвидениям, как правило, свойственно осуществляться, особенно если их осуществление – в наших руках. Нам представляется, что наиболее вероятный сценарий будущего человечества осуществится на стыке разработок в области геной инженерии и искусственного интеллекта. Будущее принадлежит

искусственным формам жизни – биокомпьютерным существам, которые будут созданы гением человека.

По существу, именно такой сценарий возможного конца человечества проигрывается в одном из исследований Френсиса Фукуямы: «Наше постчеловеческое будущее: Последствия биотехнологической революции»¹⁵⁰. В XXI веке постмодернистская наука окончательно сформирует мир, соответствующий ее внутренней неопределенности и расплывчатости **посредством размывания грани между культурой и природой**. По существу, в мире не останется ничего естественного. Окружающая нас биосфера подвергнется необратимым изменениям и постепенно начнет заселяться новыми формами жизни – биокомпьютерными.

Примечательно, что только они, а не люди, приспособленные исключительно к земным условиям, в состоянии заселить Солнечную систему, обеспечив земной жизни выход сначала на галактический, а затем на межгалактический уровень. Сказанное заставляет вспомнить демонистическое учение Фридриха Ницше о **сверхчеловеке**, который поставит себя на место умершего Бога¹⁵¹. Удивительно, но сегодня становится ясным, что именно учение этого экзальтированного мыслителя, сошедшего в конце жизни с ума, может оказаться гениальным предвидением.

Именно в ницшеанском контексте следует, на наш взгляд, искать своеобразный апокалиптический оптимизм, проистекающий из осознания возможности наиболее логичного и, следовательно, **достойного** завершения человеческой истории. Как пронизательно заметил в свое время Владимир Соловьев, анализируя духовный климат России кануна XX века, «... людьми, особенно чуткими к общим требованиям исторической минуты, не владеет одна, а по крайней мере три очередные или, если угодно, модные идеи: экономический материализм, отвлеченный морализм и демонизм «сверхчеловека». Из этих трех идей, связанных с тремя крупными именами (Карла Маркса, Льва Толстого, Фридриха Ницше), первая обращена на текущее и

¹⁵⁰ Fukuyama F. Our Posthuman Future: Consequences of the Biotechnology Revolution (2002), рус. пер. – Наше постчеловеческое будущее: Последствия биотехнологической революции (2004)

¹⁵¹ Ницше Ф. Так говорил Заратустра. Книга для всех и ни для кого // Соч. в 2 т. Т. 2. – М.: Мысль, 1990. – С. 5-237.

насущенное, вторая захватывает отчасти и завтрашний день, а *третья связана с тем, что выступит послезавтра и далее*. Я считаю ее самой интересной из трех»¹⁵².

Клонирование – это символ того безнадежного тупика, в который загоняет человечество слепая воля к жизни начиная с эпохи фараонов. Провоцируя изменения во всем, человечество, вместе с тем, маниакально консервирует собственную идентичность, *само ни в чем не желая меняться*. Подобная стратегия рано или поздно должна привести к тому, что материализуется еще один параноидальный сценарий, красочно описанный Уэллсом в романе «Война миров». С одним лишь уточнением, что инопланетянам не придется высаживаться из космоса, поскольку люди сами превратят Землю в другую планету, плотно заселив ее инопланетянами.

7.9. Значение ницшеанского понимания человека

Как справедливо заметил когда-то Энгельс: «Каждая ступень необходима и, таким образом, имеет свое оправдание для того времени и для тех условий, которым она обязана своим происхождением. Но она становится непрочной и лишается своего оправдания перед лицом новых, более высоких условий, постепенно развивающихся в ее собственных недрах. Она вынуждена уступить место более высокой ступени, которая, в свою очередь, также приходит в упадок и гибнет»¹⁵³.

Между тем, именно Ницше мы обязаны идеей, что «человек есть нечто, что должно превзойти». Глобально изменяя мир, человек постепенно становится в нем анахронизмом, поскольку сам при этом не меняется. Необходимо осуществить своеобразную диалектическую инверсию, обратив острие тотального изменения с изменяемого на изменяющего. Этот апокалиптический сценарий, обозначенный выше как постнаука-неорелигия, и является, на наш взгляд, наиболее органическим и естественным.

¹⁵² Соловьев В.С. Идея сверхчеловека. // Соч. в 2-х т. Т. 2. – М.: Мысль, 1988. – С.627.

¹⁵³ Энгельс Ф. Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии. – Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд., т. 21. – С. 275-276.

Только осознание принципиальной конечности бытия позволяет индивиду осуществить его органичное завершение, превратив свою прошедшую жизнь в своеобразную симфонию. **Подобно тому, как книга есть имитация реального бытия, последнее приобретает целостность и законченность лишь тогда, когда превращается в имитацию книги.** Впоследствии Хайдеггер определил подобную экзистенциальную направленность как собственное (или подлинное) бытие к смерти¹⁵⁴.

В аналогичном ключе можно истолковать и знаменитую «пограничную ситуацию», представляющую собой знаковый экзистенциал, который может быть интерпретирован как указание на то, что подлинная сущность человека проявляется в его существовании только тогда, когда он заведомо знает, что умрет, иначе говоря, сознательно ориентирован в своем экзистировании на грядущую гибель.

Примечательно, что именно **сознательная ориентация на самоуничтожение**, доведенная до исступления, является, по Ницше, необходимым условием грядущего появления сверхчеловека. По эмоциональному накалу соответствующие строки можно сравнить только с Нагорной проповедью, что вполне естественно, поскольку главный труд Ницше «Так говорил Заратустра», на наш взгляд, представляет собой постмодернистскую пародию на Библию.

«Человек – это канат, натянутый между животным и сверхчеловеком, – канат над пропастью[...].

В человеке важно то, что он мост, а не цель: в человеке можно любить только то, что он **переход** и **гибель**.

Я люблю тех, кто не умеет жить иначе, как чтобы погибнуть, ибо идут они по мосту[...].

Я люблю того, кто живет для познания и кто хочет познавать для того, чтобы когда-нибудь жил сверхчеловек. Ибо так хочет он своей гибели.

Я люблю того, кто трудится и изобретает, чтобы построить жилище для сверхчеловека и приготовить к приходу его землю, животных и растения: ибо так хочет он своей гибели[...].

¹⁵⁴ Хайдеггер М. Бытие и время. – М: Ad Marginem, 1997. – 452 с.

Я люблю того, кто из своей добродетели делает свое тяготение и свою напасть: ибо так хочет он ради своей добродетели еще жить и не жить более[...].

Я люблю того, чья душа переполнена, так что он забывает самого себя, и все вещи содержатся в нем: так становятся все вещи его гибелью.

Я люблю всех тех, кто являются тяжелыми каплями, падающими одна за другой из темной тучи, нависшей над человеком: молния приближается, возвещают они и гибнут, как провозвестники.

Смотрите, я провозвестник молнии и тяжелая капля из тучи; но эта молния называется *сверхчеловек*¹⁵⁵.

7.10. Экзистенциальный смысл потенциального продолжения

Совершенная книга рано или поздно должна закончиться. Но этот конец, с одной стороны, предполагает наличие потенциального читателя, а, с другой, *потенциального продолжения*. Сверхчеловек Ницше упраздняет человека, превращая его в историю и, вместе с тем, становится органическим продолжением упраздненного, восходя к нему генетически. Тем самым апокалипсис становится *преображением*, поскольку упразднение человеческого мира одновременно становится упразднением человеческого вообще.

Начиная с Эпикура и кончая Хайдеггером, философы осознавали, что смерть не может восприниматься как *своя собственная*, поскольку собственная смерть индивида исключает всякую возможность существования. По этой причине необходима бессмертная душа, наблюдающая со стороны смерть материального тела. Аналогичным образом грядущий апокалипсис будет восприниматься в качестве такового только в том случае, *если человечество не сможет, не успеет или не пожелает упразднить себя в качестве человечества*, вследствие чего будет вынуждено наблюдать извне гибель человеческого мира и окончательное прекращение человеческой истории.

¹⁵⁵ Ницше Ф. Так говорил Заратустра. Книга для всех и ни для кого. // Соч. в 2 т. Т. 2. – М.: Мысль, 1990. – С. 9-11.

Но коллективное упразднение человечества возможно только тогда, когда мир настолько изменится, что никто из людей не пожелает более оставаться людьми. Последнее, однако, реально осуществится лишь в тот исторический период, когда человек выступит в качестве *своего собственного творца*, реализуя свое генетическое продолжение не биологически-случайно, как животное, а технически-сознательно, как *бог*. Тем самым произойдет качественное ускорение темпов эволюции, что превратит тривиальную смену поколений в *смену проектов*, подобно тому, как каждая последующая модель продуктов современного промышленного производства должна выступать по отношению к предшествующей в качестве *усовершенствования*.

Тривиальному ветхозаветному решению проблемы смысла жизни посредством биологического размножения, то есть *инобытия в потомстве*, христианство противопоставило *вечное индивидуальное существование*, представляющее собой аналог книги, имеющей начало, но не имеющей конца. Последнее, однако, соответствует абсурдному тексту, вырождаясь, в конечном счете, в *глупую книгу* или дурную бесконечность. Еще более глупой представляется концепция жизни, сформировавшаяся в индуизме, которая аналогична странному тексту *без начала и конца*, то есть случайно вырванному куску бесконечной книги, ставшему доступным нам в сегодняшнем рождении.

Примером христиански глупой книги, как это ни странно, является ницшеанский «Заратустра». Как отмечалось многими авторами¹⁵⁶, первые части этого произведения написаны просто и гениально, тогда как заключительные – сплошные повторы и муть. Тема довольно быстро исчерпала себя, но Ницше, следуя своей концепции вечного возвращения, делает круг за кругом, по существу, не добавляя ничего нового к уже сказанному.

Здесь следует задаться вопросом, почему тривиальное ветхозаветное решение проблемы смысла жизни, в конце концов, перестало устраивать человечество? Традиционные общества строились так, что дети могли восприниматься как экзистенциальное продолжение своих родителей. Как правило, сын продолжал дело своего отца. Конечно, он мог быть хуже

¹⁵⁶ См., напр.: Свасьян К.А. Фридрих Ницше: мученик познания. – В кн.: Ницше Ф. Соч. в 2 т. Т.1. – М.: Мысль, 1990. – С. 5-46.

приспособлен к этому делу, либо вообще не приспособлен, но, тем не менее, конструируемая подобным образом экзистенциальная преемственность могла продолжаться на протяжении тысячелетий, так что постепенно начинала интерпретироваться в качестве естественного закона жизни.

7.11. Апофеоз беспочвенности

Шестов в «Апофеозе беспочвенности»¹⁵⁷ показал, что подобного рода преемственность – не более чем экзистенциальная иллюзия. Люди сами организуют мир таким образом, что сын продолжает дело своего отца, а затем это начинает восприниматься как естественный закон жизни, обрекающий человека на пожизненную привязанность к своему родовому делу, когда воин должен всю жизнь оставаться воином, торговец – торговцем, а слуга – слугой.

Слабость данной экзистенциальной конструкции в том, что *далеко не все социальные роли экзистенциально равноценны*. По этой причине чуть ли не каждый хотел бы быть царем, но практически никто не желает быть рабом. Последнее подвигает человека на героически-апокалиптическое разрушение наличной социальной структуры посредством перераспределения социальных ролей, чтобы последние стали первыми. При этом означенная структура вступает в период болезни, именуемой бунтом, который чаще всего завершается подавлением недовольных. Но возможны и такие экзистенциальные сценарии как гибель больной структуры под ударами других, более здоровых структур, а также последующее «выздоровление», то есть регенерация исходной разрушенной структуры после перераспределения социальных ролей.

В рамках восточной индубуддистской традиции генетически структурирующийся социум был идеологически усилен тезисом о переселении душ, согласно которому принятие своей социальной роли означает в следующей жизни более высокую социальную роль. Последнее аналогично театру, когда успешное

¹⁵⁷ Шестов Л. Апофеоз беспочвенности. Опыт адогматического мышления. – Л.: Издательство Ленинградского университета. 1991. – 216 с.

осуществление на сцене роли «кушать подано» приводит к тому, что расчувствовавшийся режиссер предлагает убедительному слуге роль Гамлета.

Именно поэтому в рамках восточной традиции не возникло чего-то, аналогичного христианству, и она устояла до наших дней. Напротив, западная традиция, не предполагавшая последующих экзистенциальных ролей после осуществления наличной, оказалась менее устойчивой к соответствующим разрушительным тенденциям. Когда Рим превращается в общество рабов и господ, первые не могли быть удовлетворены своей социальной ролью и, тем более, не стремились к ее продолжению в своих детях. Тем самым ветхозаветное решение проблемы смысла жизни посредством оставления потомства утрачивало свой смысл, сводясь к полному абсурду.

Если роль только одна и она не вызывает у осуществляющих ее никакого экзистенциального удовлетворения, появляется стремление *затянуть действие*, в пределе превращая его в бесконечное. «Распалась связь времен», и раб не желает более своего продолжения в потомстве, уповая только на то, чтобы его дети не повторили его судьбу, осуществив так и не сыгранные им экзистенциальные роли.

Подобная экзистенциальная ориентация, в конечном счете, и обусловила высокую степень экзистенциальной изменчивости западного общества, в отличие от восточного, где до сих пор сохраняются традиционные онтологические структуры, сложившиеся тысячелетия назад. Западный человек перманентно стремился к изменению своего социального положения, что достигает своего логического завершения в культуре США, представляющих собой сообщество эмигрантов, упразднивших свою традиционную экзистенциальность и попытавшихся построить новую, более соответствующую их изначальным экзистенциальным упованиям.

При этом ветхозаветная экзистенциальная ориентация продолжает существовать в западном обществе в своеобразном снятом виде, когда родители пытаются реализовать в детях те экзистенциальные чаяния, которые они сами по каким-то причинам не осуществили. Иначе говоря, ребенок изначально воспринимается как некий экзистенциальный проект,

синтезируемый родителями для последующего продолжения своего экзистирования в ином экзистенциальном измерении.

Однако биологически-случайная природа подобных проектов делает их изначально иллюзорными, вследствие чего дети практически никогда не оправдывают надежд своих родителей. Даже если это и происходит, то случайно и вопреки проектированию родителей, поскольку родительские представления о жизни, как правило, соответствуют иной экзистенциальной реальности, нежели та, в которой предстоит жить их детям.

Очевидно, что качественное изменение подобной ситуации может иметь место только в том случае, если естественное продолжение рода ***превратится в направленный биокомпьютерный синтез***, который позволит осуществлять не случайные, а заранее спроектированные образцы своего экзистенциального продолжения. Это, по существу, и будет означать завершение человеческой истории с реальным переходом в постчеловеческое измерение.

7.12. Завершение: жизнь как книга

Возвращаясь к аналогии книги, можно констатировать, что изначально практически во всех «книжных» культурах господствует представление о книге жизни как о ***чужом*** произведении. Например, в исламе считается, что книга жизни человека написана на небесах еще до его рождения, вследствие чего человек изначально ничего не может изменить в своем бытии. Аналогичным образом в «Бхагават-гите» Кришна говорит Арджуне:

«Пребывая всей твари владыкой,
нерожденным, нетленным, вечным,
Я внутри Мне подвластной природы
своей майей себя рождаю.

Всякий раз, когда в этом мире
наступает дхармы упадок,
когда нагло порок торжествует,

Я себя порождаю, Арджуна»...¹⁵⁸

Иначе говоря, Бог синтезирует этот мир, подобно тому, как автор сочиняет книгу, периодически выводя себя на сцену в качестве одного из действующих персонажей.

Смысл существования фаустовского человека вовсе не в том, чтобы вечно длить свое бытие, а в том, чтобы стать свободным как Бог, то есть самостоятельно структурировать свою книгу жизни. Не в этом ли *конечный смысл* нищешанской идеи смерти Бога и сартровского «фундаментального проекта»? Только в этом случае происходит *окончательная экзистенциальная инверсия*, когда не только книга становится отражением жизни, но и жизнь – отражением книги, то есть целостной историей, сочиняемой самим экзистирующим. Подобно тому, как Бог сочиняет этот мир, постчеловек сочиняет собственную жизнь, реализуя затем сочиненное. Тем самым книга становится живым воплощением жизни, а жизнь – воплощением книги.

Последний вопрос человечества: «Насколько близко мы подошли сегодня к глобальному завершению своего повествования?» Многие свидетельствуют о том, что *апокалипсис уже начался*. Однако, как это часто бывает в точках бифуркации, означенный конец может быть отсрочен, если, например, традиционалистский Восток победит модернистско-декадентский Запад, что с необходимостью приведет к *задержке* конца истории в форме Нового Средневековья. Аналогичным образом возможен *несчастный случай*, губительное *столкновение цивилизаций* и другие варианты *абсурдного конца*, достаточно полно описанные выше.

Дело в том, что книга жизни человечества включает в себя множество *цивилизационных частей, национальных глав* и даже *индивидуальных пунктов*, логика каждого из которых требует окончательного завершения, *права поставить последнюю точку*. В этом смысле конец света вполне может совпасть с концом Запада, России и даже Ивана Иванова, оказавшегося способным придать своему экзистированию вселенские масштабы.

¹⁵⁸ Бхагавадгита./ пер. с санскрита, исслед. и примеч. В.С. Семенцова. – 2 –е изд., испр. и доп. – М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1999. – С. 30.

Пока книга жизни человечества не дописана окончательно, мы не можем сказать, что из нее, в конце концов, получилось: глупая книга с бесконечными повторениями, абсурдная книга с нелепым концом, или шедевр, требующий, как известно, *продолжения*, но только в рамках другой истории.

абсолютный смысл.....	20
абсурдный бунт.....	47
апокалипсис.....	2, 55, 75, 106, 138, 143
апокалиптический вызов.....	75
атеизм, атеизма.....	125
бесконечность.....	20
бессмертие.....	9, 11, 80, 101, 126, 127
Бог.....	4, 24, 25, 38, 40, 49, 97, 101, 116, 119, 127, 143, 153
брак.....	98, 99
бытие к смерти.....	22, 26, 30, 33, 137
бытие от смерти.....	27
бытие, бытия... ..	14, 16, 17, 22, 23, 26, 28, 30, 31, 55, 78, 137, 151, 153
возможность, возможности.....	11, 13, 29, 33, 36, 42, 60, 100, 138
воля, воли.....	124, 126, 127, 136
время... ..	4, 7, 8, 17, 21, 22, 23, 24, 27, 28, 30, 32, 33, 39, 42, 43, 44, 49, 50, 53, 55, 58, 59, 61, 66, 67, 68, 69, 72, 78, 79, 80, 81, 83, 84, 87, 88, 89, 98, 104, 105, 107, 108, 112, 116, 118, 120, 123, 124, 126, 127, 133, 134, 135, 137, 153
герой, героизм.....	41
деградация, деградации.....	54, 57
дедовщина.....	45, 72
депопуляции.....	77, 78, 80, 81, 95, 96, 97, 100, 102
депопуляция, депопуляции.....	68, 102, 129
деструкция, деструкции.....	28, 31, 54
диалектика, диалектики.....	8, 112, 153
духовная пища.....	14
духовность.....	14
жизнь, жизни... ..	4, 5, 9, 13, 14, 15, 17, 18, 19, 20, 21, 22, 23, 25, 31, 32, 35, 36, 38, 39, 40, 41, 42, 43, 44, 46, 53, 54, 55, 85, 95, 99, 100, 101, 125, 127, 128, 137, 140, 142, 143
Запад, Запада... ..	51, 58, 59, 61, 62, 63, 67, 73, 79, 82, 88, 96, 114, 116, 143
иллюзия, иллюзорное.....	28, 140
исследовательские программы.....	85
истина.....	3, 4, 37
клонирование, клонирования.....	134
книга, книги... ..	4, 13, 14, 19, 21, 126, 129, 130, 137, 138, 142, 143, 144
культура, культуры... ..	20, 46, 48, 52, 56, 64, 82, 83, 84, 86, 87, 88, 89, 90, 95, 96, 97, 100, 101, 131, 153

либерализм, либерализма.....	46, 116
логическая бомба, логической бомбы.....	89, 102, 103
международный терроризм.....	34, 45, 47
менталитет.....	70
мертвый.....	7, 96
мотивация.....	3, 4, 5, 9, 10, 11, 15, 48, 96
мудрость.....	4, 118
мышление.....	6, 11, 126
необратимое, необратимость.....	27, 30
необходимость.....	20
неорелигия.....	112, 113, 117, 118, 136
новый мировой порядок.....	34, 45, 73
объективации, объективировать.....	11, 12, 14
отрицание отрицания.....	20
плоть.....	10, 16, 18, 34, 38
повторение.....	5, 6, 25, 26, 27, 123, 149
полнота существования.....	102
постмодернистская цивилизация.....	21
постнаука.....	112, 113, 117, 136
постчеловек.....	116, 143
постчеловеческое.....	109, 116, 117, 134, 135, 142, 154
потомство.....	100, 127
рабство, раб, раба.....	41
революция, революционность, революционер.....	32
Россия, России.....	40, 44, 47, 52, 53, 54, 56, 57, 58, 59, 60, 61, 63, 64, 65, 66, 67, 68, 69, 70, 73, 74, 75, 76, 77, 78, 80, 81, 87, 88, 89, 94, 110, 125, 129, 135, 143, 148, 152, 153, 154
самопожертвование, самопожертвования.....	17, 18
самоубийство.....	5, 19, 36, 37, 38, 39, 40, 41, 42, 43, 54, 100, 153
самоудовлетворение.....	116
сверхчеловек, сверхчеловека.....	116, 135, 136, 137, 152
свобода, свободу.....	20, 45, 46, 108, 116
свободный труд.....	90
смердяковщина.....	66
смерть.....	7, 11, 12, 13, 14, 15, 16, 17, 19, 21, 22, 24, 25, 27, 29, 34, 35, 36, 37, 38, 39, 40, 46, 51, 53, 54, 55, 56, 60, 62, 95, 106, 124, 125, 128, 129, 130, 138
собственность, собственности.....	89, 91
сознание.....	5, 6, 7, 13, 22, 115

СПИД.....	131, 132
США. 34, 47, 49, 57, 59, 72, 73, 75, 76, 77, 78, 81, 110, 129, 131, 133, 141	
творчество.....	12, 14, 15
теория, теории.....	28, 94, 95, 110
трагедия старения.....	16
труп.....	13, 14, 15
фальсификация, фальсифицировать.....	28, 85, 93, 94, 95, 103
философ.....	3, 4, 5, 79, 80
философия.....	6, 7, 33, 36, 64, 79, 81, 107, 121, 149, 153, 154
фундаментальный проект.....	28, 127
футурологический прогноз.....	45, 108
футурология.....	109, 110
холуйство, холуйства.....	70, 71, 72
цивилизация, цивилизации...52, 61, 77, 83, 87, 89, 105, 106, 113, 114	
человек, человека. 7, 8, 9, 12, 14, 17, 18, 20, 22, 25, 29, 31, 32, 36, 39, 40, 41, 42, 43, 50, 53, 57, 62, 67, 83, 89, 90, 98, 102, 108, 111, 112, 115, 116, 117, 118, 119, 121, 122, 124, 127, 128, 134, 135, 136, 137, 138, 140, 142, 143, 151	
экзистенциал.....	70, 71
экзистенциальное состояние.....	24
экзистенциальный проект.....	19, 106, 141
экзистенциальный феномен.....	27
экзистенция, экзистенции24, 27, 28, 30, 43, 53, 54, 96, 100, 101, 103, 120	
экзистенция, экзистировать.....	22, 55
экзистирование, экзистирования.....	100, 101, 104
эсхатология.....	52

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бердяев Н. Новое средневековье. - М.: Феникс, 1991. - 83 с.
2. Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. Репринтное воспроизведение издания УМКА-PRESS, 1955 г. - М.: Наука, 1990. - 224 с.
3. Бердяев Н.А. Судьба России. Опыты по психологии войны и национальности. - М.: Мысль, 1990. - 208 с.
4. Бруно Д. О героическом энтузиазме. - Киев: Новый Акрополь, 1996. - 281 с.
5. Бхагавадгита. Пер. с санскрита, исслед. И примеч. В.С. Семенцова. 2 -е изд., испр. и доп. - М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1999. - 256 с.
6. Бьюкенен П. Дж. Смерть Запада / П. Дж. Бьюкенен; Пер. с англ. А. Башкирова. - М.: ООО «Издательство АСТ»; СПб: Terra Fantastica, 2004. - 444 с.
7. Вариационные принципы механики. - М.: Госфизматиздат, 1959.
8. Вернадский В.И. Научная мысль как планетное явление. - М.: Наука, 1991.
9. Вернадский Г.В. История России. - Тверь: ЛЕАН, М.: Аграф, 1996-1997.
10. Гвишиани Д.М. (Ред.) Римский клуб. История создания, избранные доклады и выступления, официальные материалы. - М.: "Едиториал УРСС", 1997. - 388 с.
11. Гегель Г. Философия права. - М.: Мысль, 1990. - 524 с.
12. Гейзенберг В. Шаги за горизонт. - М.: Прогресс, 1987. - 368 с.
13. Гемпель К.Г. Логика объяснения. - М.: Дом интеллектуальной книги. Русское феноменологическое общество. 1998. - 240 с.
14. Гилберт Д., Малкей М. Открывая ящик Пандоры: Социол. анализ высказываний ученых: Пер. с англ. - М.: Прогресс, 1987. - 269 с.
15. Гиренок Ф. Пато-логия русского ума. Картография дословности. - М.: «Аграф», 1998. - 416 с.

16. Гуссерль Э. Кризис европейского человечества и философия. – В кн.: Гуссерль Э. Философия как строгая наука. – Новочеркасск: Сагуна, 1994, с.101-126.
17. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. – В 4-х т.: Т.4. – М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1956. – 684 с.
18. Дамиани П. О божественном всемогуществе. – В кн.: Ансельм Кентерберийский. Соч. – М.: Канон, 1995.
19. Делез Ж. Различие и повторение. – С.-Пб.: Петрополис, 1998. – 387 с.
20. Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. – М.: Мысль, 1979. – 620 с.
21. Достоевский Ф.М. Скверный анекдот. – В кн.: Достоевский Ф.М. Собр. соч. в 15-ти т.: Т. 4. – Л.: Наука, 1989.
22. Зиновьев А.А. Горбачевизм. – Нью-Йорк, 1998. – 457 с.
23. Зиновьев А.А. Зияющие высоты. – М.: Эксмо, 2008. – 736 с.
24. Зиновьев А.А. Мой дом – моя чужбина. Гомо советикус. – М.: приложение к журналу «Лепта», 1991. – 320 с.
25. Зиновьев А.А. Русская судьба, исповедь отщепенца. – М.: ЗАО Изд-во Центрполиграф, 1999. – 506 с.
26. Имамичи Т. Моральный кризис и метатехнические проблемы. // Вопросы философии, 1995, №3, с.73-82.
27. Камю А. Бунтующий человек. Философия. Политика. Искусство. – М.: Политиздат, 1990. – 415 с.
28. Камю А. Миф о Сизифе. Эссе об абсурде. – В кн.: «Сумерки богов». – М.: Политиздат, 1990, с.222-319.
29. Кант И. Единственное возможное основание для доказательства бытия Бога. – Соч. в 6-ти т.: Т.1. – М.: Мысль, 1964.
30. Кант И. Соч. в 6-ти т.: Т.1. – М.: Мысль, 1964. – 543 с.
31. Кант И. Соч. в 6-ти т.: Т.3. – М.: Мысль, 1964. – 799 с.
32. Кун Т. Структура научных революций. – М.: Прогресс, 1977. – 300 с.
33. Кураев А. О нашем поражении. – С.-Пб., 1999.

34. Кутырев В.А. Естественное и искусственное: борьба миров. - Н. Новгород. 1994.
35. Кьеркегор С. Повторение. – М.: Лабиринт, 1997.
36. Кьеркегор С. Страх и трепет. – М.: Республика, 1993.
37. Лакатос И. История науки и ее рациональные реконструкции. – В кн.: Структура и развитие науки. – М.: Прогресс, 1978, с. 203-269.
38. Лакатос И. Методология исследовательских программ. – М.: ООО «Издательство АСТ»: ЗАО НПП «Ермак», 2003. – 380 с.
39. Леонтьев К.Н. Византизм и славянство. – М.: ДАРЪ, 2005. – 496 с.
40. Мамардашвили М.К. Необходимость себя. - М.: Лабиринт, 1996. - 432с.
41. Маркес Г.Г. Третье смирение. – В кн. Маркес Г.Г. Другая сторона смерти. – М.: Азбука-классика, 2000. – 252 с.
42. Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. Т.1. Кн.1. Процесс производства капитала. – М.: Политиздат, 1983. – 905 с.
43. Мартынов Д.Я. Курс общей астрофизики. – М.: Наука, 1988. – 640 с.
44. Материалисты Древней Греции. - М.: Политиздат, 1955. - 238 с.
45. Мисима Ю. Золотой храм. – М.: Азбука-классика, 2007. – 352 с.
46. Моральный кодекс строителя коммунизма. - Программа Коммунистической партии Советского Союза. Принята XXII съездом КПСС. - М.: Политиздат, 1961.
47. Неруда П. Всеобщая песнь. - Собр. соч. в 4-х т.: Т. 3. – М.: Художественная литература, 1979. – 424 с.
48. Ницше Ф. Воля к власти. Опыт переоценки всех ценностей. – М.: Культурная революция, 2005. – 880 с.
49. Ницше Ф. По ту сторону добра и зла. Прелюдия к философии будущего. – Соч. в 2-х т.: Т.2. – М.: Мысль, 1990, с.238-407.
50. Ницше Ф. Соч. в 2-х т. Т.2. – М., 1990.
51. Ницше Ф. Сумерки идолов или как философствуют молотом. – Соч. в 2-х т.: Т.2. – М.: Мысль, 1990.

52. Ницше Ф. Так говорил Заратустра. Книга для всех и ни для кого. – В кн.: Ницше Ф. Соч. в 2 т.: Т. 2. – М.: Мысль, 1990, с. 5-237.
53. Ожегов С.И. Словарь русского языка. – М.: Сов. энцикл., 1964. – 900 с.
54. Пелевин В. Числа. – М.: Эксмо, 2006. – 320 с.
55. Перепелкин Ю.А. Переворот Амен-хотпа IV. Часть 2. М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1978.
56. Платон. Соч. в 4-х т.: Т.1. - М.: Мысль, 1990. - 860с.
57. Повель Л., Бержье Ж. Утро магов. Введение в фантастический реализм. – М.: Вече, 2005. – 464 с.
58. Под бактериологическим мечом. – РФ сегодня, 2005, № 15. - http://www.russia-today.ru/2005/no_15/15_science.htm
59. Поппер К.Р. Логика и рост научного знания. – М.: Наука, 1983.
60. Поппер К.Р. Открытое общество и его враги. В 2-х т.: Т.1-2 - М.: Феникс, 1992.
61. Поппер К.Р. Предположения и опровержения: Рост научного знания. – М.: ООО «Издательство АСТ»: ЗАО НПП «Ермак», 2004. – 638 с.
62. Послание старца Филофея. // Памятники литературы Древней Руси. Конец XV – первая половина XVI века. – М., 1984.
63. Пословицы русского народа. Сборник В. Даля. – М.: ГИХЛ, 1957.
64. Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса: Новый диалог человека с природой. - М.: Прогресс, 1986. - 432 с.
65. Русская идея / Сост. и авт. вступ. статьи М.А.Маслин. - М.: Республика, 1992. – 496 с.
66. Ругенбург В. И. Титаны Возрождения. – М.: Наука, 1991. – 138 с.
67. Савицкий П.Н. Континент Евразия. – М.: Аграф, 1997.
68. Сарнов Б. Маяковский. Самоубийство. – М.: Эксмо, 2007. – 672 с.
69. Сартр Ж.П. Бытие и ничто: Опыт феноменологической онтологии. – М.: Республика, 2000.

70. Свасьян К.А. Фридрих Ницше: мученик познания. – В кн.: Ницше Ф. Соч. в 2 т.: Т.1. – М.: Мысль, 1990, с. 5-46.
71. Слово, растворенное любовью. Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексий II о современной России и ее Церкви. – М.: Издательство Московской Патриархии, 2002. – 360 с.
72. Солженицын А.И. Архипелаг ГУЛАГ, 1918-1956: опыт художественного исследования. [В 3 кн.]. Ч. I-II. – Екатеринбург: У-Фактория, 2007. – 552 с.
73. Соловьев В.С. Идея сверхчеловека. – Соч. в 2-х т.: Т. 2. – М.: Мысль, 1988, с.626 - 634.
74. Соловьев В.С. Три разговора о войне, прогрессе и конце всемирной истории. // Соч. в 2-х т.: Т.2. – М.: Мысль, 1988, с.635-762.
75. Спиноза Б. Этика. – В кн.: Спиноза Б. Избранные произв. В 2-х т.: Т.1. – М.: ГИПЛ, 1957, с.359-618.
76. Стриндберг А. Слово безумца в свою защиту; Одинокий: Романы; Пьесы. – М.: Худож. лит., 1997. – 558 с.
77. Толстой Л.Н. Исповедь. В чем моя вера? - Л.: Худож. лит., 1990. - 416 с.
78. Толстой Л.Н. Исповедь. В чем моя вера? – Л.: Худож. лит., 1990. – 416 с.
79. Тургенев И.С. Отцы и дети. – М.: Детская литература, 2008.
80. Умов Н.А. Собрание сочинений, Т. 3. - М., 1916.
81. Фейерабенд П. Ответ на критику. - В кн.: Проблемы структуры и развития науки. - М.: Прогресс, 1978, с.419-470.
82. Федоров Н.Ф. Из «Философии общего дела». – Новосибирск, 1993.
83. Федоров Н.Ф. Философия общего дела. В 2-х томах. – М.: АСТ, 2003.
84. Фейербах Л. Избранные философские произведения в 2-х т.: Т.1. - М.: Госполитиздат, 1955. - 676с.
85. Филатов Т.В. Введение в технологию философствования. - Самара: ПО “СамВен”, 1996. - 242с.

86. Филатов Т.В. Основное заблуждение диалектики. - Сб.: Смысл «и» выражение: контroversы современного гуманитарного знания. – Самара, 2001.
87. Фрагменты ранних греческих философов. Ч.1. – М.: Наука, 1989.
88. Фрейд З. “Я” и “Оно”. Труды разных лет. Книга 1. - Тбилиси: Мерани, 1991. - 400 с.
89. Фромм Э. Иметь или быть. - М.: Прогресс, 1986. - 240 с.
90. Фрэзер Д.Д. Золотая ветвь. - М.: Политиздат, 1980. - 831 с.
91. Хайдеггер М. Бытие и время. – М.: Ad Marginem, 1997. – 452 с.
92. Хайдеггер М. Прологомены к истории понятия времени. – Томск: «Водолей», 1998.
93. Хайдеггер М. Разговор на проселочной дороге. – М., 1991.
94. Хайдеггер М. Слова Ницше «Бог мертв». – В кн.: Работы и размышления разных лет. – М.: Гнозис, 1993, с. 168-217.
95. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. – М.: ООО «Издательство АСТ», 2003. – 603 с.
96. Хейзинга Й. Homo Ludens; Статьи по истории культуры. – М.: Прогресс – Традиция. 1997. – 416 с.
97. Холодный Н.Г. Избранные труды. - Киев, 1982.
98. Хорев Б. Депопуляция в России. – <http://lib.thewalls.ru/horev/depopol.htm>
99. Хоффман Э. Сопри эту книгу. – М.: Гилея, 2003.
100. Циолковский К. Э. Грезы о земле и небе. Научно-фантастические произведения. - Тула: Приокское книжное издательство, 1986. - 448с.
101. Циолковский К.Э. Очерки о Вселенной. – М., 1992.
102. Чаадаев П.Я. Философические письма. // Статьи и письма. – М.: Современник, 1989, с. 38-146.
103. Чаттерджи С., Датта Д. Индийская философия: Пер. с англ. - М.: Селена, 1994. - 416 с.
104. Чижевский А.Л. Земное эхо солнечных бурь. - М., 1976.
105. Чхартишвили Г.Ш. Писатель и самоубийство. – М.: Новое литературное обозрение, 2000. – 576 с.
106. Шафаревич И.Р. Есть ли у России будущее? – М., 1991.

107. Шестов Л. Апофеоз беспочвенности. Опыт адогматического мышления. – Л.: Издательство Ленинградского университета. 1991. – 216 с.
108. Шпенглер О. Закат Европы. Очерки мифологии мировой истории. 1. Гештальт и действительность. - М.: Мысль, 1993. - 663 с.
109. Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. 2. Всемирно-исторические перспективы. – М., 1998.
110. Эберштадт Н. Депопуляция – смертельная угроза для России. // The Washington Post, 13.02.2004. – <http://www.inosmi.ru/translation/207544.html>
111. Энгельс Ф. Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии. – Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд., т. 21
112. Юнг К.-Г. Коллективное бессознательное. - В кн.: Юнг К.-Г. Психология бессознательного. - М., 1994, с. 103-134.
113. Fukuyama F. Our Posthuman Future: Consequences of the Biotechnology Revolution (2002), рус. пер. – Наше постчеловеческое будущее: Последствия биотехнологической революции (2004)
114. Fukuyama F. State-building: Governance and World Order in the 21st Century (2004)
115. Fukuyama F. The End of History and the Last Man (1992), рус. пер. – Конец истории и последний человек (2004)
116. Fukuyama F. The End of Order (1997)
117. Fukuyama F. The Great Disruption: Human Nature and the Reconstitution of Social Order (1999), рус. пер. – Великий разрыв (2003)
118. Fukuyama F. Trust: The Social Virtues and the Creation of Prosperity (1995), рус. пер. – Доверие: Социальные добродетели и путь к процветанию (2004)
119. Hohlweg Kai, Hooker C. A. Historical and Theoretical Context // Issues in Evolutionary Epistemology / Ed. by Hahlweg Kai, Hooker C.A. New York: State University of New York Press, 1989, pp. 23-44. (Сокращенный русский перевод: Хахлвег Кай, Хукер К. Эволюционная эпистемология и философия науки. Глава I.

Исторический и теоретический контекст // Современная философия науки. Знание, рациональность, ценности в трудах мыслителей Запада. Хрестоматия / Под ред. Печенкина А.А. М.: Логос, 1996. – С. 158-177.

ОГЛАВЛЕНИЕ

1. ПИСЧЕБУМАЖНЫЙ ТРУП, ИЛИ ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ.....	3
1.1. Мотивация литературного творчества. Постановка проблемы.....	3
1.2. Экзистенциальная мотивация философствования.....	4
1.3. Скрытая сущность кладбищенских монументов.....	6
1.4. Материальность памятника как экзистенциальный минус...9	
1.5. Экзистенциальная мотивация литературного творчества...10	
1.6. Книга как труп души.....	13
1.7. Книга как духовная пища.....	14
1.8. Демон самопожертвования.....	17
1.9. Самопожертвование как глобальный экзистенциальный проект.....	19
2. БЫТИЕ К СМЕРТИ И НЕОБРАТИМОСТЬ ВРЕМЕНИ	22
2.1. Хайдеггер: экзистенция как бытие к смерти.....	22
2.2. Некорректность хайдеггеровской интерпретации экзистенции. Оптимизм Гераклита.....	24
2.3. Бытие от смерти.....	26
2.4. Сужение горизонтов бытия и кризис среднего возраста...29	
2.5. Бытие к смерти как иллюзорное бытие.....	30
2.6. Экзистенциальное резюме: абсурдность старости.....	32
3. СЛОВО О САМОУБИЙСТВЕ.....	34
3.1. Рождение международного терроризма как экзистенциального феномена.....	34
3.2. «Невероятное ощущение власти».....	35
3.3. Экзистенциальная сущность самоубийства.....	36
3.4. Самоубийство и героизм.....	38
3.5. Релятивность моральной оценки.....	39
3.6. Героизм и доброта как самоубийство.....	41
3.7. Социальность и самоубийство.....	42
3.8. Способность к самоупраждению как мера возвышенности экзистенции.....	43
3.9. Экзистенциальная сущность терроризма.....	44
3.10. Небольшой фугурологический прогноз.....	45
3.11. Удар изнутри.....	46
3.12. Резюме: неизбежность абсурдного бунта.....	48
Постскриптум.....	50

4. ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОЕ ЗНАЧЕНИЕ ШЕСТИДЕСЯТЫХ ГОДОВ ДВАДЦАТОГО ВЕКА.....	51
4.1. «Империя зла».....	51
4.2. Смысл экзистенциальной формулы: «Москва – третий Рим».....	52
4.3. Экзистирование в России как непереносимый ужас.....	54
4.4. Шестидесятые годы XX века как «акмэ» России.....	56
4.5. Шестидесятые как точка экзистенциального перелома.....	57
4.6. Конец истории по Фукуяме.....	58
4.7. Экзистенциальный смысл «Карибского кризиса».....	59
4.8. Смысл русской истории и апокалиптическое безрассудство.....	61
4.9. «Лысый» и другие парадоксы.....	62
4.10. Синдром Ахиллеса.....	63
4.11. Русская идея.....	63
4.12. Геополитический выбор России.....	65
4.13. Смысл смердяковщины.....	66
4.14. Экзистенциальное своеобразие России.....	67
4.15. «Русский крест».....	68
4.16. Холуйство.....	69
4.17. Дедовщина.....	71
4.18. Комплекс неполноценности.....	72
4.19. Предательство.....	74
4.20. Нереальность апокалиптического сценария.....	75
4.21. Депопуляция как альтернатива ядерному апокалипсису..	76
5. ДЕПОПУЛЯЦИЯ КАК ФИЛОСОФСКАЯ ПРОБЛЕМА.....	77
5.1. Постановка вопроса о депопуляции.....	77
5.2. Биологическое бессмертие этноса.....	80
5.3. Футурологический прогноз Шпенглера.....	82
5.4. Аналитическая схема концепции Шпенглера.....	84
5.5. Методология исследовательских программ Лакатоса.....	84
5.6. Кинетизм Шпенглера как пример реализации методологии исследовательских программ.....	86
5.7. Критика шпенглеровско-лакатосовской идеи концептуального перенасыщения	87
5.8. Концептуальные причины не рождения советской культуры.....	88

5.9. Концепция «логической бомбы» и фальсификационизм К.Р. Поппера.....	92
5.10. Специфика фальсификации оснований культуры.....	95
4.11. Специфика решения проблемы воспроизводства в рамках иудейской и христианской культур.....	97
5.12. Фаустовский ценностный идеал.....	99
5.13. Фаустовская «логическая бомба».....	102
5.14. Вопрос вопросов: «что делать?».....	103
5.15. Резюме: элиминация.....	105
6. ПОСТНАУКА-НЕОРЕЛИГИЯ.....	108
6.1. Гегельянство и фатализм.....	108
6.2. Наше возможное будущее.....	110
6.3. Основное заблуждение диалектики.....	112
6.4. Третий путь.....	114
6.5. Сущность постнауки-неорелигии.....	117
6.6. Феномен самоструктурирования.....	118
6.7. Эпоха джинов.....	120
7. АПОЛОГИЯ НИЦШЕ ИЛИ ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ.....	123
7.1. Повторение. Начало.....	123
7.2. Интуиция апокалипсиса.....	124
7.3. Бесконечная жизнь как бесконечная проблема.....	125
7.4. Ветхозаветная и новозаветная традиция решения проблемы смысла жизни.....	127
7.5. Анализ апокалиптических сценариев: резюме.....	128
7.6. СПИД как технологическая загадка.....	131
7.7. Клонирование как вариант вечной жизни.....	133
7.8. Наше постчеловеческое будущее.....	134
7.9. Значение ницшеанского понимания человека.....	136
7.10. Экзистенциальный смысл потенциального продолжения.....	138
7.11. Апофеоз беспочвенности.....	140
7.12. Завершение: жизнь как книга.....	142
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ.....	148